Софья ШОЛОМОВА

СЕРДЕЧНЫЙ ОТКЛИК

Этюды о Варламе Шаламове

Харьков
«ПРАВА ЛЮДИНИ»
2015

УДК 821.161.1’06(477)Шал.09:343.261-052:323.28
ББК 83.3(4Укр=Рос)6-8Шаламов
Ш78

Художник-оформитель
Б. Е. Захаров

Эта публикация печатается
при финансовой поддержке Правительства Швеции.
Взгляды и интерпретации, представленные в этом издании,
не обязательно отражают позицию Правительства Швеции

Шоломова С. Б.

Ш78 **Сердечный отклик.** Этюды о Варламе Шаламове / С. Б. Шоломова; ОО «Харьковская правозащитная группа». — Харьков: ООО «Издательство права человека», 2015. — 336 с. фотоилл.

ISBN 978-617-7266-37-1

Варлам Тихонович Шаламов – первоклассный прозаик и поэт, один из самых известных, наряду с Александром Солженицыным, писатель советского ГУЛАГа, автор знаменитых «Колымских рассказов». В его судьбе всегда присутствовала и, как незримая нить, связывала воедино все этапы его жизни, высокая поэзия. Эта «нить» оказалась удивительно прочной, а его судьба – в высшей степени поучительной. Он не просто выжил в ГУЛАГе, что само по себе следует считать чудом, не только не сломался, но и смог в полный голос рассказать оглушающую правду о жизни в нечеловеческих условиях.

УДК 821.161.1’06(477)Шал.09:343.261-052:323.28
ББК 83.3(4Укр=Рос)6-8Шаламов

© С. Б. Шоломова, 2015
© Б. Е. Захаров, художественное оформление, 2015

ISBN 978-617-7266-37-1

От автора

Писать о Варламе Тихоновиче Шаламове невероятно ответственно, но и радостно. Радостно от сознания, что он не покидает меня в моих размышлениях о жизни и смерти, о ценностях и приоритетах в моей земной, пока еще длящейся жизни.

В его судьбе всегда присутствовала, и как незримая нить связывала воедино все этапы его жизни, высокая Поэзия. Эта «нить» оказалась удивительно прочной, а его судьба в высшей степени поучительной. Он не просто выжил в ГУЛАГЕ, что само по себе следует считать чудом, не только не сломался, но и смог в полный голос рассказать оглушающую правду о жизни в нечеловеческих условиях. Его «Колымские рассказы», начатые в 1953-м году после 16 лет концлагерей и двух лет ссылки, написаны в строгой и лаконичной стилистике.

В рабочей тетради Шаламова 1966 года сохранилась такая запись: «**Мне нужно сжечь себя, чтобы привлечь внимание**».

В Варламе Тихоновиче Шаламове постоянно жила страстная жажда отклика и понимания. Он обрел их сполна только после своей смерти.

* * *

17 января 1982 года Варлам Тихонович отошел в мир иной. Стало уже банальным говорить о том, что известность и признание приходят к автору, как правило, уже после его физической смерти.

* * *

В 1987 году появились первые серьезные публикации прозы Шаламова и стихов из его колымских тетрадей. Общество неожиданно заинтересовалось его работами; появились издания сборников «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы» и др**.**

«Колымские рассказы», написанные между 1954 и 1973 годами, убедительно показали, что художественные и документальные отражения ГУЛАГА – неисчерпаемы и многообразны. И хотя говорится вроде бы об одном и том же – холоде, голоде, унижениях, боли, непосильном труде, но, сколько непохожих одна на другую историй рассказал нам Варлам Тихонович.

Его прозу невозможно перечитывать несколько раз. Она входит в сознание и душу раз и навсегда. Прошедший все круги сталинского ада, своими «Колымскими рассказами» Шаламов сумел создать нечто большее, чем только литературный памятник всем жертвам преступного режима.

Публикации начались еще при его жизни тонкой струйкой отдельных стихотворений. Затем последовало издание 5-ти прижизненных поэтических сборников, куцых и «обглоданных» редакторами и цензурой. Шаламов называл их стихами *«обглодышами»*.

Спустя пять лет после смерти в литературу вошел Шаламов-прозаик и эссеист. Его «Колымские рассказы» потрясали и буквально оглушали своей беспощадной художественно выраженной правдой.

Варлам Шаламов признавался: *«Каждый мой рассказ – пощечина сталинизму. И как всякая пощечина имеет законы чисто мускульного характера… пощечина должна быть короткой и звонкой…»*

* * *

На первый взгляд он кажется противоречивым, но это вполне естественное свойство исключительно большого таланта. Он видит мир объемным и многозначным.

Александр Блок отмечал ***«спасительный яд творческих противоречий».***

Этот «яд» спасает подлинного художника от убеждения в собственной непогрешимости и стремления поучать людей. Для него, как и для Шаламова, каждый человек, как и любое явление жизни, не однозначны, а представляют собой тайный сгусток творческой энергии.

Поэзия Шаламова, как и проза «Колымских рассказов», уже почти четверть века служит для меня важным источником духовной энергии, а сам Варлам Тихонович – постоянным духовным собеседником и спутником.

В произведениях Варлама Тихоновича замечательно отражена неразрывность Судьбы, Души и Мыслей автора.

Больше всего Шаламов боялся забыть лагерную жизнь, забыть тех, кто уже не мог свидетельствовать о зле. Он не только выполнил свою внутреннюю клятву, но и мужественно пережил «вторичное схождение в ад». Такой поступок под силу только Титану Духа! Но плата была чрезвычайно велика... Здоровье катастрофически разрушалось. Зато, как сказала Марина Цветаева, «Душа сбылась».

После почти 20-ти лет лагерей, в последующие двадцать лет он прожил как бы несколько самостоятельных жизней в напряженном творчестве, и сумел воплотить главное…

* * *

В письме к Борису Пастернаку он писал: *«Для меня никогда стихи не были игрой или забавой. Я считал стихи беседой человека с миром на каком-то третьем языке, хорошо понятном и человеку, и миру, хотя родные-то языки у них разные... Стихи, конечно, родились из песни. Но, отделившись от песни и развиваясь самостоятельно и далеко от песни уходя, стихи обнаружили в себе такие способности и скрытые силы, о которых никакая песня и мечтать не могла... Стихотворная форма в своем развитии показала возможности особенные, оказалась неизмеримо шире и глубже любого другого искусства – музыки, живописи, скульптуры».*

В финале жизни, потеряв слух и зрение, Шаламов «*заговорил в своих стихах языком просветленно юродствующим*» (выражение К. Кедрова). Кедров справедливо заключал: *«На самом деле это в прямом смысле слова святая поэзия. И подходить к ней с обычными мерками нельзя. Это нечто большее, чем стихи. Таким языком изъяснялись пророки и посланники Божии».*

* * *

«В нем был Аввакумов дух непримиримости», – писала о нем И.П. Сиротинская. Можно добавить: в нем было яростное самосожжение, спор с миром, с жизнью и судьбой.

Поток его произведений подобен мощной и живоносной реке.

На трагическом фоне *«свинцового века»*, по выражению поэта В. Леоновича, судьба и творчество Шаламова были и остаются уникальными

* * *

В конце 80-х годов мною была сделана первая работа, раскрывающая отношение Шаламова к поэзии и личности Александра Блока. В те годы меня интересовала локальная тема: как творчество Александра Блока воспринимали творческие личности, которые мне были очень дороги – Пришвин, Паустовский и Шаламов. Все они – мои постоянные собеседники и спутники.

Первая моя работа была написана почти 20 лет назад. Я решила ее оставить в том виде, в каком она написана. Мне страшно ее перечитывать. Она дважды переделывалась в периоды моих выступлений в Вологде. Текст сохранился неопубликованным. И вот он обретает самостоятельную жизнь. И я надеюсь на отклик в сердцах моих невидимых читателей.

Вторая глава была написана к 100-летию со дня рождения К. Г. Паустовского, моего душевного собеседника с далеких лет юности.

Так родился небольшой историко-литературный этюд под названием «Да не судимы…»

Глава, посвященная Борису Слуцкому родилась в период создания моих работ о Гулаге. Я была поражена его бесстрашием, аналитическим умом и деятельным служением Слову и Поэзии. Прикосновение к его стихам началось с рукописей, которые сохранились в архиве отдела редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В.Г. Короленко в фонде профессора Я. Гегузина, школьного друга Б. Слуцкого, на всю жизнь оставшегося верным его памяти.

В начале 90-х появился цикл историко-краеведческих новелл «Харьковчане – солагерники Шаламова». Харьковская тема всегда находит меня, какую бы работу я ни начинала. В данном случае эта глава писалась не только как краеведческий этюд. Она вышла за привычные рамки. Мне было важно своим словом послужить освобождению из плена забвения значительных и забытых людей, которые прошли дорогами Колымы.

За каждой судьбой – этап моего собственного духовного и творческого развития.

Но каждый раз оставалось ощущение неутоленности и какой-то недоговоренности. Космос Шаламова оставался необъятным и непостижимым. Он манил к себе, особенно если заходила речь о пересечении его творческого и жизненного пути с кем-либо из тех, кто был мне интересен и дорог.

И вот наступил 2007 год – год 100-летия Варлама Тихоновича.

Этот год стал для меня особенно знаковым, потому что я подводила итоги собственной жизни. Тогда-то именно я поняла, что не имею права оставить неоконченными написанные в разное время новеллы, связанные с именем и судьбой В.Т. Шаламова. Так родилась эта композиция. Осенью 2007 года, когда я задумала цикл новелл об удивительно яркой творческой личности – Марии Вениаминовне Юдиной, постепенно зародился новый сюжет, который я назвала «Сердечный отклик». Непосредственным поводом для данного эссе послужило одно из писем М.В. Юдиной в адрес Варлама Тихоновича Шаламова.

Перечитывая это письмо, я словно приблизилась к миру Марии Вениаминовны, одновременно с этим и к миру В.Т. Шаламова.

Последний этюд очень важен для меня и посвящен не только 100-летию Варлама Тихоновича Шаламова, но и памяти Марии Вениаминовны Юдиной, чья судьба и слово послужили для меня большой духовной опорой в трудный, почти критический период моей жизни накануне собственного 70-летия**.**

Многие главы были написаны мною еще в то время, когда сочинения Шаламова почти не появлялись в печати. Моей целью стало стремление дать слову Шаламова и слову о нем новую жизнь, пропустив все строчки через собственную душу, для которой его судьба и книги, и строчки – все жизненно важно и светоносно.

Велика ответственность моего слова. Удалось ли мне осуществить задуманное, решать читателю.

Глава 1

Хрупкие ростки Памяти

Всегда загадочны утраты.
В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.
Тут все – полуслова и тени,
Обмолвки и самообман.
И только верой в Воскресенье
Какой-то указатель дан.

Борис Пастернак.

Попытаюсь выстроить в хронологической последовательности важные для меня события давних лет. За каждой датой, за каждым событием скрывается сложная гамма переживаний, настроений и потаенных размышлений.

Я помню первое чувство ошеломленности от немногословной, суровой и кровоточащей прозы Варлама Тихоновича. О своей прозе он написал: *«... Это – не автобиография...* Это – *литературная нить моей судьбы»*. Но еще до этого прикосновения к высокому слову писателя, я открыла его для себя как поэта.

С начала 80-х годов я постоянно следила за выпусками альманаха «День поэзии». Знакомство с каждым из них дарило столько сладких минут узнавания созвучных строк.

В одном из выпусков альманаха я обратила внимание на стихотворение «Камея» незнакомого для меня поэта. С тех пор я стала настойчиво искать публикации стихотворных строчек это-

го автора. Так постепенно я приобщалась к поэтическому миру Шаламова. Мне посчастливилось найти все пять прижизненных его поэтических сборников. Уже тогда я понимала, сколько еще стихотворений осталось за рамками этих публикаций из-за идеологической цензуры.

Я обратила внимание, что редактором этих сборников был один и тот же человек, и в один из приездов в Москву я даже познакомилась с ним в редакции журнала «Юность». Я задала ему вопрос: «Существуют ли стихи Шаламова, посвященные Александру Блоку»?

Моя интуиция подсказывала, что такие строки должны существовать, хотя они и не попали в сборники. Увы, ответ был маловразумителен…. Ни да, ни нет….

Значительным событием для меня как для читателя стало знакомство с письменным диалогом между Шаламовым и Пастернаком. Публикация их писем появилась на страницах журнала «Юность». Переписка Шаламова с Борисом Пастернаком позволила представить скрытый творческий потенциал писателя. Позже мне посчастливилось увидеть его рукописи, написанные в разные годы жизни.

Тяжело было читать его эссе, записи в дневниках и критические статьи. В конце жизни болезнь сделала его почерк прерывистым и трудно читаемым. Во всех его строчках пульсировала мысль, оставляя неизгладимый след на белых листах школьных тетрадей. Эти тетради вызывают благоговейное чувство восхищения, и берет оторопь от реального прикосновения к чему-то высокому и святому.

Больше всего в те годы меня интересовали сокровенные мысли Шаламова об Александре Блоке.

* * *

С 1985 года я уже постоянно следила за появлением в печати поэтических текстов Шаламова. 1988–1990 годы были сопряжены с работой над темой «Александр Блок в судьбе В. Шаламова».

В те годы меня живо интересовал вопрос: как поколение творческих людей, которое было значительно младше Александра Блока, воспринимало и осмысляло его поэзию. Так родилось эссе «Александр Блок в судьбе и творчестве Варлама Шаламова».

Впервые оно прозвучало в июне 1990 года в стенах музея Александра Блока в Петербурге. Выступление было приурочено ко дню

рождения писателя. Я впервые вынесла на суд слушателей фрагмент этой работы. А спустя год завершенный вариант прозвучал в Вологде, на родине Шаламова.

Одновременно с этим начался поиск биографических сведений о Шаламове. Я стала искать каждую его публикацию. Какие-то подшивки журнала «Сельская молодежь» и «Юность» ввели меня в поэтический мир Шаламова.

Узнав о его судьбе и терниях на жизненном пути, особенно о финале жизни Варлама Тихоновича, я поняла, что этой темой буду заниматься долго, а может, и постоянно.

Встреча с Федотом Федотовичем Сучковым

Март 1989 года. Поездка на несколько дней в Москву. Разыскала, хотя уже и не помню, через кого именно, Федота Сучкова. Состоялось знакомство в каком-то полуподвале, где он обитал в последние годы жизни. Там же, по его словам, была его художественная мастерская. А на самом деле – обыкновенная трущоба. Федот Федотович принял меня радушно. Много рассказывал об Андрее Платонове, потом показал тетрадь, в которой на машинке были напечатаны стихи Варлама Тихоновича, и сказал, что это «остаток». Остальные стихи зажили своей жизнью в Самиздате. Многие перепечатки у него просто присвоили непрошенные посетители. За чашкой крепкого чая с пирожными мы беседовали довольно долго. Его поразило, что я уже была на кладбище, где похоронен В.Т., и сама разыскала его могилу. Более того, я уже знала, что автором надгробья был именно он. Узнав о моих планах создать в Харькове в библиотеке им. Короленко архивный фонд документов «Памяти В.Т. Шаламова», Федот Федотович расчувствовался, и когда я уходила, отдал мне эту последнюю, чудом сохранившуюся тетрадь со стихами Варлама Тихоновича.

Из нашего разговора я запомнила некоторые его фразы:

- *«Он недополучил от эпохи все ценимое в ней и бесценное во все времена, заработанное в поте лица богатство – признание…»*
- *«Вспоминаются слова Шаламова: «Я состою из осколков, на которые меня раздробила колымская лагерная республика»…»*

Ф. Сучков справедливо называл Варлама Тихоновича «лагерным Гомером».

Ирина Павловна Сиротинская с горечью подтверждала, что *«жизнь раздробила прекрасного, талантливого, страстного человека на кусочки».* Однако эти *«кусочки личности были сцементированы волей и мужеством».*

Встреча с Ф. Сучковым, с этим светлым, чистым, много претерпевшим человеком, стала для меня памятной. Через несколько месяцев Федота Федотовича не стало…

Биографическая справка о Ф. Сучкове (1915–1991)

Писатель и скульптор Федот Федорович Сучков родился 27. 01. 1915 года в деревне Дорохово Ачинского уезда Енисейской губернии.

Среднюю школу окончил в Минусинске.

В 1926 студент МГУ.

В 1938 поступил в Литературный институт им. Горького, где подружился с А. Платоновым.

05. 09. 1942 года был арестован по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР и осужден на 8 лет ИТЛ.

Срок отбывал на строительстве Северо-Печерской ж/д магистрали.

Осужден вторично 01. 10. 1944 еще на 2 года ИТЛ.

Срок отбывал в Минлаге.

В октябре 1952 был этапирован в село Мотыгино Удерейского р-на на поселение.

Работал нормировщиком в артели «Победа».

В просьбе посетить мать Еремину Федосью Матвеевну, проживавшую в Минусинске, было отказано.

11. 10. 1955 года был освобожден и сразу уехал в Москву. После освобождения работал в Москве литературным сотрудником, завотделом, ответственным секретарем журнала «Сельская жизнь». Вскоре был реабилитирован**.**

В 1959 году он окончил Литературный институт, и в дипломе написано: поступил в 1939, закончил в 1959 году. Даты говорят сами за себя.

Его сокурсниками были Белла Ахмадулина, Юрий Казаков, А. Приставкин.

Он активно содействовал первым публикациям Андрея Платонова и Михаила Булгакова.

Сучковым написано замечательное предисловие «На красный свет» к сборнику Платонова, где впервые был напечатан «Город Градов». Он помогал А. Битову, Ф. Искандеру, А. Киму публиковаться в журнале «Сельская молодежь».

Не оставлял он и работы по созданию скульптурных портретов. Он создал скульптурные портреты Юрия Домбровского, Варлама Шаламова, А. Солженицына.

Уже в 1980 году у него в мастерской по доносу был обыск, забрали «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, «Колымские рассказы» Шаламова и рукописи многих других писателей и поэтов.

Его повесть «История Алпатьева», предвосхищавшая «Один день Ивана Денисовича», в 1989 еще не была напечатана.

Сучков – автор памятника В. Шаламову на кладбище и мемориальной доски А. Платонову на Тверском бульваре.

В 1989 году он участвовал в выставке репрессированных художников.

Умер в Москве 19. 11. 1991 года.

12 июня – 10 августа 2003 года состоялась выставка: «Творчество художников после ГУЛАГа: *Живопись, графика, скульптура», и на ней был представлена эта работа Ф. Сучкова.* Посмертно он продолжал оставаться в строю.

Я вспомнила, как он показал мне один полюбившийся текст В. Шаламова. Он говорил: *«Между многими классическими по форме и современными по духу стихотворениями однажды явились ему пять строф, включенные позже в самодельном сборнике в «Пятую колымскую тетрадь».*

Мне не сказать, какой чертою
Я сдвинут с места – за черту,
Где я так мало, мало стою,
Что просто жить невмоготу.

Здесь не людское.
Здесь – Господне.
Иначе как, иначе кто
Напишет письма Джиоконде,
Засунет ножик за пальто.

И на глазах царя Ивана
Сверкнет наточенным ножом.
И те искусственные раны
Искусства будут рубежом.

И пред лицом моей мадонны
Я плачу, вовсе не стыдясь,
Я прячу голову в ладони,
Чего не делал отродясь.

Я у себя прошу прощенья
За то, что понял только тут,
Что эти слезы – очищенье,
Их также «катарсис» зовут.

Посещение кладбища

Незабываемое Старо-кунцевское кладбище. И мои самостоятельные поиски могилы В.Т. Шаламова. Я прошла почти все аллеи, прежде чем нашла дорогую мне могилу. Я помню отчетливо каждое мгновение, связанное с узнаванием надгробья. Над вязью могильных оград скромно возвышался обелиск с бронзовым лицом и с краткой надписью на постаменте – дат жизни. Памятник был установлен в 1982 году усилиями Ф. Сучкова и И.П. Сиротинской.

Позже я узнала: *«Пришлось приложить немало сил, чтобы выбрать гранитную стелу, отлить в бронзе копию деревянного скульптурного портрета, выполненную Ф.Ф. Сучковым еще при жизни Шаламова, смонтировать памятник».*

Я тихо беседовала с Варламом Тихоновичем и пообещала ему приехать еще, чтобы рассказать, что мне удалось практически сделать, в меру собственных сил, для увековечивания его имени…. Неподалеку несколько афганцев в комбинезонах восстанавливали заброшенную церковь. Пахло деревянной стружкой, было тихо и пустынно.

Первые впечатления

Июнь 1990 года. После выступления в музее Блока – поездка в Москву. Работа в ЦГАЛИ. Отказ дежурного показать опись фонда В.Т. без разрешения Ирины Павловны Сиротинской. Даже состав архива нельзя было узнать без ее разрешения. Знакомство с ней.

Когда я вошла в ее кабинет и взглянула на нее, я поняла, что Варлам Тихонович эту женщину искренне любил. Для меня этого было достаточно, чтобы принять ее. Закон любви перекрывал первый негатив по отношению к ней. На шкафу в ее кабинете я увидела гипсовую копию надгробья В. Шаламова. Он словно смотрел на нас, беседующих.

Я рассказала о своей работе и закончила словами: «Мне жизненно важно посмотреть рукописи В.Т., связанные с именем А. Блока». Произошло чудо! Ирина Павловна выдала мне опись на один день.

Работа над описью фонда длилась всю ночь. Трудно передать то волнение, состояние эйфории и напряжения, которые я пережила в ту ночь. Мне важно было ничего не упустить. Это происходило в уютной квартире Северцевых. Ирина Константиновна вообще не поверила, что такое возможно, что сама наследница архива Варлама Тихоновича пошла на такой шаг.

Рано утром я поехала в ЦГАЛИ, чтобы вернуть опись и попросить у Ирины Павловны разрешение просмотреть нужные единицы хранения. И вот, наконец, я увидела заветные тетради и пляшущий почерк Варлама Тихоновича.

Трудно передать мое волнение. Это было прикосновение к чему-то столь значительному, что никакие слова не могут передать моего состояния. Это память сердца. С тех пор я много раз обращалась к Ирине Павловне Сиротинской, и всегда она действенно и безотказно помогала мне. От нее я узнала адрес дочери харьковского физика Георгия Демидова, который знал Шаламова на Колыме. Оказывается, дочь Демидова – Валентина жила в Харькове. Так возник краеведческий сюжет и связанный с ним поиск документов о харьковчанах, знавших Варлама Тихоновича.

* * *

Через Олю Северцеву я узнала номер телефона Александра Морозова. Разговор с ним был коротким, но результативным, поскольку

он ответил на мои вопросы. Тогда же, не помню от кого именно, ко мне попало описание вечера памяти О. Мандельштама, на котором выступал В.Т. Шаламов.

Я уезжала из Москвы окрыленная и довольная. А дома начался новый виток в прежней работе над сюжетом «Александр Блок в судьбе и творчестве Шаламова».

Зимой 1991 года я вновь была в Москве, встретилась с Сиротинской и оставила ей новый вариант текста. И вот пришло почтовое сообщение: в Вологде должны состояться первые международные Шаламовские чтения, и я приглашена от имени И.П. Сиротинской.

Первое посещение Вологды

Из газетной хроники: *«С 28 июня по 1 июля 1991 года в Вологде, на родине писателя, прошла очередная конференция, посвященная Варламу Тихоновичу Шаламову, – II Шаламовские чтения, которые впервые приобрели международный статус».*

Поезд «Северная Пальмира» привез меня из Москвы в Вологду. Участников было не так уж много. Но с какой сердечностью и теплотой нас встретили вологодцы – сотрудники местного музея.

* * *

Из газетной хроники: *«1 июля 1990 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски, установленной на фасаде здания дома, где родился будущий писатель (ныне здание Вологодской картинной галереи). Инициаторами выступили Дирекция Вологодской областной картинной галереи и Правление областной организации Союза журналистов СССР.*

Памятный знак представляет собой скульптурный портрет писателя, отлитый в бронзе и закрепленный на гранитном основании. Надпись гласит: «В этом доме 18 июня 1907 года родился и жил до 1924 года великий русский писатель Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)». Автор – Федот Федотович Сучков (1915–1991) – московский скульптор, писатель, критик, переживший, как и В. Шаламов, сталинские лагеря. Он был одним из немногих, создавших портрет В. Шаламова еще при его жизни».

В стенах дома, где некогда жил священник Тихон Шаламов и где прошло детство писателя, теперь находится музей. Именно там и проходили наши заседания.

Возле дома стояли скамейки, на которых расположились участники конференции, знакомясь друг с другом. За домом начиналась улица с приземистыми домами с резными наличниками на окнах и вековыми деревьями.

Вологда вызвала восхищение с момента узнавания и навсегда стала моей любовью. Ее архитектура, храмы, вологжане и мэр с его покаянной речью возле дома Шаламовых при открытии конференции произвели глубокое впечатление. Дивные открытые лица людей, напоминающих почему-то шукшинских героев. Почетный эскорт из машин, который сопровождал наш автобус, и щедрая трапеза с традиционной кулинарной российской кухней в разных кафе и ресторанах – все создавало особое приподнятое настроение. Новые лица и новые впечатления. На конференции присутствовало много ученых-славистов и переводчиков сочинений Шаламова из разных стран мира – от Англии и США до Японии. Ночные разговоры в номере гостиницы с врачом **Еленой Мамучиашвили,** которая знала и Варлама Тихоновича, и Георгия Демидова и которая привезла с Колымы на материк тетрадку стихов В. Шаламова для Пастернака. Мы с ней жили несколько дней в одном номере.

Вечером после моего выступления я беседовала с Ириной Павловной. Беседа наша была естественным продолжением столь насыщенного дня.

Важная подробность

И.П. Сиротинская призналась: *«... как-то глубоко душевно он любил Блока. Когда он читал Блока, то никогда не говорил о поэтических находках, а словно ощущал что-то свое, душевное свое в Блоке. Иногда мне казалось – какие-то воспоминания молодости, эхо какое-то себя еще доколымского. Я об этом не выспрашивала – это столь тонкие ощущения, что их не надо высказывать вслух, переводить в слова. Только видела, как молодело, освещалось его лицо.*

Настало время, и где-то в семидесятом году я показала ему тоже «со значением» Блока:

«Суров ты был, друзей ты не искал.
И не искал единоверцев,
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце».

В тот день меня не покидало стойкое ощущение соприсутствия поэтов рядом и в моей душе.

* * *

Свое выступление помню, как в тумане. Слово Шаламова об Александре Блоке зазвучало моим голосом в доме, где прошли его детские годы, где сейчас организован литературно-мемориальный музей и где состоялась эта удивительная конференция, как торжество Памяти и Духа. Я много цитировала, но это обилие цитат не давило, а позволяло проникнуться пониманием правомерности всей темы.

В Вологде я поняла, что к этой теме буду возвращаться не раз, так же, как буду возвращаться и в саму Вологду, навсегда ставшую мне близкой и дорогой.

* * *

Потом были незабываемые экскурсии. Посещение храма Святой Софии – росписи в куполе и на стенах. Храм уже много лет стоял в строительных лесах. Проникающий холод, хотя на улице стояла жара. Я ощущала в полном смысле слова спрессованный «хлад веков». И мудрый лик Богородицы смотрел на каждого, кто входил сюда с трепетом и страхом. Я живо представила себе, как в храм вбегал подросток Варлам, чтобы послушать службу, которую вел его отец – священник Тихон Шаламов.

* * *

Спасо-Прилуцкий монастырь находится неподалеку от города. Мы ходили по этим древним святым местам в молчании и благоговении. В этой земле похоронен и поэт К. Батюшков, чья судьба оказалась так печальна и так характерна для России.

На колокольне Спасо-Прилуцкого монастыря установлены новые колокола. И мы слышали удивительную музыку колокольного звона.

* * *

Незабываемы впечатления от поездки в Кирилово-Белозерский монастырь и от звона его колоколов. Потом нам показали сохранившиеся фрески мастеров 16 века с изображением Страшного Суда. Было пустынно и тихо. И эта тишина была какой-то звенящей. Водная гладь, луг, храмы и звонница.

В центре города высится торжественный и величественный Софийский собор (1568–1570 гг.) – одна из святынь русского Севера, первый каменный храм города. Величественна вологодская София, возводившаяся, как почти все большие церкви того времени, по образу Успенского собора в Московском Кремле. В 1686–1688 годах Вологодская София внутри была расписана прославленным ярославским изографом Дмитрием Григорьевичем Плехановым.

Следующая остановка была возле Кубенского озера с его крохотной церковью на берегу. Там сохранилась древняя мозаика лика Богородицы, которая проступила на стене неожиданно, когда церковь освободили от хлама.

Ее глаза смотрели на меня с потрескавшихся стен с материнской добротой и всепрощением.

Майкл Никольсон из Англии много фотографировал, и я его попросила прислать мне хотя бы одну фотографию. Он сдержал слово и прислал фотографию этой церкви.

По дороге на остановках он несколько раз становился на колени и что-то шептал. Это были молитвы. Вид озера завораживал своей красотой.

У озера мы сидели с француженкой Мирей на перевернутой лодке в лучах заходящего солнца и вели доверительную беседу. Мирей рассказала о том, что преподает в колледже на одном конце Франции, а живет – на другом. Но эти многочасовые поездки ее не утомляют, поскольку она уверена, что рядом с ней – непобедимый дух Шаламова. Она одержима желанием познакомить своих студентов с творчеством Шаламова, и потому увлеченно переводит его произведения.

* * *

Запомнились и вечерние беседы с Таней Исаевой – дочерью Ивана Исаева, солагерника Варлама Тихоновича. Таня родилась в Магадане и много рассказывала о суровом быте ссыльных. И это тоже мне памятно и дорого. Позже я прочитала записи ее отца о встречах с Шаламовым.

Знакомство с Сашей Свиридовой

Она жила в соседнем номере гостиницы, и после моего выступления сама подошла познакомиться поближе и произнесла ка-

кие-то добрые слова с пожеланиями, чтобы я эту тему не оставляла. Она была удивлена, узнав, что я по образованию не филолог.

Позже мне стало известно, что она снимает документальный фильм о Шаламове. Работа над фильмом дается трудно. Она была немногословна, но и коротких реплик было достаточно, чтобы почувствовать ее оппозиционную настроенность. На меня она произвела впечатление человека резкого, яркого и категоричного в суждениях. Для меня это была личность из какого-то другого, ранее неведомого мне мира.

К сожалению, в последующие годы мы уже не встречались. Знакомство было мимолетным, но памятным.

Состояние тихого праздника в душе от сознания, что мне выпало счастье быть там в эти дни, видеть, слушать, внимать, сопереживать, открывать город, людей, места, связанные с именем Варлама Тихоновича, дома, храмы, стены – все, что было сопряжено с его судьбой и биографией – было незабываемо.

* * *

Позже о фильме Свиридовой я узнала следующее. В 2002 году в Московском Доме кино в рамках Международного правозащитного фестиваля «Сталкер» проходил кинофестиваль. Впервые в кинозале можно было просмотреть снятый десять лет назад фильм «Варлам Шаламов. Несколько моих жизней». На просмотр приехала ныне живущая в Америке Александра Свиридова – автор сценария и сорежиссер фильма.

Александру Свиридову телезрители знают и помнят, потому что в 1992 году она вела цикл передач о советских диссидентах в программе «Совершенно секретно» Артема Боровика.

В 1993-м она уехала в Америку и работала три года в проекте Стивена Спилберга, связанном со сбором видео свидетельств людей Восточной Европы, переживших Холокост.

Интересен фрагмент ее интервью:

«Мной лично было сделано 200 интервью минимум, которые я брала сама с микрофоном, позволяла этим людям впервые плакать и была год региональным координатором проекта, поскольку Америка делится на два океана, в Голливуде – Лос-Анджелесе на том берегу сидели Спилберг и компания, я сидела на берегу нью-йоркского океана, и в Восточной Европе начинала этот проект. То откры-

тие, к которому не готовы пока историки всех стран – что евреи Советского Союза зачастую не видели немцев. По команде «уничтожить» их уничтожал сосед. У кого какой был. На Украине это украинец, в Литве – литовец, в Латвии – латыш, и это ужас, который, в общем, на бытовом уровне был известен, но произнести его вслух они смогли только на том берегу в США. Сегодня я знаю, что Чухрай благополучно смонтировал удобоприемлемые кусочки этих интервью, я видела это, я могу только плакать, глядя на это, но ему виднее, потому что он живет на этой географии, и, наверное, для жителей России сегодня и тему Холокоста нужно сделать мягкой, удобосъедаемой, удобоприемлемой.

Я не судья, но мои интервью, снятые мной, вошли в этот фильм, а как меня поддразнивали, что если бы я себя хорошо вела, то дали бы смонтировать мне.

Я вела себя плохо, я выступила с открытым письмом и ушла из этого проекта, поскольку офис Спилберга совершил, на мой взгляд, неприемлемую для меня вещь, объявив, что все желающие могут прийти на исповедь, остановил проект, когда им было угодно, и я требовала, чтобы они извинились перед теми, чьи исповеди никогда не будут приняты, и через год, наверное, выяснилось, что 55 тысяч интервью снято, и честь и хвала Спилбергу и его офису, но 25 тысяч людей получили письма с извинениями – вот это для меня важно было, чтобы перед ними извинились.

И я участвовала в другом проекте совершенно уникальном, когда Швейцария в знак сожаления за преступления нацизма решила выплатить первые деньги бедным евреям на территории США.

Я была приглашена главным экспертом этого проекта, и я вот этой рукой подписала 62 тысячи заявлений бедных евреев на эту помощь, после чего я практически ослепла от слез».

Подобного рода признания раскрывают ее характер так ярко, что вряд ли нужен какой-либо комментарий.

А далее зашел разговор о ее фильме «Варлам Шаламов. Несколько моих жизней». Александра Свиридова призналась: *«Для меня важно было восстановить справедливость, религиозность Шаламова, потому что этот человек, отрицавший Бога своего отца, на самом деле был глубоко религиозен, для него существовал Бог поэзии, он об этом говорит. Он сам того не подозревал – до какой степени он религиозен. Но то, что стало моим концептом*

– это то, как советский режим легко и непринужденно отбросил человека из эпохи христианства назад к ветхозаветному гневу, и об этом феномене я думала и продолжаю думать. Потому что оно кровожадное отчасти, потому что «Славянская клятва» – стихотворение называется так – хочу подчеркнуть, оно никогда не было опубликовано полностью, и, безусловно, для меня то, что, народившись сыном священника, он умирает иудеем, и это заслуга режима».

Журналистка Марина Тимашева отмечает: *«Все тексты, которые звучат в картине, принадлежат Шаламову. Прочитаны они были народным артистом СССР Петром Щербаковым в очень спокойной, не сентиментальной, не надрывной манере. Поскольку главным в замысле Александры Свиридовой и режиссера Андрея Ерастова было не предъявить миру себя любимых, но дать зрителям побыть наедине с Варламом Шаламовым. От момента его рождения до самой смерти. Камера пристально разглядывает фотографии, дома и сиротливые пейзажи, словно следуя за рассказом Шаламова и его скорбным маршрутом. Небо – голубое, ясное, с облаками много красивее земли, с пожухшей травой и вечной метелью. Очень достойный, деликатный, не слюнявый фильм с 1991-го года почти никто не видел».*

В своем интервью Александра Свиридова подробно рассказала о трудностях, с какими она тогда столкнулась: *«Проблема началась сразу с того, что в сценарии у меня был задействован Солженицын как часть. В ту пору он считался врагом народа, поэтому сценарию не давали ход. Потом, ближе к 1989-му году он стал другом народа. Поскольку его роль по моему концепту была нелицеприятна в жизни Шаламова – снова не давали. К 1990-му году я его сдала, и фильм был сразу положен на полку, потому что в первом варианте сценарий назывался «Чтоб они, суки, знали», – и когда зажегся свет после окончания просмотра – я не знаю имен этих высоких начальников Останкино, первый вопрос был ко мне: «Если вы так нас ненавидите, почему такое мягкое название?». Я спросила, не позволят ли мне вернуться к прежнему названию «Чтоб они, суки, знали». Человек подумал большой и сказал – «Нет».*

И потом после путча 1991-го года фильм вытащили впервые, в программе он был объявлен в 10, в 11, дальше мы тупо сидели перед экраном и начинался футбол, который не кончается, Горбачев,

который чего-то говорит, Ельцин чего-то говорит – я считаю, что это подлость режима, который создавал иллюзию свободы. То есть, придраться нельзя, фильм с полки снят, показан, только его никто не видел. Но в чем был просчет властей как всегда – что шар круглый и куча советских евреев в Израиле и Америке увидела этот фильм – у них было другое время дня».

И еще кровоточащая подробность *«Мне не дали закончить, потому что его объявили сумасшедшим в доме престарелых. Мой фильм заканчивается этим – дом престарелых. А на самом деле он подозревал, что за ним следили, что было совершенно справедливо, он ударил палкой эту няньку, его объявили сумасшедшим, раздели догола, потому что по советскому закону пижама дома престарелых принадлежит дому престарелых, а пижаму сумасшедшего в сумасшедшем доме выдадут, когда он приедет, и его по зиме покатали полтора часа, обмороженного привезли туда, и он умер. И вот в кадре, если вы заметили со свечой Фазиля Искандера, у гроба Сережа Григорьянц, и вот, благодаря Сереже Григорьянцу, который вышел из зоны и побежал к Варламу Тихоновичу, узнал, что он в доме престарелых, там не обнаружил, побежал туда, Шаламов избежал участи братской могилы, которая ждала его на Колыме и ждала здесь в центре Москвы в абсолютно кошерное, мирное время. Уничтожены следы пребывания, только в маленькой тетрадочке, где, буквально, сдал, принял ту же самую пижаму – есть отметка, что такой человек был. То есть для меня появление фильма на этом фестивале – это была попытка, может быть последняя, восстановления справедливости».*

Фильм Свиридовой оставляет зрителю пространство для размышлений. Заканчивалось ее интервью предельно откровенным признанием: *«Давайте посмотрим, кто был первым, кто внятно сказал: «Чтоб они, суки, знали, я буду об этом писать, и буду об этом говорить», – ровный голос человека уничтоженного и не подчинившегося. Вот в чем для меня его подвиг писателя и гражданина – огромная машина должна была его сровнять с землей и ничего не смогла. Вот до тех пор, пока эта машина ничего не может сделать хотя бы с одним, у меня остается надежда, что выживу и я».* Эту мысль Свиридова повторяет в своей статье о Параджанове: «*С ним ничего не смог сделать асфальтовый каток государственной машины».* Эти же слова можно сказать и о В.Т. Шаламове**.**

Еще несколько штрихов к творческой биографии Свиридовой: *«Киносценарист Александра Александровна Свиридова родилась в 1951 году. В 1976 году – окончила ВГИК. Она – автор фильмов из жизни диссидентов.*

«Вы будете гордостью России». Этот документальный фильм был начат летом 1989 года во время приезда И.П. Сиротинской в Вологду. Сняла документальный фильм о Варламе Шаламове «Несколько моих жизней». С 1993 года живет и работает в США».

Рушатся диктаторские режимы, исчезают империи, исчез Советский Союз. А мы все никак не можем выбраться из заколдованного круга насилия.

Что осталось в памяти людей от сталинского времени, кроме недобрых воспоминаний? Остались Шаламов, Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Платонов. Выживает только культура, остаются нетленными только свидетельства мужественного духа.

* * *

Когда я уезжала из Вологды, меня провожали супруги Сопины – Михаил и Татьяна, которые после моего выступления восприняли меня как уже давно знакомого человека, единого с ними по духу. Я была немного смущена таким искренним отношением ко мне, но сознавала, что оно относится больше к моим глубоко почитаемым собеседникам – Александру Блоку и Варламу Шаламову, чем ко мне.

Тогда я еще не знала ничего ни о судьбе, ни о поэзии самого Михаила Сопина. Это удивительный человек, и творчество его удивительно.

О Михаиле Сопине (1931–2004)

В справочнике «Писатели Вологодчины» сведения предельно скупы:

«Михаил Сопин родился в 1931 году на Курщине. С 1982 года живет в Вологде. Автор сб. стихов «Предвесный свет», «Смещение» и «Судьбы моей поле», вышедших в разных издательствах страны».

В другом источнике*: «Войну он закончил в Берлине «сыном полка», а вскоре пережил личную драму в сталинский период нашей истории».*

В третьей статье есть уточнение о нем: *«Не было «сына полка», а были голодные, оборванные, растерявшие родных мальчишки, которые пристраивались к нашим частям и двигались вместе с ними по направлению к германской столице, их кормили из солдатского котелка и учили стрелять, а потом бросали, или они уходили сами».*

Михаил Николаевич родился 12 августа 1931 года в селе Ламное Грайворонского района Курской области. Его отец был испытателем на Харьковском танковом заводе, мать – рабочая. Отца потерял еще в 1938 году, а в войну – деда, младшего брата, некоторых товарищей детства.

Пережил оккупацию – частично в Харькове, частично в селе, вблизи которого проходил фронт Курской битвы.

Он был в оккупации в Харькове и оказывал посильную помощь бойцам, выходившим из окружения в 1941–1942 годах, впоследствии периодически находился в действующих войсках Советской армии, принимал участие в боях в составе армии генерала Москаленко.

И еще: «В 45 году Сопину – всего 14! Да и все ли взрослые смогли без сердечных рубцов перенести военное лихолетие?

После войны трудился в колхозе, окончил ремесленное училище, работал токарем на разных предприятиях Харькова, участвовал в строительстве канала Волга-Дон.

В 1949 году его ожидала тюрьма, затем армия и изгнание из нее, и снова тюрьма, лагерь, поселение. После освобождения в 1970-м последовали долгие годы нелегких поисков своего места в окружающей действительности.

Михаил Сопин отсидел в общей сложности почти 17 лет – и остался человеком.

В лагере закончил заочно десятилетку, немного учительствовал (по вечерам, «без отрыва от основной трудовой деятельности»), но по несогласию с требованиями дирекции школы отказался. Там же, в лагерях, начал всерьез писать стихи. По отбытии срока переехал в Пермь…. Трудился сантехником, имел семью, двух сыновей (старший сын Глеб погиб в армии в 1990 году).

После освобождения серьёзно занимался литературой. Но его угнетала невостребованность.

В Вологде жил с 1982 года до последних дней.

Основной причиной переезда М.Н. Сопина в Вологду было желание участвовать в литературной жизни. Именно здесь у поэта вышли в свет сборники стихов.

* * *

Послевоенная беспризорная молодость его волновала до последних дней. Он писал:

За все, что выстрадал когда-то,
За все, чего понять не мог,
Две тени –
Зека и солдата –
За мной шагают
Вдоль дорог.

Он писал, «как дышал», как велел ему внутренний голос, жизненный опыт и собственные представления о добре и зле. Он сознавал, что страна больна и, возможно, неизлечимо, и что ее народ слишком далеко зашел в многовековые дебри заблуждений и предрассудков, что люди не ведают обратного пути и не очень-то стремятся к его поискам.

Он взваливал на себя священную ношу – говорить от имени своего поколения, от имени тех, кто уже никогда не сможет ничего сказать. О своем поколении он написал трезво и бесстрашно:

- *«Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941 года.*
- *Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты. Всегда через личные потери, через страдания.*
- *Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача.*
- *Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста.*
- *Мы искали в незнакомом друга, а находили в кровном врага...*
- *Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории.*
- *Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть.*
- *Так было до тех пор, пока я однажды не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанной на милосердие, от обнаженной общественной дикости.*

• *Мы входили в мир без идеологических шор и уходим из жизни без политических иллюзий. Именно это укрепляет меня в убежденности: рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет человеческий облик. Так думаю. Над этим работаю».*

Не сразу он пришел к осознанию, что в жизни неминуемо есть ад.

Ад в понимании Михаила Сопина – это даже не колымская стужа, не извечный страх перед пулей, не издевательства блатарей, не побои караульных, не тяжкий труд. Ад – душа каждого человека. И это может передаваться генетически от одного человека к другому. Сопин часто приходит к размышлениям о судьбе и самой России. Его Память как бы «заминирована» потрясениями, трагедиями, растерзанными душами, кровью, пролитой напрасно... Он писал: *«Мы за Россию столько уложили, что уж самой России не видать».*

Узнав такую суровую правду, от автора порой отшатывались, но он ни в одном стихотворении не изменил своему пониманию окружающей действительности.

В его гневной отповеди беспамятству и другим искривлениям духовной жизни людей он надеялся на идеал человека. Он обращался к думающему человеку, неравнодушному ко всему происходящему в стране и на неминуемом трудном человеческом пути.

Его поэтические строчки пронзительны по остроте, искренности и правдивости. Каждое его стихотворение – это определенный и памятный этап его жизни.

В его стихах – удивительная распахнутость, открытость миропонимания и горькая печаль.

На склоне лет он признавался: *«В свои 72 года я переживаю «сиротство взрослых» – недоигранность детства, недолюбленность юности, родительской дружбы – товарищества. Мне этого недостает и сейчас.*

И я под бомбами, за мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»
Но Отче изгнан был из храма.
Ползли не русские кресты.
Глотали танки жизнь и версты…»

Михаил Сопин прожил предельно трудную, но творчески полноценную жизнь. Он оставил свой след в поэзии нашего времени.

* * *

Увидев Сопина впервые, я была поражена поразительным сходством его с обликом Варлама Шаламова. Высокая и суровая одухотворенность лица отражала напряженную внутреннюю жизнь. Ему также выпал жребий из обычного человека превратиться в лагерника, вечного «зэка», каким был и Варлам Шаламов. Это сразу бросалось в глаза.

Во внешнем облике угадывалась мощная и незаурядная личность. Он был немногословен и даже угрюм. Но то, что говорил, сразу впечатляло глубиной и значительностью.

О своей биографии он особенно не распространялся, и многое о нем я узнала значительно позже. Только потом я поняла, какую радость подарило мне Провидение, когда на миг я прикоснулась к судьбе этого замечательного человека и удивительно печального и бесстрашного поэта.

Через три года состоялись Вторые Шаламовские чтения. К тому времени «география» участников, которые приехали на конференцию, заметно расширилась – от Японии до Англии, от Москвы до Магадана, от Самары до Харькова. Это стало весьма убедительным доказательством, что интерес к судьбе и книгам писателя непреходящ. Мне посчастливилось присутствовать на этой конференции. Шел 1994-й год.

Конференцию вел поэт Олег Чухонцев.

Анализируя творчество Шаламова, он обратил внимание на такую его особенность, как умение передать величие духовных устремлений человека. Чухонцев отмечал: *«Его жизнь похожа на стихи из «Колымских тетрадей»: жесткий словарь, свой ритм. Шаламов, как и в рассказах, задает в стихах парадоксальные вопросы и каждый раз сам на них отвечает. Он – монологичен. Интересно проследить отличие поэтов идей (таких, как Шаламов) от поэтов пути (таких, как Блок)».*

Олег Чухонцев напишет о Варламе Шаламове: *«Шаламову, как сильной неординарной личности, безусловно, необходимо было осознать свой суверенитет... Конечно, Шаламов мог бы ограничиться внутрицерковным мятежом, став, допустим, протестантом. Но он пошел еще дальше – к полному разрыву с религией».*

О Чухонцеве

Олег Григорьевич Чухонцев родился 8 марта 1938 года в Павловском Посаде Московской области. Опыт провинциальной жизни очень пригодился Чухонцеву, тогда как многим поэтам его не достает.

Он окончил Московский областной педагогический институт имени Крупской. И печататься начал рано – в конце 1950-х. Хотя в периодике он начал печататься в двадцать лет, а позднее даже работал в невероятно популярном в 60-е – 80-е журнале «Юность», первая поэтическая книга «Из трех тетрадей» вышла лишь в 1976 году.

Да и в постсоветское время поначалу выпустить книгу Олегу Чухонцеву было непросто.

Затем издавались сборники «Слуховое окно» (1983), «Ветром и пеплом» (1989), «Пробегающий пейзаж» (1997), «Фифиа» (2003), книга избранных произведений «Из сих пределов» (2005), сборник «Однофамилец» (2008).

В советское время зарабатывал на жизнь стихотворным переводом. Олег Чухонцев – лауреат Государственной премии Российской Федерации (1993), Пушкинской премии фонда Тепфера (1999) и Пушкинской премии России (2003). Олег Чухонцев стал третьим – после Александра Кушнера (2005) и Олеси Николаевой (2006) – лауреатом национальной литературной премии «Поэт» (2007). Лауреат премии Александра Блока (2001). Член редколлегии журнала «Новый мир».

* * *

Историк литературы Андрей Немзер проникновенно написал о Чухонцеве. Особенно меня затронули строки:

«… Чухонцев избежал участи чьего-либо аналога, настоятельно навязывавшейся ему «контекстом» – как политическим, так и «литературным». Он оставался и остается собой... в самом темном лесу не только слышит вороний грай и угадывает скорый смертельный удар угрюмого злодея, но и чувствует воздух иного бытия... Чаять просвет цветущий иного бытия и истово любить земную юдоль, жить жизнью ее грешных детей, сострадать их недоле и угадывать в них небесные начала, знать, что лишь здесь будут звучать твои (и все прочие) песни – удел поэта».

Андрей Немзер проникновенно написал и о Шаламове. Он сумел проникнуть в сущность сложных литературных явлений.

Вот какие слова нашел критик: *«Жить по Варламу Шаламову невозможно. Игнорировать его судьбу и личность, его роковое знание, напоенное мукой, стыдом, болью и страхом, отчаянием, с которым писатель, как кажется, долго и с безмерным напряжением боролся (иначе – просто не было бы его стихов и прозы), ставить его книги на дальние полки и прятать от детей – бессовестно, то есть, покуда мы еще надеемся остаться людьми, тоже невозможно».*

Штрихи к портрету Олега Чухонцева

Из выступления Олега Чухонцева на церемонии вручения премий журнала «Знамя» в 2002 году: *«Не так давно я заскочил в Дом книги на Новом Арбате... спрашиваю у продавщицы: «Где тут у вас продаются «толстые журналы»?.. Она внимательно и как-то странно на меня посмотрела: до меня дошло, что в Доме книги меня приняли за сумасшедшего. Так вот, уважаемые коллеги, господа литераторы, не знаю, как вы, а я чувствую себя сегодня частью коллективного сознательного сумасшествия…»*

Навсегда меня поразили его поэтические признания:

«*Я – прах, и если говорю,*
То говорю по праву мертвых,
На мясо списанных зверью,
В цементный порошок истертых.

Я – пыль заводов и полей,
Просеянная сквозь решета статей,
Этапов, лагерей, бараков
И могил без счета.

Я – персть земли, и если персть
Глаза наплакавшие колет,
Не говорите: это месть,
Скажите: мертвые глаголят!

И не стращайте, что конвой,
Кому сама земля охрана!
Я – вдох один, но выдох мой –
От Соловков до Магадана».

В его стихах звучит драматическое переживание советской действительности, преломленной не только в конкретных судьбах, но и обобщенно. Его поэтические строчки запали в душу надолго, оставив яркий след в моем сознании.

Чухонцев держался поразительно скромно, и это подкупало. В беседе был прост и в общении, без ложного пафоса сказал о своей любви к поэзии Блока.

Фрагмент речи при вручении премии
24 мая 2007 года

«Наше поколение появилось на свет не в лучшие годы, но мы застали – хотя бы краем – великих поэтов. Помню глуховато отчетливый голос Заболоцкого, двубортный его пиджак и пробор поредевших волос; низкий голос и грузную стать Ахматовой, с которой не проговорил и пары минут, успев надерзить, о чем сожалею; Пастернака не знал, но провожал его в последний путь… Мне нечего было бы им показать, да это и неважно, важно то, что они были и что значили в нашей жизни. А поскольку вся культура – я уже об этом однажды говорил – для живущего как бы одновременна, то все они, от псалмопевца Давида и Гомера до Державина и Уитмена, перекликаясь через века и океаны, наши современники, где дальние могут быть ближними, даже близкими, и остается только всплеснуть руками: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?».

И есть у него еще такое стихотворение, которое звучит как признание и воспоминание в одно и то же время:

«Маршак угощал меня чаем с печеньем,
Чуковский книгами и беседой,
Слуцкий супом, Мартынов камнями,
Тарковский грузинским вином и сыром,

Глазков армянским коньяком
И «Записками великого гуманиста»,
Домбровский пивом с прицепом, скорописью
Школьных тетрадок в линейку и селем
Экстатического клокотанья,
Шаламов содержимым своего сундучка,
Где были валенки, рукавицы, кожух, носки, ушанка,
Все, что нужно, когда придут оттуда
И дадут пять минут на сборы,
А под шмотьём машинопись в трех томах,
Переплетенных вручную, плюс однотомник,
Тоже машинопись, но в ледерине**,**
Подарок из новосибирского Академгородка –
Сколько их, старших друзей и наставников,
Обогревавших меня, согревших
Своим вниманием и поддержкой,
Список можно бы длить и длить,
Он долог, хотя, возможно, короче
Великолепной росписи предков Кузмина
И тьмы театральных почитателей Гумилева,
Но он и не мал, потому что Бог
Одарил меня почтенным возрастом,
А по меркам века девятнадцатого долголетием,
Хотя солидностью и степенностью
Не обременил, по счастью, – так вот
Я мог бы утроить свои богатства,
Изукрасив подробностями и прочим,
Но я не люблю ничего сугубого,
А они становятся вроде приема,
Как современная архитектура
Наружу цветными коммуникациями
Вроде парижского музея Помпиду…
Что я хочу сказать? Не знаю.
Я только думаю: ну а сам я,
Кого я сам угостил и чем…»

Примечательно, что в этом ряду поэтов старшего поколения присутствует и Варлам Тихонович Шаламов.

* * *

А на конференции в 2007 году в Москве я узнала следующее:

«Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова проводит вечер, посвященный 100-летней годовщине со дня рождения Варлама Шаламова. Вечер состоится 15 июня. Начало – в 17.00. В программе: 1. Выступления друзей писателя – Ирины Сиротинской, хранительницы архива Шаламова, и поэта Олега Чухонцева.

2. Премьера документального фильма «Острова. Варлам Шаламов». Режиссер – однофамилица Варлама Тихоновича Лариса Шаламова. 3. Песни на стихи Шаламова, музыка и исполнение – Елена Пирогова-Филиппова».

В дни празднования 100-летия со дня рождения В.Т. Шаламова Олег Чухонцев остался верен его памяти. Мне жаль, что я не присутствовала на этом вечере, поскольку приехала на два дня позже.

Июньские дни в Вологде

Из хроники: *«С 30 июня по 2 июля 1994 года в Вологде, в Шаламовском доме, состоялись III Международные Шаламовские чтения. Они подтвердили растущий интерес к наследию Шаламова. Усилиями искусствоведа М. Вороно и художника С. Иевлева была открыта обновленная музейная экспозиция».*

Старинные колокола, бережно перенесенные на новую колокольню, полностью сохранились и до наших дней. С галереи, окружающей барабан главы колокольни, открывается широкий вид на весь город. Мы поднялись по деревянной винтовой лестнице на колокольню, чтобы увидеть всю панораму города. Но наиболее острые и памятные впечатления – это посещение Лазаревского кладбища.

Шаламовские чтения в 1994 году начались после панихиды, которая состоялась в церкви на Лазаревском кладбище города, где, как предполагают местные краеведы, нашли упокоение родители Шаламова.

О том, что состоится панихида, несколько раз объявили даже по местному радио. И пришли все, кому дорога память о Шаламове. Отрадно было видеть детские лица с распахнутыми от удивления глазами. Их привезла учительница из Шексны – пригорода Волог-

ды… Храм на Лазаревском кладбище издавна был одним из особо почитаемых, поскольку там сохранились удивительные иконы и среди них икона под названием «Умягчение злых сердец».

О Лазаревском кладбище

Из справочных источников: *«В период становления Советской власти Лазаревская церковь на кладбище оказалась в числе немногих вологодских храмов, избежавших закрытия (до 1937 года).*

В связи с этим церковь посещало такое количество прихожан, что войти в нее нередко было почти невозможно. Если судить по архиерейскому служению, то Лазаревская церковь в те времена была на положении кафедрального собора».

* * *

После посещения Лазаревского кладбища продолжилась беседа о творчестве Шаламова. И.П. Сиротинская отметила, что *«в нем была структура души, сознающая свое единство с вечной Высшей силой».* И в этом нас, читателей, убеждают, прежде всего его стихи.

Его главная победа состояла в бесстрашии и высокой и стойкой силе духа.

На поминальном вечере звучала магнитофонная запись голоса Варлама Тихоновича, читавшего свои стихи, и в этой атмосфере незримо, но естественно происходило единение людей с неумирающей душой Поэта. Это было незабываемо….

Отклик в печати на Шаламовские чтения–94

«Первое требование для разговора о Шаламове – атмосфера нравственной строгости, и эта атмосфера создается сама собой, когда участники и гости чтений подходят к родному дому писателя, расположенному рядом с Софийским собором. Мемориальная доска с барельефом (скульптор Ф. Сучков) установлена на доме в 1990 г. К началу чтений-94 была заново оформлена и расширена экспозиция музея-квартиры писателя (художник С. Иевлев).

Искусствовед областной картинной галереи, в чьем ведении находится дом Шаламова, М. Вороно рассказала о принципе построения экспозиции: ввиду отсутствия подлинных вещей семьи

писателя, которые могли бы восстановить обстановку в доме его детства и юности, описанную в «Четвертой Вологде», предпочтение отдано символико-документальному принципу с использованием черно-белых фотографий и других материалов.

В лаконичной форме раскрыты основные вехи биографии В.Т. Шаламова и его литературного труда. Символическим центром экспозиции является кусок ствола лиственницы, доставленный с Колымы, – «дерева концлагерей, дерева познания добра и зла», как писал Шаламов в рассказе «Воскрешение лиственницы». Суровость судьбы писателя, суровость его характера и философских воззрений с неизбежностью заставляет размышлять о судьбе России.

Поэт О. Чухонцев (г. Москва), открывая чтения, говорил о Шаламове как явлении очень редкого, на его взгляд, в русской истории мужского, рационального начала (в противовес «вечно бабьему», по терминологии Н. Бердяева).

В этом отношении О. Чухонцев сопоставил личность Шаламова с личностью П. Чаадаева: в том и другом случае определяющим был вызов режиму и господствующей идеологии, построенной на преобладании «мира» над субъектом, над личностью. О. Чухонцев говорил также о «неэтнографичности» Шаламова-писателя, что отделяет его от основной черты русской литературной традиции.

В поэтическом творчестве Шаламова выступающий нашел аналогию с кинической римской школой, подчеркнув – «не христианской».

Противоречия и парадоксы Шаламова, которые касаются и отношения к религии, по мнению О. Чухонцева, не поддаются формально-логическому объяснению – «это признак духовного величия, которое имеет способность саморазвития». Сосредоточенность на «лагерной теме» в произведениях Шаламова нередко мешает оценить его как художника – на взгляд О. Чухонцева, писатель «нашел идеальную меру в отчуждении от собственного опыта, которая держала его в более древней и ценной традиции». Проблема текстологии произведений Шаламова является одной из наиболее острых и актуальных. И. Сиротинская (г. Москва), посвятившая свой доклад этой теме, говорила о чрезвычайных трудностях работы над рукописями писателя. Его архив насчитывает более 600

единиц хранения, почти 30 тысяч листов. Среди них много черновых записей «для себя», с большим трудом поддающихся расшифровке, особенно записей последних лет.

Докладчица заметила по этому поводу: «Шаламов не мог оставить что-то невысказанным, у него было неутолимое желание записать все, что он думал». Касаясь ранних изданий Шаламова, как в СССР, так и на Западе, И. Сиротинская подчеркнула, что они не являются каноническими: в первом случае тексты подвергались цензуре, в другом – печатались подчас по неправленой машинописи.

Многим редакторам издательств был непривычен стиль Шаламова – его пытались исправить, «улучшить», привести к усредненной норме, не понимая своеобразия художника. Нередко к Шаламову применяют мерки документалистики, забывая о том, что факт и художественная деталь – разные вещи.

И. Сиротинская рассказала о работе над подготовкой издания собрания сочинений Шаламова и выразила надежду на то, что к текстологическим проблемам будет привлечено более глубокое внимание исследователей. Своеобразие Шаламова-художника и мыслителя, пожалуй, наиболее ярко проявилось в изображении человека в «Колымских рассказах».

Кандидат филологических наук И. Некрасова (г. Самара) в своем докладе отметила, что концепция человека у Шаламова во многом полемична по отношению к русской литературе XIX века, не говоря уже о советской литературе. Его рассказы в большинстве своем отражают разные степени падения человека – ситуации, когда психологическая оболочка опадает, и остается «чистая экзистенция, инстинкт выживания». «Можно ли к подобному остатку человека предъявить нравственные требования?», – задала вопрос исследовательница.

В реальных условиях ГУЛАГа с его жестокими законами, как показывает Шаламов, для этого вопроса часто нет места. Это, кажется, дает повод говорить о глубочайшем пессимизме Шаламова, о его неверии в человека.

Однако, подчеркнула И. Некрасова, в его произведениях есть другой полюс – полюс подлинных героев, а не мучеников. И этот 1 процент (99 процентов людей в лагере, по словам Шаламова, ломалось) своим сопротивлением доказывает незыблемость нравственных законов. Колымский лагерь в глазах Шаламова – гигантская

дьявольская лаборатория не только по проверке прочности человека, но и по проверке жизнеспособности гуманистических учений, в том числе христианской морали.

Анализируя особенности отношения писателя к преступному миру, В. Есипов (г. Вологда) заметил, что Шаламов, говоря «об ошибке художественной литературы», всегда изображавшей этот мир сочувственно и окружившей его романтическим ореолом, объективно восставал и против христианско-православной традиции сочувствия «несчастным» (слово «несчастные» по отношению к уголовным преступникам широко употреблялось в России и вошло в литературу).

Очевидна и полемика с Ф. Достоевским, с его словами о «самом даровитом народе», находящемся в «мертвых домах» – каторжных тюрьмах.

Докладчик сделал вывод, что традиция «цацкаться» с блатным миром, о которой пишет Шаламов, имеет в России глубокие корни и не ограничивается временем советских «перековок». «Цацканье» означает ситуацию, когда широко понимаемая мораль довлеет над правом. Сегодняшнему обществу, столкнувшемуся с небывалым разгулом преступности, невозможно обойтись без той непримиримости к уголовному миру, которой наполнены произведения Шаламова».

* * *

Как видим, обзор выступлений дается достаточно подробный; он раскрывает основную суть почти каждого выступления. Я выступала во второй день. Ранним утром снова пошла на Лазаревское кладбище. Тянуло помолиться в тишине и внутренней сосредоточенности…

В отклике на мое выступление отмечается следующее (мне интересен этот взгляд со стороны): *«Более «дружественные» отношения сложились у Шаламова с русской классической поэзией, в которой, как заметила С. Шоломова (г. Харьков), «исключительное, заветное место» у него занимает А. Блок. Многочисленные упоминания и реминисценции из Блока, встречающиеся в «Колымских рассказах», свидетельствуют о том, что автор «Возмездия» постоянно присутствовал в сознании Шаламова на всем его лагерном пути, придавая силы и поддерживая «высокий строй души». Докладчица отметила, что, столкнувшись в 20-е годы с неприятием Блока в*

среде лефовцев, Шаламов преисполнился еще большей любовью к поэту, который стал для него «высшим поэтическим и нравственным авторитетом» (наряду с Б. Пастернаком). С. Шоломова нашла немало общего в понимании роли поэта и поэзии у Блока и Шаламова, анализируя теоретические статьи последнего.

Собственное поэтическое творчество Шаламова, открывшееся в полном объеме лишь недавно, с публикацией «Колымских тетрадей», в стилевом, содержательном отношении вполне самостоятельно, тем не менее, докладчица обнаруживает в нем переклички с блоковскими мотивами».

В заключение автор отклика пересказывал еще некоторые выступления:

«Выступление критика, бывшего узника ГУЛАГа М. Кораллова (г. Москва), было посвящено главным образом эволюции его собственных взглядов на Шаламова со времени личного знакомства в 60-е годы до позднего осмысления.

М. Кораллов признал, например, что был неправ в первоначальной оценке «Очерков преступного мира», находясь в то время «в плену старых романтических иллюзий» относительно уголовного общества.

«Горчайшие выводы Шаламова о преступности еще будут осмысляться, – сказал он, – потому что мир стоит перед этим испытанием». М. Кораллов коснулся также темы «В. Шаламов и А. Солженицын», призвав к объективному ее рассмотрению.

Доктор филологических наук А. Микешин (г. Вологда), развивая обозначенную тему, заявил, что ее изучение «помогает выйти на важные силовые линии общественного сознания второй половины века и 60-х годов. Сходство Шаламова и Солженицына в том, что они оба пошли дальше «шестидесятников», дальше «Нового мира», дальше Твардовского и стали говорить то, что мы стали говорить только сейчас». Различие во взглядах двух писателей, отметил докладчик, во многом объясняется не только разным лагерным опытом, но и тем, что они по существу писатели разных поколений: Шаламов входил в жизнь и литературу в 20-е годы, когда сохранялся эстетический плюрализм, Солженицын – в 30-е годы, когда господствовал соцреализм. А. Микешин отметил объективность и доброжелательность шаламовского разбора «Одного дня Ивана Денисовича» и предположил, что последующее расхождение писа-

телей имеет одной из главных причин разное художническое мировосприятие: трагическое у Шаламова и тяготеющее к эпическому спокойствию у Солженицына. Докладчик прокомментировал также взгляды Шаламова на судьбу романа в XX веке».

Коснулся темы «Шаламов и Солженицын» и зарубежный участник чтений М. Никольсон (Оксфорд, Великобритания). Он сообщил о первых попытках сопоставления «Колымских рассказов» и «Одного дня Ивана Денисовича» в западной литературе второй половины 60-х годов – попытках весьма, на его взгляд, поверхностных. Первый серьезный анализ этой темы был сделан в книге М. Геллера «Концентрационный мир в русской литературе».

Признаюсь, что мне наиболее памятными и интересными стали выступления моих единомышленников, с которыми я познакомилась еще в 1991 году. И потому мне дороги слова сохранившегося обзора: *«М. Никольсон привел ряд библиографических данных о публикациях, которые могут быть полезны российским исследователям, и призвал к обмену реферативным материалом. Литературовед из Японии М. Такаги заметила, что интерес к «лагерной» литературе, имевший поначалу политический и исторический оттенок, в ее стране постепенно уступает место интересу психологическому.*

В этом смысле «Колымские рассказы» Шаламова, на взгляд исследовательницы, трудно сопоставимы с произведениями Солженицына. «Что такое человек, каким он мог и может быть – вот главное, о чем пишет Шаламов», – сказала М. Такаги. Она рассказала о переводах Шаламова в Японии и новых издательских планах.

Журналист и исследователь Р. Вильтц (Страсбург, Франция) говорил о потрясении, которое он испытал, впервые прочтя Шаламова. Он подчеркнул общечеловеческий смысл «Колымских рассказов», лишенных патетики и доступных для восприятия любому человеку, где бы он ни жил, в России или на Западе.

Р. Вильтц заявил, что Шаламов является для него «символом настоящего художника, символом сопротивляющегося русского народа, который выпрямляется, несмотря ни на что».

Особое место на чтениях заняли сообщения о краеведческих находках и наблюдениях. Новые факты о деятельности отца писателя Т.Н. Шаламова и их связи с философско-религиозными исканиями в России начала XX века привел сотрудник вологодского музея-заповедника Л. Панов».

Следующее выступление для меня прозвучало как продолжение нашей беседы с Т. Калининой, состоявшейся накануне, когда она водила нас по улочкам старой Вологды и с увлечением рассказывала об их истории.

Руководитель общества «Вологодский некрополь» Т. Калинина рассказала о поисках могил отца и матери писателя, которые пока, к сожалению, не увенчались успехом.

Сообщение сотрудницы областного архива О. Артемовой можно признать наиболее весомым. Для подтверждения даты рождения В. Шаламова она занималась поиском его метрического свидетельства в фонде церковных материалов.

Установлено, что В. Шаламов родился 5 июня 1907 года по старому стилю, т.е. 18 июня по новому. Таким образом, становится ясно, что дата рождения, фигурирующая во всех документах В. Шаламова – 1 июля – ошибочна, что является результатом распространенного смешения старого и нового стилей. Заметим, сам писатель всегда отмечал свой день рождения 18 июня!

* * *

Как видим, все выступления 1994 года затрагивали обширный круг проблем. Они раскрывали новые горизонты в познании творчества писателя и убеждали каждого присутствующего в том, что космос Шаламова необозрим.

Довольно представительной была и «команда» вологодцев: педагоги и литераторы, психологи и краеведы. Вологда радовала и удивляла.

В рассказе «Экзамен» Шаламов писал о своем родном городе: *«Этот северный город – необыкновенный. Здесь в течение столетий отслаивалась царская ссылка – протестанты, бунтари, критики разные в течение многих поколений создали особый нравственный климат – выше уровнем любого города России. Здесь моральные требования были гораздо выше».*

Замечу, этот «особый нравственный климат» я остро ощутила в те памятные дни.

В Вологде очень ответственно отнеслись к дням памяти своего земляка, перед которым они ощущали неизбывное чувство вины, о чем упоминал один из представителей городской администрации. Слова о вине и покаянии звучали не раз в самом разном контексте.

Вина перед теми, кто безвинно погиб в ГУЛАГЕ и перед теми, чьи родители прошли через эти жернова.

Выступали дети, обездоленные сталинскими лагерями и родившиеся в Магадане, как, например, внучка современника Шаламова и редактора «Нового мира» А.К. Воронского – Татьяна Исаева. По ее мнению, своими «Колымскими рассказами» Варлам Тихонович Шаламов *«отслужил панихиду по миллионам погибших в ГУЛАГЕ, на Колыме».*

Выступали журналисты и краеведы, литераторы и педагоги, бывшие ссыльные и их дети, даже внуки.

В «Четвертой Вологде» много страниц, которые напоминают своеобразные «стихи в прозе», столь вдохновенно его слово о городе, быте, культуре, семье. Его слово в этом произведении открывает нам, читателям, еще один пласт внутреннего мира Шаламова.

С этой памятной поездкой закончился важный этап в моей творческой жизни.

И. П. Сиротинская о Международных Шаламовских чтениях

«Международные Шаламовские чтения традиционно проводятся в день рождения писателя.

I чтения были проведены в Москве, в Центральном Доме литераторов, в 1990 году, под председательством Фазиля Абдуловича Искандера.

II чтения состоялись в Вологде (в доме, где родился Шаламов) в 1991 году, под председательством Анатолия Павловича Злобина.

III чтения проводились также в Вологде в 1994 году, под председательством Олега Григорьевича Чухонцева.

IV Международные Шаламовские чтения были приурочены к 90-летию со дня рождения писателя и проводились в Москве, в Мраморном зале здания НИИ искусствознания, любезно предоставленном его директором А.И. Комечем. Председателем чтений была зам. директора Российского государственного архива литературы и искусства и президент Фонда В. Шаламова – Ирина Павловна Сиротинская, публикатор наследия В.Т. Шаламова.

Сейчас уже можно говорить, что сложился круг друзей, почитателей и исследователей творчества Шаламова. Хотелось бы назвать тех, кто помогал нелегкому делу исследования в популяризации творчества Шаламова:

- Фазиль Абдулович Искандер, писатель;
- Елена Васильевна Волкова, профессор МГУ, автор книги о Шаламове;
- Евгений Сергеевич Громов, профессор (НИИ искусствознания), автор ряда статей о Шаламове;
- Францишек Апанович (Гданьский университет, Польша), автор книги о Шаламове;
- Елена Михайлик (университет Нового Южного Уэльса – Австралия), автор интересных исследовательских работ о Шаламове;
- Мирей Берютти, профессор университета Ниццы (Франция);
- Александр Прокофьевич Поляков, директор издательства «Республика»;
- Геннадий Викторович Иванов, секретарь Союза писателей России и зав. редакцией русской литературы издательства «Художественная литература»;
- Наталья Борисовна Иванова, зам. главного редактора журнала «Знамя»;
- Олег Григорьевич Чухонцев, поэт;
- Александр Леонидович Ригосик, предприниматель;
- Валерий Васильевич Есипов, журналист (Вологда);
- Марина Николаевна Воронó, музеевед (Вологда);
- Евгений Александрович Шкловский, литературный критик;
- Майкл Никольсон, преподаватель Оксфордского университета (Великобритания);
- Ирина Владимировна Некрасова, литературовед (Саратов);
- Рикардо Сан Висенте, переводчик (Испания);
- Минако Такаги, преподаватель университета Сока (Япония);
- Татьяна Ивановна Исаева, внучка писателя и литературного критика А.К. Воронского;
- Роже Вильтц, журналист (Франция);
- Софи Бенеш, переводчица (Франция);
- Джон Глэд, переводчик (США);
- Анна Раффетто, редактор издательства «Einaudi» (Италия);

- Лора Клайн, аспирантка Мичиганского университета (США);
- Валентина Дмитриевна Чусова, педагог (Череповец);
- Валентина Станиславовна Старкова, педагог (Вологда);
- Елена Александровна Мамучашвили, знакомая Шаламова по Колыме;
- Александра Александровна Свиридова, сценарист фильма о В. Шаламове «Несколько моих жизней»;
- Софья Богдановна Шоломова, библиограф (Харьков);
- Юлий Анатольевич Шрейдер, философ, и другие.

Каждый из этих людей много сделал для того, чтобы имя Варлама Тихоновича Шаламова заняло подобающее ему место в русской и мировой литературе.

Я благодарю этих людей от всего сердца и надеюсь, что наши совместные усилия приведут к восстановлению справедливости в отношении оценки литературного наследия Варлама Тихоновича, а справедливость он почитал ценностью наравне с истиной.

Ирина Сиротинская, председатель оргкомитета IV Международных Шаламовских чтений, Президент фонда В. Шаламова.

IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Республика, 1997. – С. 3–4».

Всех этих замечательных людей, искренне преданных памяти Варлама Тихоновича, я узнала в 1991–1994 годы, и впечатления от общения с ними остались во мне навсегда.

На IV–е чтения я не попала в силу разных обстоятельств.

О Елене Мамучиашвили

Елена Александровна Мамучашвили, жила в г. Подольске Московской области.

На Колыме работала в больнице в поселке Дебин, где в то же время работал санитаром В. Шаламов. Наиболее важным живым свидетельством является интервью 1994 года с бывшим колымским врачом Е.А. Мамучашвили на Шаламовских чтениях, которая в 1952 году, рискуя, перевезла с Колымы первое письмо Шаламова к Пастернаку.

В 1997 году Елена Александровна Мамучашвили записала свои воспоминания под названием «В больнице для заключенных». Она

вспоминала: *«С наших первых встреч на Колыме у меня было к нему особое, возвышенное отношение. Он олицетворял для меня идеал мужчины – красивый, мощный, благородный, всепонимающий. В развитии моего интеллекта Варлам Тихонович сыграл колоссальную роль. Ведь на Колыму я приехала «сырым материалом». Общение с ним и другими людьми в лагерной больнице сделало меня человеком с определенными взглядами и моральными устоями. Конечно, о будущем величии Шаламова-писателя я тогда не догадывалась».*

Елена Александровна бережно сохранила дорогую ей фотографию:

Эти годы моей жизни были связаны с завершением книги «Заветное слово о Блоке». В ней я подвожу итог многолетней работы по изучению Блока. Она так и осталась ненапечатанной. Одна из глав посвящена В. Шаламову. Это был как бы сводный вариант всего, о чем писала я до сих пор. За это время я не один раз работала в Москве в ЦГАЛИ, изучая рукописи.

* * *

В эти годы я разыскала в Харькове Валентину Георгиевну Демидову. Она подробно рассказала мне обо всех терниях во время переговоров с представителями «органов» по вопросу возвращения ей архива отца. Она была поразительно настойчива, била в одну точку, и добилась своего. Позже обо всем подробно написала в статье. Знакомство с ней стало еще одним этапом в моей жизни. Мы были с ней почти одного поколения, и это особенно сближало нас.

Я убедила Валентину в необходимости формирования фонда Г.Г. Демидова у нас в отделе редких изданий и рукописей. К этому времени часть документов она уже отвезла в Москву и сдала в литературный музей.

Потом приезжала в Харьков Елена Мамучиашвили, чтобы повидаться с Валей Демидовой. Я была рада новой встрече, жадно впитывала ее рассказы, и они отложились в моей памяти.

После событий последних лет, особенно после знакомства с В. Демидовой и встречи с Еленой Мамучиашвили, во мне возникло устойчивое желание рассказать о харьковчанах, судьбы которых на каком-то этапе пересеклись с судьбой Шаламова, и позже стали героями его рассказов. Так появились первые публикации о харьковчанах – колымчанах. В процессе подготовки публикаций я узнала, что

Ольга Семеняк жила в Харькове на Софиевской ул. Название улицы меня удивило: до этого момента я и не подозревала, что такая улица в моем городе есть, и находится она на Ивановке, сравнительно недалеко от моего дома…

Первая моя публикация о враче Ольге Семеновне Семеняк появилась в харьковской гуманитарной газете «Круг». (Х., 1995. № 3).

Через некоторое время появилась публикация и о Демидове. Валя готовилась вместе с семьей дочери к отъезду в Штаты. Она свозила меня на могилу Г.Г. Демидова. Оказывается, его прах она привезла в Харьков.

* * *

Летом 1995 года я была приглашена в г. Иваново на конференцию «ГУЛАГ и поэзия». Поехать на конференцию я смогла только благодаря финансовой поддержке удивительно отзывчивого человека, харьковского правозащитника Евгения Ефимовича Захарова. Он связал меня с членами московского «Мемориала». Они помогли добраться до Иваново их автобусом. Ведь я к тому времени была уже «иностранкой из ближнего зарубежья», при этом абсолютно безденежная.

Энтузиасты из местного педагогического института выпустили сборник стихов их землячки Анны Барковой. Мне запомнились звучные стихи Анны Барковой, о существовании которых я и не подозревала. Их мастерски читала ее сокамерница Ирина Вербловская. Она много и вдохновенно рассказывала об их совместной жизни в тюрьме. Пройдя лагерь, она сохранила моложавость и вкус к жизни, а главное – юмор. Мы с ней в один из вечеров проговорили особенно долго и доверительно. Ее интересовали вопросы веры. Она была накануне поездки в Иерусалим.

Мне запомнились долгие ночные посиделки в гостинице, когда взрослые, зачастую уже седые люди, читали шуточные стихи, которыми спасались, сидя в тюремных камерах и находясь на поселении. Среди собеседников – Рожэ Вильтц и Лора Кляйн. С ними я познакомилась еще в Вологде. Запомнилось и выступление вдовы писателя Юрия Домбровского. В ее облике было что-то по-детски озорное. Такое же озорство прозвучало и в шуточных стихах, написанных на манер детской считалочки: «раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять…»

Выступить на конференции мне не удалось по «вине» Семена Виленского – главного распорядителя конференции. Нужно было успеть на какую-то экскурсию, и потому сократили число выступающих, в том числе и меня. Мое «не выступление» я переживала очень сильно.

Экскурсия оказалась интересной – в бывшее родовое имение семьи Цветаевых. Экскурсовод увлеченно рассказывал об Анастасии Ивановне Цветаевой, которую знал в течение многих лет. Много цитировал ее стихи. Оказывается, она тоже писала стихи, но долгое время держала их в секрете, не смея соперничать со своей сестрой Мариной. Там же я познакомилась с солагерницей философа Карсавина. Не помню ее имя, но отчетливо помню, что это была колоритная фигура среди участников конференции.

В последнюю ночь в гостинице звучала своеобразная поэтическая эстафета. Один голос заканчивал читать стихи, другой – начинал. Я тоже прочла полюбившиеся навсегда строки из «Возмездия» Блока:

«Жизнь без начала и конца,
Нас всех подстерегает случай.
Над нами сумрак неминучий
Иль ясность Божьего лица».

Потом читали стихи Бориса Чичибабина. Наутро было прощание. Роже сказал, что более всего за эти дни он запомнил эту ночь, когда звучало столько поэтических строчек. Лора Кляйн обняла меня и попросила на прощание прислать ей полюбившиеся стихи Чичибабина. Грустно было расставаться.

Позже я узнала, что сохранилась подробная программа этой конференции. Вот этот документ:

«25–27 мая. Иваново. Ивановский государственный университет. Комитет по культуре и искусству Ивановской областной администрации. Ивановское отделение Российского фонда культуры. Историко-литературное общество «Возвращение» (Москва). Ивановское отделение Союза журналистов России. Ивановское отделение общества «Мемориал». Конференция «Поэзия и ГУЛАГ».

- Л.Н. Таганов (Иваново). Творчество А. Барковой и потаенная поэзия.

- В.П. Раков (Иваново). Риторическое слово в литературе ГУЛАГа.
- С.С. Виленский, Т.И. Исаева, Тема будет объявлена позже.
- О. Гаген-Торн, В.В. Муравьев, Е. Тимашпольская (Москва). Слово памяти...
- З.А. Веселая, Л.Н. Таганов, В.С. Сербский, В.В. Есипов. Наследие и свидетельство: новые издания книг репрессированных поэтов.
- **И.С. Вербловская (Санкт-Петербург). Поэзия в ГУЛАГе.**
- В.Д. Панов (Иваново). Слово и «дело №...» (судьбы ивановских поэтов в архивных делах КГБ).
- П.В. Куприяновский, Т.С. Морева (Иваново). А. Баркова в письмах к С.А. Селянину.
- Н.А. Молчанова (Иваново), Цзяо Чень (Китай). Поэзия А. Несмелова
- В.А. Смирнов (Иваново). Н.П. Смирнов – письма и стихи из «страны мертвых».
- И.В. Синохина (Иваново). Арестованный смех (к истории рукописного журнала «Пустослов»).
- **М.С. Лебедева (Иваново). Философско-поэтические лагерные сочинения Л. Карсавина**.
- В.В. Заманская (Магнитогорск). Концепция одиночества и экзистенциальное сознание в русской поэзии первой трети XX в.
- А.Ю. Морыганов (Иваново). Exegi monunentum В. Маяковского (поэт и «идеальное государство» в «Во весь голос»).
- **С.А. Айдинян. Лагерь и лагерные встречи в устных рассказах А.И. Цветаевой**.
- Г.В. Молчанов. Лагерная песня.
- В.С. Сербский, Ю.Л. Фиденгольц, П.И. Набоков, В.А. Попова. Стихи поэтов-узников ГУЛАГа.
- **К.Ф. Домбровская (Москва). «Лагерный цикл» Ю.О. Домбровского**.
- С.Б. Шоломова (Харьков). Место поэзии в судьбе и творчестве В. Шаламова и его харьковских солагерников.
- **В.В. Есипов (Вологда). «Наш спор – о свободе» (мотивы русской истории в «Колымских тетрадях» В. Шаламова).**
- С.Л. Страшнов (Иваново). Мотив «возвращения оттуда» в поэмах А. Твардовского.

- Е.В. Тихомирова (Иваново). Тема свободы в поэзии третьей эмиграции.

Кроме того, в программе конференции были заявлены, но не прозвучали следующие доклады:

- Т.С. Царькова (Санкт-Петербург). Поэтика тюремной песни (20–30-е годы).
- Л.В. Шерешевский (Москва). О положении поэта в лагере.
- М.В. Скороходов (Москва). Пафос созидания и разрушения в поэзии 1917–1918 годов.
- А.С. Крюков (Воронеж). Уничтоженные книги А. Ахматовой.
- С.Г. Исаев (Новгород). Проблема свободы и авторитаризма в творчестве М. Кузмина 20–30-х годов.
- В.С. Сербский (Братск). Поэты Оверлага».

Жирным шрифтом я выделила те доклады, которые для меня оказались самыми памятными и интересными.

Как видим, круг вопросов и круг авторов весьма обширен и представителен. Участники конференции и просто приглашенные были не так сплочены в едином духовном братстве, как это было в Вологде. Многие выступления были, как говорят, явно «занаучены».

Позже, уже после отъезда, я узнала, что часть моего выступления, при содействии Виленского, все-таки была напечатана в краткой публикации о Демидове в газете «Мемориал-аспект». Сохранилась память о тех днях – лишь две фотографии, на которых я и Лора Кляйн обнимаемся на прощание.

* * *

После Иваново я возвратилась в Москву. На квартире диссидентки по имени Таня мне удалось прочитать берлинское издание «Колымских рассказов». Адрес Тани по телефону мне сообщил Григорьянц. Помню чувство ужасной растерянности, которое я испытала от нищенского убранства ее квартиры. Прикосновение к другому миру было ошеломляющим.

После поездки в Иваново в Киеве появилась публикация моей статьи под названием «Неугасимая лампада» о серии мини-изданий стихов поэтов-гулаговцев.

После конференции в Иваново в моих поездках наступил длительный перерыв.

Лето 1996 года
О памятнике «Маска скорби»

В Магадане сооружен мемориал «Маска скорби», как символическое изображение вечной памяти о жертвах политических репрессий. Этот памятник установлен у подножия сопки «Крутая» в июне 1996 года на том месте, где находилась знаменитая «транзитка», откуда этапы заключенных отправлялись на Колыму.

С лицевой стороны 15-метровый мемориал представлен в виде «маски скорби» – лика, на котором застыли каменные слезы, в виде многократно повторяемых изображений лиц, что символизирует бесчисленность жертв репрессий.

С обратной стороны расположено неканоническое распятие и скульптура плачущей девочки, которая символизирует детей всех необоснованно репрессированных людей.

Строительство мемориала, созданного Эрнестом Неизвестным, велось на средства правительства России, а также на пожертвования городов Новосибирска, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Тамбова, Магадана и его города-побратима американского Анкориджа.

2000 год

Неожиданно я узнала о том, что осквернена могила Варлама Тихоновича – украден бронзовый бюст – и содрогнулась от такого акта вандализма. Грабители оторвали от гранитного постамента и унесли бронзовую голову – скульптурный портрет писателя.

Может быть, таким способом кто-то хотел уничтожить саму память о нем?

По поводу этого надругательства я написала открытое письмо в «Русскую мысль». В редакцию газеты его доставила Ирина Емельянова, которая в то время приехала из Парижа в Харьков для выступлений в Доме писателей.

Приведу текст моего письма:

«События в посмертии Варлама Тихоновича Шаламова свидетельствуют не только о масштабе его личности, но и о том, что он по-прежнему участвует во вселенской битве Добра и Зла.

Его не нужно представлять, а достаточно лишь назвать Имя и тотчас возникает символ победы творческого Духа над всеми ужасами и кошмарами ГУЛАГА, которые принёс нам XX век.

Постоянно выходят его произведения на разных языках, и число этих изданий растет день ото дня. Проходят международные конференции, на которых обсуждаются частные вопросы его жизни, творчества, судьбы. И приобщение к его строчкам, к его судьбе помогает очень многим людям в их духовном возрастании и преображении.

«Мир во зле лежит»! Эти слова Апостола Иоанна все чаще и чаще настигают нас, когда мы слышим о новом случае проявления какого-то вандализма. Но эти слова не есть сухая абстракция или же теоретическое отстраненное умозаключение и констатация. Эти слова имеют отношение к каждому из нас, и каждый раз они наполняются вполне конкретным и грозным смыслом. Они заставляют сделать собственный нравственный выбор…

Несколько дней тому назад в программе новостей Российского телевидения «Вести» промелькнуло сообщение об очередном случае вандализма: На Старо-Кунцевском кладбище Москвы совершено надругательство над памятником Шаламова. Памятник обезглавлен. Украдена бронзовая голова. В свое время это скульптурное надгробье было выполнено замечательным мастером Федотом Сучковым, который тоже прошел через ужасы ГУЛАГА.

Язык телевизионного репортажа сух, но очевиден факт: кража состоялась из-за металла, из которого был выполнен памятник.

Кражи изделий из цветных металлов стали в определенном смысле уже системой. Крадут всё: от проводов на электролиниях до… надгробий. Наступит ли когда-нибудь конец этому вандализму? Сколько ещё должно пройти времени, чтобы в сознании россиян возник нравственный запрет: «Не укради!», «Не убий!». Нарушение этих евангельских заповедей разрушает душу человека, о чем печально, но убедительно свидетельствует современная история России. Нельзя допустить, чтобы памятник Варламу Тихоновичу Шаламову стоял обезглавленным! Его необходимо восстановить (пусть даже из другого металла!) на деньги от пожертвований всех тех, кто не может смириться с вопиющим фактом вандализма, кто уже сделал в своей жизни нравственный выбор.

Нельзя допустить, чтобы зло торжествовало в таком наглом своём проявлении. Конечно, Варлам Тихонович не нуждается в защите своего имени. Ему это не нужно. Но это нужно нам, перешагнувшим рубеж XX столетия, с его печальными уроками и опытом попрания личности». (Харьков).

Недавно усилиями вологжан памятник был восстановлен по сохранившемуся деревянному оригиналу. Теперь он выполнен из чугуна. Будем надеяться, что он останется стоять, так же как и барельеф работы Ф. Сучкова у входа в музей Шаламова в Вологде.

2004–2006 годы

В 2004 году вышла в свет моя работа о К.Г. Паустовском и В. Шаламове под названием «Да не судимы будем».

Статья пролежала почти 10 лет в редакции журнала «Мир Паустовского». Я написала ее в период моей активной работы в ЦГАЛИ по изучению документов из архива Варлама Тихоновича.

Время жизни моей все больше спрессовывалось. Я подготовила к печати две книги о священниках, погибших в ГУЛАГЕ. Почти в каждой я по разным поводам цитирую высокое слово В.Т. Шаламова.

* * *

В сентябре 2005 года я, как обычно, приехала в Москву на дни памяти отца Александра Меня. В Новой Деревне после литургии познакомилась с Леной Захаровой-Хинкис. Она пообещала прислать мне свои записи о последних днях В. Шаламова. Елена Захарова сдержала свое слово. Материал, полученный от Лены, не мог оставить меня равнодушной. Он заставил вновь окунуться в мир Варлама Тихоновича. В ее записях я, наконец-то, нашла ответ на свой давний вопрос: *кто отпевал Шаламова и где…*

Этот документ по-новому раскрывал для меня мученический финал жизни Варлама Тихоновича. Вот основные фрагменты ее записей:

- *«Я должна рассказать о последних месяцах жизни Варлама Тихоновича Шаламова и о его смерти. О Шаламове писали многие люди, знавшие его в разные периоды жизни гораздо дольше и лучше меня, но случилось так, что я оказалась свидетелем «финала тра-*

гедии». Несколько раз мои устные рассказы использовали в своих работах журналисты, но, полагаю, мне самой следует максимально подробно и точно описать все, что я видела и слышала в июне 1981 – январе 1982 года».

Далее она приводит краткие сведения о себе, что и объясняет многие, естественно возникшие вопросы:

«Для того чтобы сделать понятными некоторые обстоятельства, придется сначала кое-что сообщить о себе, и о том, как я оказалась возле В.Т. Мой Шаламов начался лет в 14-ть с песни Галича «Все не вовремя» из цикла «Литераторские мостки». Знала я тогда, а было это начало семидесятых, только то, что Шаламов много лет провел в лагере. О том, что такое лагерь, я тоже немножко знала, мама не выгоняла меня из комнаты, когда велись «взрослые» разговоры, и «самиздат» от меня не прятали, наоборот. А в конце 1979 или в начале 1980 года мой отец, переводчик Виктор Александрович Хинкис, попросил меня пойти вместе с ним в «Дом для престарелых». По дороге отец объяснил, что идем мы к Шаламову. Это тот, кому посвящена песня Галича – спросила я? Ну да – ответил папа. И я услышала о существовании «Колымских рассказов, о письме в «Литературку», о болезни и одиночестве Шаламова, о том, что почти никто не знает, где именно сейчас находится Варлам Тихонович. Сам же отец выяснил адрес «Дома престарелых», куда мы направлялись, от своего знакомого, журналиста Сергея Ивановича Григорянца. Григорянц, знавший Шаламова раньше, с трудом разыскал его, хотел навестить В.Т., но не успел, так как был арестован».

О первом посещении Шаламова Елена Захарова пишет, отмечая каждую подробность:

«И вот мы пришли в «Дом для инвалидов и престарелых № 9». Надо сказать, что в то время я уже была студенткой 5 курса мединститута, подрабатывала фельдшером на «скорой», кое-что повидала, и считала себя опытным человеком. Но то, что я увидела, в рамки моего опыта не укладывалось. В маленькой палате стояло две койки, две тумбочки и стол. Грязь, запах. Два старика (у В.Т. в то время еще был сосед) – один неподвижно лежит на кровати, другой сидит на полу рядом с голой, не застеленной койкой, одет в какое-то тряпье, изможденный, все время дергается, лицо асимметричное. С ним-то отец и поздоровался очень громко. Старик крикнул

что-то совершенно неразборчиво и взмахнул рукой, в которой была зажата погнутая алюминиевая кружка. Ни о разговоре, ни тем более о медицинском осмотре не могло быть и речи. Я выскочила на улицу, через несколько минут вышел отец. Ну что – спросил он – как ты думаешь, может мне похлопотать, чтобы его перевели в другое место? Я ответила – не знаю, по-моему, ему ничем помочь нельзя. Единственное, чего мне хотелось, это уйти как можно дальше от этого места и забыть о том, что я увидела».

Такие впечатления не проходят бесследно. Она продолжает:

«Прошло около года. Я заканчивала институт, работала, часто бывала в доме у Надежды Яковлевны Мандельштам, Н.Я. и дала мне почитать «Колымские рассказы». Забыть не получалось, вернуться – тоже. В декабре 1980 года Надежда Яковлевна умерла, а в мае 1981 умер мой отец. В конце июня друзья Надежды Яковлевны собрались помянуть ее – исполнилось полгода со дня смерти. И вот Александр Анатольевич Морозов, замечательный человек, знаток поэзии, исследователь творчества Мандельштама, прочел несколько недавно записанных им стихотворений Шаламова.

Послеужинный кейф –
Наше лучшее время,
Открывается сейф
Перед всеми.

Под душой – одеяло,
Кабинет мой рабочий,
По сердцу карандаши
Днем и ночью.

Мозг работает мой
Как и раньше – мгновенно,
Учреждая стихи
Неизменно.

Меня потрясли даже не столько сами стихи, хотя они поразительные (цикл «Неизвестный солдат» был затем опубликован в «Вестнике христианского движения» еще при жизни В.Т., и, частично, в журнале «Литературное обозрение» в августе 1988 г.).

Ужасно было вдруг осознать, что они были разобраны с голоса В.Т. и записаны именно тогда, когда этот «человеческий обрубок» сидел на полу в грязной палате инвалидного дома. Господи, значит там, внутри этой скованной болезнью, отрезанной от мира не только стенами, но и глухотой, слепотой и почти немотой, оболочки, сидит живой, мыслящий человек, поэт».

И она поняла, что не может остаться в стороне.

Я вспоминаю, как Морозов диктовал мне буквально последние поэтические строки Шаламова, в которых было и о Блоке, и меня не покидало чувство восхищения и удивления перед мощью духа Варлама Тихоновича.

Далее Е. Захарова признается:

«На следующий день, испросив у Александра Анатольевича разрешения сказать, что мы его друзья, мой приятель Владимир Рябоконь и я пришли к Варламу Тихоновичу. Я очень боялась, что В.Т. нас не примет, прогонит, но он не прогнал. Имя Саши Морозова, которое мы прокричали в ухо В.Т. оказалось «волшебным словом». И я стала ходить в дом на улице Лациса один-два раза в неделю, сначала с Володей или Александром Анатольевичем, а потом и одна. Через некоторое время я встретилась еще с двумя людьми, которые в это же время каким-то образом разыскали В.Т., и стали его навещать. Это Татьяна Николаевна Трусова (Уманская), которая узнала своего деда, профессора Уманского, в рассказе «Вейсманист», и Людмила Анис, которая просто прочитала «Колымские рассказы» и решила увидеть их автора.

Кормили, купали в ванной, стригли ногти, переодевали в чистое, стирали, и тут же на батарее сушили вельветовые пижамы, оставшиеся от моего деда и пришедшиеся очень кстати, мыли полы. Узнавал В.Т. по рукопожатию, хотя, честно говоря, я не уверена, что он узнавал, кто именно пришел, разве что А.А. Морозова. Скорее чувствовал, что пришел друг. Постепенно я научилась разбирать, что В.Т. говорит, но мы почти и не разговаривали. Что я могла такого сказать, что представляло бы интерес для Шаламова. Тем более было бы дико мучить его какими-то расспросами, речь давалась ему тяжело. Читать сам он, конечно, не мог, и слушать чтение тоже желания не выражал. Только дважды я приносила ему его книги – один раз «тамиздатский» том «Колымских рассказов», и другой – журнал «Юность» за ав-

густ 1981 года с подборкой его стихов. Он надписал мне журнал, хотя рука все время дергалась, а видел ли он хоть что-нибудь, я так и не знаю.

«Лене Циркис. От автора. В. Шаламов. Тушино. 25 сентября».

Моя фамилия – он три раза переспрашивал – ему не далась, а объяснять про своего покойного отца, которого он когда-то знал, я не стала. В.Т. так чудовищно напрягался, пытаясь разобрать, что ему говорят, что я просто не могла себе этого позволить».

Захарова пишет о том, как в это печальное, удручающее время воспринимал себя сам Шаламов: *«Я думаю, что В.Т. считал себя заключенным, да, собственно, он им и был. Поэтому он срывал с кровати постельное белье – протестовал, как мог, повязывал полотенце на шею, чтоб не украли сокамерники (к этому времени сосед умер или его перевели в другую палату, но, по-моему, В.Т. этого не заметил). При этом он с невероятным трудом, но все-таки перемещал себя до туалета, находившегося тут же, в предбаннике палаты. Путешествие в ванную комнату могло происходить только с помощью двух людей, и являлось для В.Т. настоящим подвигом. И он его совершал. Дело в том, что у В.Т. была болезнь Паркинсона, тяжелое неврологическое страдание, при котором резко нарушается способность к целенаправленным движениям, зато все время происходят непроизвольные подергивания мышц. В этих условиях человек, к тому же почти слепой, сам передвигаться не может».*

Далее она останавливается на общей характеристике этого страшного советского заведения: *«Тут, наверное, следует подробнее описать, что представлял собой «Дом для престарелых и инвалидов». Обитателями этого заведения были одинокие, тяжело больные люди, кстати, далеко не всегда престарелые или даже пожилые, много находилось и молодых инвалидов, главным образом с нарушениями двигательного аппарата. Понятно, что все они нуждались в первую очередь в уходе, так как не могли самостоятельно передвигаться, а зачастую даже и есть сами. О необходимости медицинской помощи нечего говорить. В интернате был врач, а может быть и несколько, были медицинские сестры, санитарки. Конечно, персонала не хватало, но дело не в этом. Дело в отношении. Не хочется зря обидеть кого-нибудь, может быть среди сотрудников и были люди добросовестные и просто добрые, но выглядело это вот как.*

Те, кто мог хоть как-то двигаться, или кто имел дальних родственников, плативших, пусть небольшие, деньги, еще могли выжить. Беспомощные, прикованные к постели – умирали. От голода – кормить с ложки было не принято, или от гнойных пролежней, образовывавшихся от лежания по нескольку суток на мокрых, загаженных простынях. Кричали, пока были силы кричать, а что толку. Медицинская помощь, если бы она и была, в таких условиях не имела никакого смысла. От этого нет лекарств. Некоторым, впрочем, приносили какие-то таблетки, да не все могли их проглотить. Словом, каждый раз, подходя к дверям «Дома для инвалидов и престарелых» я буквально силой заставляла себя войти внутрь. И привыкнуть мне не удалось, оказавшись внутри, я испытывала вновь такой же шок, как в 1979 году».

Затем Лена Захарова словно обращается к будущему читателю:

«Тех, кто хочет лучше представить себе ситуацию, я отсылаю к опубликованной в первом номере «Иностранной литературы» за 2002 год документальной прозе Рубена Гальего «Черным по белому». Могу засвидетельствовать – все, что там написано – правда. Думаю, что такого рода заведения, это самое страшное и самое несомненное свидетельство деформации человеческого сознания, которое произошло в нашей стране в 20-м веке. Человек оказывается лишенным не только права на достойную жизнь, но и на достойную смерть».

В своих записях она выступает как очевидец и свидетель этого жуткого быта несчастных людей: *«Нескольким женщинам, обитавшим в соседних с В.Т. палатах, мы понемногу помогали. Кого покормим, кого перестелим. Они еще появятся на минуту в конце моего рассказа. А сейчас надо вернуться в лето 1981 года. В августе В.Т. перенес воспаление легких, еле выжил, приходили мы в это время чаще, каждый день, давали антибиотики. А в сентябре меня пригласил к себе для беседы главный врач. Он поинтересовался, кем доводимся Шаламову Морозов, Рябоконь, Уманская, Анис и я. Вы не родственники, так и не ходите – сказал главный врач. – А то мне уже намекают «оттуда», что обстановка нездоровая, да еще Евтушенко звонил, интересуются разные люди… Нехорошо. Вы ведь понимаете, что я могу перевести вашего Шаламова в «Интернат для психохроников», с глаз подальше, тем более основания есть, он недавно протечку устроил, воду в туалете не закрыл».*

В это время произошли поистине трагические события, которые ускорили уход из жизни Шаламова. Захарова признается:

«Я испугалась. «Интернат для психохроников» – это почти полная изоляция, а условия там еще хуже, я уже знала, что бывает еще хуже. Перестать ходить к В.Т. я не могла, это было бы предательством. Может, и не много значили наши посещения, но все-таки мы его мыли и кормили, держали за руку, просто были с ним, а теперь взять и исчезнуть, и он опять останется один. Надо сказать, что за те месяцы, что я бывала у В.Т., мне ни с кем, кроме четырех упомянутых выше людей, сталкиваться не приходилось, может быть, кто-то еще его и навещал, не знаю. Я долго уговаривала главного врача. Уверяла, что мы и сами не заинтересованы в лишних разговорах, что ни Евтушенко, ни кого бы то ни было еще, мы ни о чем не просили. Ссылалась на то, что я врач (в это время я уже окончила институт и работала в одной из московских больниц), что В.Т. нуждается в элементарной помощи сиделки и так далее. Разговор завершился тем, что посещения нам не запретили, но пригрозили провести психиатрическую экспертизу В.Т.

Вскоре экспертиза состоялась. Мне удалось добиться разрешения присутствовать при осмотре. Несколько человек, сотрудники районного психоневрологического диспансера, прошли в кабинет главного врача. Туда меня, естественно, не пустили. Пробыв у главного около получаса, они зашли в палату к В.Т., и спросили его, какое сегодня число. В.Т. не ответил, не услышал, а вероятнее всего – не захотел отвечать. И, задав еще пару вопросов – какой день недели и что-то еще – комиссия покинула палату. Я побежала следом, пыталась объяснить, что В.Т. плохо слышит, мне кратко ответили – сенильная деменция. И ушли. В переводе на человеческий язык это означает, что полу-слепой и полу-глухой беспомощный человек, живущий в изоляции, не имеющий не то что телевизора или радио, но даже календаря (да и не нуждающийся в них), и не знающий, какое сегодня число, страдает старческим слабоумием. Все.

После «экспертизы» я еще раз была у главного врача. Он повторил заключение комиссии, и добавил – пока подождем. Мы оставили в сестринской комнате свои телефоны, потолковали со всеми медсестрами, просили позвонить, если все-таки переведут. Прошла

осень, мы продолжали навещать В.Т. два-три раза в неделю по очереди, нами никто больше не интересовался. Показалось, что опасность миновала».

Подходил к концу год, который оказался в жизни Варлама Тихоновича последним. Захарова свидетельствует: *«В Новый год у В.Т. был А.А. Морозов, в начале января, как обычно, приходили попеременно. Я была последний раз числа 12-го. А вечером 15-го мне позвонила Т.Н. Уманская. Шаламов исчез, сказала она. На следующий день мы пришли в пустую палату, на батарее висела чистая пижама, в тумбочке лежали стопкой газеты «Московский литератор» и приглашения на вечера в Дом писателей. Я забыла сказать, что Литфонд регулярно присылал их Шаламову по почте, не забывали писатели своего собрата. Старушка из соседней палаты сказала – увезли вашего Тихона (почему-то она его Тихоном называла, видимо имя Варлам было не упомнить). Пошли к дежурной медсестре – ничего не знаю, была не моя смена, приходите днем к главному врачу. Дальше я помню неотчетливо, по-моему я ее слегка придушила, но так или иначе, она посмотрела в какой-то журнал и дала адрес: Абрамцевская улица, «Интернат для психохроников № 32».*

Утром 17 января Людмила Анис и я поехали туда. Это было какое-то марсианское место, посреди изрытого замерзшими глиняными колдобинами пустыря стояло большое серое бетонное здание, как мне показалось, почти без окон. Долго бродили мы вокруг в поисках входа. Наконец нашли запертую дверь, позвонили, опять долго-долго ждали. Кто-то открыл, я путано, и почти без всякой надежды на успех, объясняла ситуацию, просила разрешения побеседовать с дежурным врачом, напирая на то обстоятельство, что я медицинский работник. Удивительно, но нас впустили. Ко мне вышел дежурный доктор, выслушал мой лепет. Доктор оказался человеком. Он разрешил нам зайти к В.Т., хотя посещений в это время не было. День был очень морозный и ясный, большая палата насквозь простреляна солнцем (стало быть, окна были). На одной из кроватей лежал В.Т., на соседней – какой-то старик засовывал себе в рот пальцы, измазанные экскрементами. Потом доктор рассказал мне, что это был в прошлом крупный гэбэшный чин».

Елене пришлось быть свидетелем последних минут жизни Шаламова: *«Мы подошли к Шаламову. Он умирал. Это было оче-*

видно, но все-таки я достала фонендоскоп. В.Т. умирал от воспаления легких, развивалась сердечная недостаточность. Думаю, что все было просто – стресс и переохлаждение. Он жил в тюрьме, за ним пришли. И везли через весь город, зимой, верхней одежды у него не было, он ведь не мог выходить на улицу. Так что, скорее всего, накинули одеяло поверх пижамы. Наверное, он пытался бороться, одеяло сбросил. Какая температура в рафиках, работающих на перевозке, я хорошо знала, сама ездила несколько лет, работая на «скорой».

Я вернулась к дежурному врачу, спросила, получает ли Шаламов какое-нибудь лечение. Доктор достал из шкафчика историю болезни, посмотрел сам, к моему изумлению дал посмотреть и мне. Оказалось, он же дежурил и в день перевода В.Т. В записи первичного осмотра значилось – беспокоен, пытался укусить врача. Диагноз все тот же, сенильная деменция. В назначениях я обнаружила антибиотик, стало быть, воспаление легких развилось почти сразу. Пошла к медсестре, оказалось, антибиотик сегодня еще не вводили, не дошла очередь. Опять вернулась к доктору, и, ясно понимая, что смысл в моих действиях чисто символический, попросила назначить внутривенное вливание препарата, стимулирующего деятельность сердца. Пожалуйста, можете даже сами ввести. Ввела, и антибиотик тоже. Еще раз повторю, я не считала, что это может изменить ситуацию, Шаламов был в агонии, но все-таки я решила сделать то немногое, что было возможно в тех условиях. Ничего не изменилось, да и не могло измениться. Тогда я стала читать молитву «На исход души». Не буду утверждать, что Шаламов перед смертью узнал нас, но надеюсь все же, что присутствие наше он успел почувствовать. Впрочем, не знаю. Через полтора часа В.Т. умер.

Я совершенно не понимала, как мне быть. Спросила у доктора, какая у них принята практика. Выяснилось, что тела умерших увозят в морг, какое-то время хранят. Невостребованные в течение двух, что-ли, месяцев, передают в анатомический театр или кремируют сразу несколько тел и хоронят в одной урне, а где, доктор не знает. И тут до меня дошло, что я же – не родственница Шаламову, и никто из моих друзей не родственник, и есть ли в живых кто-нибудь из родных В.Т., и где они – я не знаю. А это значит, что тело мне, скорее всего, не выдадут, и никому не выдадут…. Оставалось

попробовать все-таки получить свидетельство о смерти. Я вернулась в палату, заглянула в прикроватную тумбочку. Пустой портсигар тюремной работы (наверное, чей-то давний подарок, В.Т. не курил), пустой кошелек, рваный бумажник. В бумажнике несколько конвертов, квитанции на ремонт холодильника и пишущей машинки за 1962 год, талончик к окулисту в поликлинику Литфонда, записка очень крупными буквами: «В ноябре Вам еще дадут пособие сто рублей. Приедите (так) и получите потом», без числа и подписи, свидетельство о смерти Н.Л. Неклюдовой, профсоюзный билет, читательский билет в «Ленинку», все. Паспорта нет, а без него свидетельства не получишь. Опять к доктору. Оказалось, паспорт на прописке в ЖЭКе, так положено, всех обитателей интерната сразу прописывают. Шаламова увезли, доктор по моей просьбе сделал отметку в сопроводительном документе, что родственники есть, и выдал-таки мне врачебную справку о смерти. Я не знаю имени своего коллеги из «Интерната для психохроников», но именно ему мы обязаны тем, что у Шаламова есть могила.

Было воскресенье, ЖЭК не работает, больше сделать ничего нельзя. Дальше я помню не очень четко, конечно, я позвонила нескольким друзьям, и мне стали звонить многие и многие, собирались деньги, приходили люди. В понедельник в ЖЭКе мне почему-то без особой волокиты отдали паспорт Шаламова, он оказался уже посмертно прописан на Абрамцевской улице. Дальше было проще, паспорт и справку обменяли в ЗАГСе на свидетельство о смерти, вырезали из паспорта фотографию и тоже отдали. Таким образом, я получила право похоронить Шаламова».

Благодаря Лене Захаровой Шаламова отпели. Она признается:

«И здесь я должна рассказать о том, как я солгала. Дело в том, что открыты для захоронения в то время были два кладбища, оба далеко за чертой города. Кто-то, не помню, к сожалению, кто именно, обратился в Литфонд за помощью в организации похорон. Я встретилась с человеком, который занимался похоронами писателей, он взялся хлопотать о месте на Троекуровском кладбище, повесил в холле Дома Литераторов фотографию в траурной рамке. И назначил мне встречу в секретариате Союза Писателей. Я пришла, мне сообщили, что предполагается траурный митинг в «дубовом зале» Дома Литераторов. И тут со мной что-то случилось, я вспомнила газеты и приглашения в тумбочке, сидящего на полу

Шаламова с полотенцем на шее, и твердо сказала, что Варлам Тихонович завещал мне отпеть его в церкви. Это была неправда, я никогда не говорила с В.Т. на религиозные темы, мне и в голову это не приходило. Тем более я бы не осмелилась судить о его вере или неверии. Но он был сыном священника, он точно был крещен, стало быть, в отсутствии прямого запрета с его стороны, его следовало отпеть. Все это промелькнуло у меня в голове, и одновременно я уже слышала ответ секретаря – ну что ж, только тогда представители СП присутствовать не смогут».

Несмотря на тот факт, что Шаламов всю жизнь называл себя «неверующим», Е. Захарова настояла на его отпевании.

Далее следует исключительно важная для меня подробность: *«Отпевали Шаламова в церкви Николы в Кузнецах, именно эту церковь посоветовал* ***мне отец Александр Мень, не знаю, почему именно ее.*** *На похороны пришло очень много людей, у ограды Троекуровского кладбища дежурили черные Волги. К стеклу кабины похоронного автобуса был прикреплен портрет Сталина. Один из моих друзей подошел к водителю, отдать традиционную бутылку водки. Водитель спросил, кого хоронят. Услышав, что писателя, сидевшего в лагере, сказал – извините, я ж не знал, и убрал портрет».*

Захарова упоминает и о Ф. Сучкове: *«Осталось добавить, что на могиле Шаламова был установлен памятник работы скульптора Федота Сучкова, колымчанина, давнего друга В.Т. Федот Федотович приложил много сил, чтобы выбрать гранитную стелу, отлить в бронзе копию деревянного скульптурного портрета, выполненного им еще при жизни Шаламова, смонтировать памятник. Огромное количество людей помогало собрать деньги, необходимые для выполнения этих работ».*

Это свидетельство было написано ею почти десять лет спустя – в июне 2002 года. Вскоре о нем узнали и в Вологде. А я познакомилась с этим кровоточащим текстом лишь в конце 2005 года.

Я обратила внимание на то, что «отпевал Варлама Шаламова прот. Александр Куликов, ныне настоятель храма Свт. Николая в Кленниках (Маросейка)».

Причем очень важно, что выбор священника исходил от отца Александра Меня, который к тому времени окормлял Лену Захарову и многих ее друзей.

О священнике Александре Куликове

29 апреля 2009 года скончался протоиерей Александр Куликов, настоятель храма свт. Николая в Кленниках на Маросейке. Отец Александр Куликов был одним из старейших клириков в Москве. 1 декабря 2008 года ему исполнилось 75 лет. 49 лет он прослужил в столице. Его знали очень многие. Это видно из того, сколько людей было на его отпевании.

Его ученик о. Владимир Воробьев написал о нем проникновенные строки: *«Батюшка не был публичным человеком в силу своей удивительной скромности, которая являлась его совершенно особенным качеством. Это при том, что отец Александр окончил Московскую Духовную Академию, был кандидатом богословия и очень начитанным и образованным человеком. Он замечательно разбирался в церковном искусстве, в церковной музыке. Знал близко очень многих выдающихся архипастырей, пастырей и старцев нашей Церкви. При всем этом отец Александр всегда считал себя совершенно заурядным и ничем не выдающимся человеком».*

И далее: *«Прослужив более 30 лет, он всегда был третьим священником в храме. Только в течение одного года был настоятелем маленького храма на окраине Москвы. Когда ему предложили стать настоятелем общины храма Николы в Кленниках на Маросейке, он тоже хотел отказаться, но ныне почивший священник, тогда уже старый протоиерей Василий Евдокимов, который имел тесные связи с маросейской общиной, вовремя ему сказал: «Если предложат – не отказывайся». И отец Александр из послушания согласился, но, став настоятелем, оставался таким же простым, таким же доступным и общительным, радостным, легким и мирным человеком. Ему была свойственна удивительная духовная гармония, размеренность, духовная мерность. Все, кто его знал, его очень любили».*

Так стало очевидным, что у отца Александра Куликова было прямое преемство с маросейскими пастырями. Поэтому, видимо, Господь его и привел восстанавливать храм на Маросейке и окормлять маросейскую общину.

Видимо, по этой же причине именно на него, по совету отца Александра Меня, пал выбор при отпевании В. Шаламова.

Двадцать лет Александр Куликов служил в Николо-Кузнецком храме при отце Всеволоде Шпиллере, который был широко известен

своими проповедями в среде московской интеллигенции. Именно отец Всеволод венчал, и потом, когда о. Александр Куликов был рукоположен во диакона в храм на Преображенской площади, он ходатайствовал перед митрополитом Николаем (Ярушевичем) о том, чтобы молодого Куликова рукоположили во священники в Николо-Кузнецкий храм, что и было исполнено.

О. Всеволод его очень любил. Его духовный сын свидетельствует: *«Вокруг нас столько скорбного, темного и греховного, что редко удается встретить человека, излучающего радость. Эта радость была не только чертой характера отца Александра, но и следствием его духовной жизни.*

Именно при нем был восстановлен знаменитый храм на Маросейке, где некогда служил московский старец, святой праведный Алексей Мечев и его сын, священномученик Сергий.

Затем отец Александр участвовал в восстановлении Данилова монастыря: первые реставраторы икон и иконописцы Данилова – его чада. Он внес свою лепту и в восстановление после пожара Покровского храма Московской Духовной Академии, в восстановление Толгского монастыря, Оптиной пу́стыни – везде трудились его духовные дети, всего не перечислишь…»

Всего один эпизод его биографии

Отец Александр рассказывал, что во время учебы его (как и многих других семинаристов и студентов – исключений, наверное, не было) вызвали в «Органы» (как тогда называли КГБ) и прямо предложили сотрудничать, т.е. рассказывать об умонастроениях студентов и духовенства. Он прямо, твердо и коротко ответил, что не будет этим заниматься. И тут же услышал одно слово, как-то в сторону сказанное, но обращенное явно к нему: *«Сгною!..»* На что последовал его краткий ответ: *«Ну что же, мы на то и идем».*

На этом визит завершился, после подобных вызовов не было. Может быть, из-за простоты и твердости отца Александра – его слово действительно было по-евангельски твердым: если да – то да, если нет – то нет.

Его любимым изречением были слова апостола Павла: *«Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за всё благодарите».* Но мало кто мог искренне, от души заражать такими словами в те годы!

О последнем мученическом витке жизни В. Шаламова

Еще одно свидетельство

Об этом я узнала гораздо позже. Это свидетельство было опубликовано уже после двух Шаламовских конференций. Подготовила его к печати дочь Ивана Исаева.

В очерке Ивана Исаева «Первые и последние встречи», которые были напечатаны лишь в 1997 году, есть фрагмент, который связан с последним периодом жизни Шаламова.

«Двадцать пятого мая текущего года мне пришлось помогать молодой женщине из Литфонда – Наталье Ивановне – отправлять Шаламова в дом для престарелых инвалидов, который мы в разговорах между собой называли более мягко – пансионатом. Нужна ли была такая крайняя мера для этого человека? Видимо, нужна. Другого реально осуществимого варианта никто из его знакомых и близких не находил.

В последние два или три года (не знаю точно) Шаламов потерял всякую работоспособность. Он давно, более десяти лет, ничего не слышит, потеряна координация движений. Выходя на улицу погулять, он часто не мог самостоятельно вернуться к себе домой. Иногда в таком состоянии его подбирала скорая помощь, и он оказывался в первой попавшейся больнице без денег, документов. Последнее время речь Шаламова стала совершенно непонятной, но самое страшное из всего – это потеря зрения.

В середине апреля нам с женой (Галиной Александровной Воронской) позвонила какая-то женщина с квартиры Шаламова и передала его просьбу, чтобы мы к нему приехали. Потом эта женщина позвонила еще раз вечером из своего дома и, наверное, целый час рассказывала моей жене, как она в течение ряда лет бескорыстно, как поклонница таланта, ухаживает за В.Т., но он ее ругает и гонит из своей квартиры, не дает денег. Жена из этого рассказа вынесла впечатление: хорошо, что за Шаламовым ухаживает эта добрая душа. Я больший скептик, чем женщины, и не привык верить только одной стороне, по этой причине своего мнения сразу высказывать не стал.

На другой день мы поехали к Шаламову на Васильевскую улицу. Женщина, звонившая нам, тоже обещала приехать, но приехала,

как потом выяснилось, много позже, когда нас там уже не было. На звонок дверь открыла соседка Шаламова – простая, пожилая и, видимо, добрая женщина. Сам он никаких звонков не слышит. Открыв дверь в комнату Варлама Тихоновича, мы увидели картину, подробно описывать которую было бы просто святотатством. Я сразу убедился, что никто за Шаламовым по-человечески не ухаживает, пусть даже корыстно. Сам он стоял посреди первозданного хаоса своей комнаты, неуверенно изучал руками пространство вокруг себя.

– Варлам Тихонович, – окликнули мы его, но он молчал.

– Вы громче, – сказала соседка, – он не слышит.

Я первым вошел в комнату, на полу которой валялись страницы какой-то рукописи (это нетрудно было определить по хорошо знакомому почерку), а также журналы, газеты, книги. Подойдя вплотную к Шаламову, я взял его за руку и громко сказал почти в самое ухо, что это мы пришли к нему в гости. Шаламов обрадовался, жал нам руки, но мы тогда не заметили, что он ничего не видит, и узнал нас только по голосу.

Кое-как освободив нам место на старом венском стуле и табуретке с пластиковым сиденьем, Варлам Тихонович тут же начал излагать жене неосуществимые проекты своей личной жизни и подробно рассказывать, в какой современной больнице он находился, и что все там блестит.

– Я в такой больнице никогда в жизни не лежал, – говорил Шаламов.

Из всего, что он рассказывал, я, самое большее, понимал десятую часть.

Наконец, улучив время, я вышел и постучал к соседке (той, что открыла нам дверь). Зовут ее Анастасия Федоровна. Здесь же, только в другой комнате, живет ее сын с невесткой. Они уже получили двухкомнатную квартиру и скоро уезжают. На мой вопрос, давно ли в таком состоянии Варлам Тихонович, она сказала – давно. Его уже не менее двух раз пытались отправить в дом для престарелых, но он категорически отказывался. «В богадельню не пойду, – говорил, – а насильно отправите – повешусь». При таком положении никто не брал на себя ответственности. Ничего не могли посоветовать ему и мы. Я оставил Анастасии Федоровне свой домашний телефон и просил звонить в тех случаях, когда понадобит-

ся какая-то помощь. Хотя хорошенько и не знал, чем могу помочь. Во всяком случае, нам с женой необходимо было время для размышлений и советов людей, хорошо знавших Шаламова и нас. Так мы тогда и уехали, не оставив никаких своих предложений, хотя твердо убедились: в таком состоянии Варламу Тихоновичу одному оставаться никак нельзя. Недели две-три спустя после нашего посещения позвонил сын Анастасии Федоровны (второй сосед Шаламова) и сказал, что Варлам Тихонович просил меня приехать, он согласен уехать в дом для престарелых.

В комнате было по-прежнему грязно и неубрано. Значительно убавилось книг на стеллажах. Шаламов посмотрел на меня и спросил: «Ты кто?». И только тогда я понял, что он ничего не видит. Я спросил у Варлама Тихоновича, к кому из писателей (из тех, кто хорошо к нему относится) обратиться за помощью и советом. Он назвал Наума Мара и Бориса Слуцкого. Слуцкого найти по телефону не удалось. Н. Мар, узнав, по какому поводу я ему звоню, ответил: – Шаламов мне надоел. Ему много раз предлагали дом для престарелых, а он не только отказывается, но и гонит от себя тех, кто ему это предлагает. Я объяснил, как умел, что Шаламов человек больной, и его поступки надо оценивать с учетом этого обстоятельства. – Мне этим заниматься некогда. Звоните в Литфонд и договаривайтесь. А потом поставите в известность меня.

В Литфонд и многие другие места я действительно звонил. Но ставить в известность об этом Мара мне уже не хотелось. Первая реакция в Литературном фонде относительно устройства Шаламова в дом для престарелых была бурной и весьма недоброжелательной. Снова пришлось объяснять, что человек стар, болен, беспомощен. Что теперь он согласен, и именно из этого факта надо исходить, а не из его поведения в прошлом.

Наконец в Литфонде согласились, что будут хлопотать, но для этого необходимы медицинские анализы. Какие, – врач знает. Надо сказать, лечащему врачу Александре Юльевне удалось все оформить в рекордный срок – около десяти дней. Сам Шаламов плохо понимал, что такого рода формальности требуют времени. Он торопил всех, кто этим занимался. 25 мая, в пятницу утром позвонила из Литфонда женщина (Наталья Ивановна), которая непосредственно занималась сбором всех необходимых

документов, и сказала: – Все готово, и я сейчас еду в интернат, чтобы его туда приняли. Она спросила – смогу ли я помочь Варламу Тихоновичу собраться и потом проводить в этот пансионат. Я ответил: «Обязательно». Несколько позже выяснилось, что Шаламова примут, но нужно, чтобы он приехал не позже четырнадцати часов дня.

Мы с Галиной Александровной взяли такси у автобусной станции метро Щелковская и поехали к Шаламову, чтобы помочь ему собраться. На месте выяснилось, что Галина Александровна ничем помочь не может. Все требовало только мужских рук. Варлам Тихонович, узнав, что надо срочно собираться, разволновался. В начале он пытался собрать вещи сам, но все валилось у него из рук. Он снова наощупь искал вещи, пока, наконец, потный и беспомощный, не уселся на дно платяного шкафа. Мне же он все время твердил: – Не торопись! Не торопись! Объяснять ему, что надо торопиться, было бессмысленно, это только затянуло бы дело. Поэтому я молча собирал все, что можно было собрать. Все его носильные вещи уместились в старый чемодан и рюкзак. Демисезонное пальто, покрытое серым пухом, и шапку из овчины он надел на себя, хотя жара в квартире и на улице была не меньше 30 градусов. Когда он облачался таким образом, его почему-то больше всего беспокоила шапка. При этом он даже попытался шутить: – Чаще всего, когда торопишься, почему-то теряется шапка. Только он закончил сборы, подъехала на такси Наталья Ивановна из Литфонда. Поддерживая Шаламова под руку, я спустился с ним во двор. А там не обошлось без любопытных старух, которые, наверное, осмотрели нас с ног до головы. Мне некогда было обращать на это внимание, а жена потом сказала, что какая-то старуха, глядя на Шаламова, спросила: «Да что же это он такой?» Другая ответила: «А разве он виноват, что Сталин дал ему кровавую путевку в жизнь?». После такого определения старухи заахали, запричитали. А жену мою спросили: «А вы кого здесь представляете?». Она ответила: «Колыму».

– А-а-а, – протянула спросившая, и покачала головой. Наконец, машина тронулась, и по 2-й Брестской улице мы выехали к Белорусскому вокзалу, а затем на Ленинградское шоссе.

Дом для престарелых и инвалидов находился в черте города, недалеко от станции метро «Планерная». Доехали мы туда в самом

начале четвертого. Формально повода отказаться от приема Шаламова не было, но две женщины в белых халатах, сестры или врачи – трудно сказать, долго и как будто подозрительно изучали документы Шаламова, с недоумением смотрели на него самого. – Да разве он для нашего дома? Наталья Ивановна, не давая укрепиться сомнениям, горячо убеждала женщин в белых халатах, что относительно Шаламова все согласовано. – Это у него только такой вид. Мы торопились и не смогли его как следует одеть. Подошла пожилая, но крепкая няня. Она критически осмотрела Шаламова, заявила: – Я его, такого, мыть не буду. Здесь уж мы с Натальей Ивановной в два голоса сказали, что заплатим за это дополнительно, на что няня не особенно уверенно ответила: – Деньги мне не нужны. Но по всему было видно, что она помоет Шаламова и деньги возьмет. Наконец начали оформлять документы. Меня попросили сказать Шаламову, куда его привезли. Он выслушал и ответил: «Знаю. Спасибо».

На первое время в целях карантина Шаламова поместили на первом этаже. Я помог ему дойти в отведенную комнату. Снял с него пальто, шапку, пиджак и повесил на вешалку. Когда снял с ног тяжелые полуботинки и два разных по цвету носка, все ужаснулись и попросили меня довести его до ванной комнаты. А там уже пришлось помогать и мыть. Вымытый и переодетый во все чистое, Варлам Тихонович с видимым удовольствием вытянулся на кровати. Из двух кроватей, стоявших в комнате, он выбрал для себя более жесткую, объясняя это тем, что он всю жизнь спал на жестком.

Прощаясь, я обещал его навещать. «Спасибо», – ответил он и натянул на себя простыню до самого подбородка. Поспешные сборы, переезд, волнения, мысли – примут или не примут, – каждого из нас утомили по-своему. Я это почувствовал только тогда, когда вместе с Натальей Ивановной покинул территорию дома, в котором остался Шаламов. Наталья Ивановна весьма усердно благодарила меня за помощь и говорила, что хорошо, когда в трудную минуту находятся близкие друзья. А был ли я по-настоящему близким другом Шаламова? Вряд ли. Моя жена справедливо заметила в разгар всех моих хлопот: – Вот ведь как получилось: никогда ты с ним не дружил, а теперь он весь полностью тебе достался.

В Москве мы с Шаламовым встречались не больше десяти раз. Правда, до Москвы, около тридцати лет тому назад, мы впервые познакомились на Колыме, в поселке Левый берег. Он был тогда еще заключенным, работал фельдшером в больнице. Я был уже вольным, хотя с приставкой «бывший з/к» и с весьма шаткими правами.

Когда Шаламов узнал, что моя жена – дочь А.К. Воронского, он как-то сразу подобрел и, что называется, раскрылся душой; сказал, что очень любит Воронского как критика и беллетриста, тут же назвал добрую половину книг известного писателя.

За первой встречей последовали новые. Больница не была отгорожена от поселка, и несколько дней спустя я пригласил В.Т. к себе домой. Впоследствии он много раз бывал у нас дома. Говорили мы больше о литературе – теме, одинаково близкой всем нам, часто не соглашались, спорили. В разговорах В.Т. много раз признавался, что из поэтов больше всего любит Блока и Пастернака, считал, что они лучше всех определяют нашу эпоху. Он всегда внимательно следил за литературой, высказывал собственные оценки. Писать что-либо в то время было небезопасно, но в свободные минуты В.Т. много читал. Помогал ему в подборе книг В.В. Португалов. Часть книг Шаламов брал у меня.

Однажды он неожиданно предложил нам устроить вечер стихов Пастернака. Вначале мы с женой согласились, а потом уклонились от предложения. Именно в это время Галина Александровна после второго ареста была приговорена к ссылке «до особого распоряжения». И хотя время травли Пастернака еще не пришло, устраивать «вечер поэзии» в условиях Колымы 1949 года было добровольным безумием. Варлам Тихонович, видимо, учел это и не настаивал на своем. Проживая с В.Т. Шаламовым около трех лет в одном поселке, я имел возможность близко наблюдать его. Мне всегда казалось, что этот высокий, худой, замкнутый, малообщительный человек живет своей внутренней жизнью. Шаламов, кажется, никогда не курил и не пил спиртного. Думаю, что это с его стороны не требовало никаких усилий воли. Просто он был человеком, не нуждающимся в подобных стимуляторах.

Я никогда не видел его смеющимся или хотя бы улыбающимся. Он почти не пользовался возможностью бывать на свежем воздухе, казалось, его вовсе не интересовали неповторимые краски северной природы.

Позже, когда я ближе познакомился с поэтически творчеством Шаламова, то убедился, что первое впечатление не всегда верно. Шаламов умел видеть природу, понимал и любил ее, но скорее разумом, чем сердцем».

(Публикация Т.И. Исаевой. Шаламовский сборник. Вып. 2. Сост. В.В. Есипов. – Вологда: Грифон, 1997. – С. 89–97).

Свидетельство Татьяны Леоновой

В 2006 году в «Новом журнале», который выходит в Штатах, появилась публикация, как продолжение и дополнение свидетельств Лены Захаровой.

Привожу текст этого документа. Он называется «В бессмертие» и представляет собой литературную запись, выполненную О. Исаевой:

«Разговаривая с Татьяной Леоновой о последнем годе жизни великого русского писателя Варлама Шаламова, я не могла удержаться от слез, и мне вспомнились его слова о том, что «внезапные слезы взрослого человека не такая уж редкость».

Затем она представляет свою собеседницу: *«Толком я ничего тогда не узнала о Тане Леоновой – кроме того, что ее «таскают» в КГБ, что в юности, имея возможность написать в паспортной анкете «национальность – венгерка», она выбрала правду и написала: еврейка. (Семья Таниной мамы в двадцатые годы эмигрировала из буржуазной Венгрии в Советскую Россию, в паспортах у ее матери и бабушки стояла национальность страны, из которой они эмигрировали.) Еще я знала, что ее очень любят и уважают мои друзья, что она кандидат наук, биолог. Через восемнадцать лет мы вновь встретились уже в Нью-Йорке, и на сей раз познакомились поближе. Татьяна Леонова – доктор наук по молекулярной генетике и иммунологии, старший научный сотрудник в нью-йоркском Рокфеллеровском университете, занимается изучением механизмов иммунного распознавания, иммунной памяти, иными словами – защитной системой организма. Она очень занятой человек, ездит на всемирные конгрессы иммунологов и генетиков, пишет статьи, руководит научными исследованиями, поэтому часто видеться нам с ней не удается».*

Далее читаем: *«В основном, наше общение проходит по телефону. Как-то раз Таня упомянула о фильме Александры Свиридовой,*

сделанном в начале девяностых годов о писателе Варламе Шаламове. Я сказала, что очень хотела бы его посмотреть, и Таня предложила мне свою копию.

Так случилось, что в Советском Союзе о Варламе Шаламове я только слышала, «Колымские тетради» и «Колымские рассказы» попали мне в руки лишь в Нью-Йорке. Они потрясли меня не меньше, чем некогда «Архипелаг ГУЛаг».

Правда, которую рассказал о лагерях Шаламов, была другой, чем у Солженицына, в ней не было «ничего возвышающего», это были рассказы об уничтожении человеческого достоинства, разума, духа, об опыте по превращению человека в зверя – в тысячу раз более страшного, чем любой другой зверь».

Текст включает в себя важные подробности и о самой Ольге Исаевой. Она признается:

«Честно говоря, я была рада, что свой рассказ о судьбе моей бабушки Ольги Петровны Исаевой, прошедшей все круги лагерного ада, и считавшей, что весь Советский Союз – это ГУЛаг, так как от мира его отделяет все та же колючая проволока и автоматы вохровцев, я написала до того, как прочла «Колымские рассказы», – после Шаламова ни за что бы уже не решилась прикоснуться к этой теме».

Она дает и характеристику фильму Свиридовой: *«Фильм Александры Свиридовой поразил меня. Он основан на тексте автобиографических и дневниковых записей Шаламова, голос актера, читающего за кадром этот текст, показался мне голосом самого писателя, а на экране я увидела только снег, холод и скорбную пустыню, похоронившую тысячи жертв ГУЛага.*

Когда Таня Леонова передавала мне диски с фильмом, она упомянула, что последний год жизни Шаламова ухаживала за ним в доме для престарелых. Я страшно заинтересовалась и попросила рассказать мне об этом поподробнее, но при нашей суетной жизни прошел еще год, прежде чем мы встретились, и я смогла записать ее рассказ. Вот он».

В который раз я убеждаюсь, что в нашей жизни все взаимосвязано, хотя и не всегда очевидно так, как на этот раз. После такого своеобразного вступления приведено свидетельство Тани Леоновой:

«В восьмидесятом году мне совершенно случайно попала в руки книга, вышедшая во Франции, – это были «Колымские рассказы» Ша-

ламова. После прочтения их ни о чем другом я уже думать не могла. Буквально на следующий день я пошла на вечер Арсения Тарковского, но впечатление от книги Шаламова полностью заблокировало мое восприятие поэзии. Все в стихах показалось слишком литературным, а обстановка в ЦДЛ вообще была апофеозом пошлости и духовной коррупции. В общем, я была в шоке, не в переносном, а в психологическом смысле слова. Как раз в этот момент из Ленинграда приехал в Москву мой приятель ***Леша Романков.*** *Я стала рассказывать ему о «Колымских рассказах», но оказалось, что он их уже читал. И вдруг он мне говорит: «А ты знаешь, что Шаламов сейчас слепой, глухой, одинокий умирает в доме для престарелых?» Об этом он узнал от своей знакомой, которая жила в Пскове, но всегда, когда бывала в Москве, заходила к Шаламову. Она рассказывала друзьям о том, что он там находится просто в ужасном положении. Меня это сообщение потрясло. Я попросила Лешу как можно скорее узнать, где находится этот дом для престарелых, но прошел примерно месяц, прежде чем он сообщил мне адрес, – на Планерной. И вот я отправилась туда, совершенно не предполагая, что меня там ждет».*

Далее она приводит свои первые впечатления от посещения Шаламова:

«То, что я увидела, могло бы стать последним очерком из «Колымских рассказов», потому что по впечатлению, верней, по ужасу это было примерно то же самое. Дом для престарелых находился в огромном железобетонном здании. Входишь на первый этаж – все замечательно: чистенько, фикусы стоят, стенгазеты какие-то, старушки опрятные ходят, телевизор, а дальше начинаются круги ада, и чем выше я поднималась, тем острее и концентрированнее становился запах мочи, грязи, гниения. Я почувствовала, что задыхаюсь. На последнем этаже находились лежачие, те, на ком администрация поставила крест. Я вошла в огромный широченный коридор, по грязному линолеуму в прямом смысле ползали какие-то совершенно беспомощные люди. Это была страшная картина. Я даже не предполагала, что такое вообще может быть в современной Москве. Никого из медперсонала видно не было, но от Леши Романкова я знала, в какой палате находится Шаламов».

Вот каким она увидала Варлама Тихоновича:

«Захожу: на одной кровати сидит человек, совершенно ободранный, а на другой, на которой вообще никакого постельного белья не

было, только голый матрац, спит огромный, худой, изможденный человек, с очень длинными руками и ногами. То, что на нем было надето, даже назвать пижамой нельзя было – тряпки какие-то изорванные. К тому времени я уже видела фотографию Варлама Тихоновича и поняла, что это он. Когда я вошла, он, видимо, что-то почувствовал. У слепых и глухих развиваются другие органы чувств. Он проснулся, рывком сел, причем конечности его двигались резко, беспорядочно, так что я сразу догадалась, что у него болезнь Меньера, то есть нарушение координации движений. Болезнь нелеченная, в последней степени: страшные, внезапные движения руками и ногами, жуткие гримасы на лице. Наблюдать за ним было тяжело. Как только он сел, сразу же начал кричать: «Але, але, какой день, какое число, который час?», причем страшно громко. Все было таким странным, сюрреалистическим... Было поразительно, что этот полутруп так интересуется временем. Но Шаламов действительно следил за временем, через несколько моих посещений он прокричал мне, что на будущий год ему исполнится семьдесят пять лет. До юбилея он не дожил».

После этого посещения последовали другие:

«Я ухаживала за ним весь последний год его жизни. Его обычная реакция на новых людей была негативной. Он замыкался, молчал, не отвечал на вопросы. Но и без этого мне стало ясно, что Варлама Тихоновича надо одевать, мыть, кормить. Запах на всем этаже стоял просто чудовищный. В то первое посещение, помню, я вышла из палаты, разыскала нянечку. Она мне тут же все объяснила по-своему: «А кто ж их тут мыть-то будет?» Нянечка была одна на целый этаж лежачих больных и по сути дела ничем не могла им помочь.

Я спросила: «Почему у Варлама Тихоновича нет постельного белья?» Она ответила: «Да он сам его срывает». При его судорогах белье сбивалось под ним жгутами и впивалось в худое дистрофичное тело. Видимо, это было болезненно. Тогда он срывал белье и даже рвал на куски. На спинке его кровати висело несколько таких лоскутков, а на шее было повязано полотенце. Впоследствии я догадалась, что Варлам Тихонович держал полотенце на шее, чтобы его не украли».

О нравах этого учреждения она пишет:

«Там крали все – начиная с администрации, медперсонала и работников кухни до тех больных, кто еще мог хоть как-то двигать-

ся. И этих больных, конечно же, нельзя осуждать. Их ведь не кормили. У них не было ни родственников, ни знакомых, которые могли бы их защитить. Порядки в доме для престарелых были совершенно лагерные. Люди просто вынуждены были бороться за свою жизнь».

О том, сколько напластований лжи сопутствовало уходу из жизни писателя, она упоминает скупо: *«В одной из статей о Шаламове, которую я прочла на интернете, сказано, что последние годы своей жизни он провел «в пансионате для инвалидов и престарелых Литфонда в Тушине». Не знаю, может быть, тот дом для престарелых, где последние годы своей жизни провел Шаламов, и имел какое-то отношение к Литфонду, может быть, там было какое-то количество мест выделено для Литфонда, но уж пансионатом его никак нельзя было назвать. И для меня эта фраза звучит как кагэбэшная фальшивка для иностранцев».*

Примечательны ее наблюдения за поведением Шаламова:

«Поначалу Варлам Тихонович не хотел со мной разговаривать, но я и так догадалась, что его не кормят. Впоследствии выяснилось, что даже в истории болезни у него было записано – «дистрофия». Его не кормили, он – не просил. Но когда он поверил в то, что я хочу ему помочь, то сразу сказал мне, что любит виноград и шоколад. В тех диких условиях, в которых он находился, эта фраза прозвучала, чуть ли не иронично. Все, что я ему приносила, он съедал тут же. Никогда ничего не оставлял. Видеть это было страшно. Он знал, что пока я в палате, у него ничего не отнимут и не украдут».

Участие в трагической судьбе Варлама Тихоновича принимала не одна она:

«Увидев весь этот ужас, я бросила клич по знакомым. Уже не я одна, но и мои друзья стали к нему ходить. ***Володя Мирзоев и Миша Эпштейн даже вымыли его один раз****. Хотя мыть его было невероятно сложно. Из-за этих его самопроизвольных движений можно было и в глаз получить, он ведь не мог себя контролировать.*

По знакомым мы собрали Варламу Тихоновичу одежду, переодели его во все чистое, но на следующей неделе ничего найти уже не удалось. Все исчезло. И еду оставлять не имело смысла. Имело смысл только организовать дежурства, чтобы каждый день кто-то приходил и кормил его. Причем мы поняли, что еды надо приносить немного. Потому что по лагерной привычке Варлам Тихонович должен был съесть все сразу и, пока еда была, не мог остановиться.

Конечно же, у нас возник вопрос: как могло получиться, что известный писатель и поэт Варлам Шаламов, член Союза писателей, оказался в таком бедственном положении? К тому времени у него уже вышло пять сборников стихов. Это были, конечно, сборники-инвалиды, изуродованные советской цензурой, но все же их можно было найти в библиотеках. Этот вопрос не давал нам покоя. Мы стали думать о том, как ему помочь. Никто из нас к Союзу писателей в то время отношения не имел, «ходов» туда мы не знали. Но был у меня один знакомый, Дориан Ротенберг, переводчик с русского на английский, который был членом Союза писателей, и я решила обратиться к нему за помощью. Я позвонила ему, однако в телефонном разговоре он повел себя как-то индифферентно. Может быть, боялся прослушивания. Все мы тогда боялись.

Всех нас по тем или иным делам таскали в КГБ, меня в тот год постоянно вызывали по делу Саши Золотарева, сына моего мужа, которого как раз в это время держали на Лубянке. С работы меня уволили по очень странной формулировке «за отказ от трудоустройства». В тот год на нервной почве я заболела. В общем, жизнь у всех у нас была тяжелая. В том первом телефонном разговоре Дориан сказал мне, что ценит Шаламова как писателя, читал «Колымские рассказы», но понятия не имеет, как лично он мог бы ему помочь. Однако через день он мне сам позвонил и сказал, что поговорил со своей знакомой, которая очень активный человек в Союзе писателей, и она уже начала наводить справки. В результате получилось, как всегда: не лучше, а хуже. Была организована комиссия Литфонда. Об этом я узнала со слов Дориана и главного врача дома для престарелых, который, конечно же, был страшно недоволен нашей активностью. Еще бы, стали приходить какие-то люди из Литфонда, что-то узнавать про Шаламова, что-то от этого главврача требовать... Однако никто из членов комиссии ни разу к самому Шаламову не поднялся».

Позорное равнодушие к писателю прикрывал и медицинский персонал:

«... «По-дружески» главврач пытался мне втолковать, что вся наша помощь может Шаламову только навредить. Он говорил: «Ну что ты сюда ходишь? Это и опасно, и бесполезно. Кроме того, этот ваш Шаламов ведь член Союза писателей и у него большая пенсия».

Но вернемся к ее свидетельствам о самом писателе:

«Его страшно мучило то, что родственники после каждого его ареста уничтожали все им написанное. В своих воспоминаниях он жаловался на то, что его первая жена в 1929 году сохранила все, что им было напечатано (он ведь много печатался в двадцатые годы), а вот все неопубликованное – уничтожила. То же самое сделала и сестра после его второго ареста в 1937 году. Шаламову как писателю было невыносимо уничтожение его произведений…»

И далее: *«Внутренне Шаламов никогда не вышел из лагеря, и в последний год его жизни я в этом убедилась лично. Он хотел говорить только правду.*

Ничто другое его не интересовало. Он считал, что правда сама изменит людей, что писателю учить людей стыдно, «оскорбительно». Он не хотел, чтобы «его использовали» ни для какой, даже самой прекрасной цели, потому что на собственном опыте убедился в том, что самыми прекрасными целями и идеями всегда норовят воспользоваться самые страшные тираны. Да, он написал гневное письмо в «Литературную газету», где заявил, что не позволит антисоветским журналам «использовать» его рассказы в собственных идеологических целях. Не для идеологии, мол, он рассказы эти писал. «Быть использованным» на лагерном жаргоне означало быть изнасилованным или поддаться на провокацию НКВД».

Татьяна Леонова, как и многие другие, сопрягает два имени:

«У Солженицына и Шаламова было разное отношение к писательству. Солженицын использовал литературу как рычаг для переворота мирового сознания. Шаламов был писателем, и только, литература и художественная правда были для него не средством, а – целью. В своем дневнике он писал: «проза будущего кажется мне прозой простой, где нет никакой витиеватости, с точным языком, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное – деталь или подробность, описанная ярко. Этим деталям человек должен удивиться и поверить всему рассказу». Его мучила мысль, что «неописанная, невыполненная часть (его) работы огромна. Это описание процесса – как легко человеку забыть о том, что он человек»…»

И снова она свидетельствует об участии целого ряда людей, причастных к последним дням Шаламова: *«Между тем, пытаясь помочь Варламу Тихоновичу, мы старались подключить к этому пи-*

сателей с именем, которые в диссидентских кругах считались нашими единомышленниками. Мы поехали в Переделкино на встречу с Ф. И. (один из моих друзей оказался его знакомым, парень был молодым писателем, и Ф. И. его опекал). Мы поехали втроем: я, моя подруга Олеся Гуревич, которая тоже ухаживала за Шаламовым, и этот парень. Мы с Олесей остались на улице. Возвратился наш знакомый весьма обескураженным и сказал, что Ф. И. отказался участвовать в деле спасения Шаламова на том основании, что, якобы, сам Шаламов отказался от своих рассказов и предал дело своей жизни. Мы были просто потрясены таким ответом.

Ведь в том же номере «Литературной газеты», где Шаламов действительно написал, что «проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью», так же каялись и извинялись за написанное и опубликованное за границей двое других писателей, в том числе и сам Ф. И. У него, как и у Шаламова, прошли публикации за границей, КГБ взял за горло и его, заставив написать покаянное письмо. Ф. И. прекрасно знал, каким образом КГБ заставляет писателей отрекаться от опубликованного за границей; знал, как тяжело вынести подавление творческой свободы, отречение друзей, изоляцию, гонения – все то, с чем были связаны подобные публикации на Западе для писателей, живших в СССР. И себя он за такое «отречение» простил, мотивируя тем, что по его письму, мол, понятно, что он отрекается «не всерьез». А вот Шаламову решил ничего не прощать. Так больному, беспомощному семидесятичетырехлетнему великому писателю, умирающему от голода в ГУЛаге для престарелых, идейно отказали в помощи. Правда, когда Шаламов умер, Ф. И. был на его похоронах и стоял над могилой со свечкой».

В заключительной части этих свидетельств читаем:

«Нельзя сказать, что там было много народу, – отважилось человек сорок, в их числе и переодетые агенты КГБ. Каждый из присутствовавших, безусловно, потенциально рисковал. Ф. И. это понимал – и все же пришел. Очевидно, перед лицом смерти место идеи заступает истина, вечность. Для меня же предательство осталось предательством. Если бы все они, кто отказал нам тогда в помощи, прошли через все то же, через что прошел Шаламов, если бы они выполнили свой долг перед миллионами безвинных жертв, как это сделал Шаламов, документировано воссоздав

этот ад на страницах своей прозы, может быть, у них и возникло бы какое-то право на осуждение. Но, кажется, что переживи они в полном объеме то, что пережил Шаламов, они бы вовсе не стали осуждать его».

«Колымские рассказы» Шаламова – это великая литература, открывшая миру глаза на то, как уничтожается человеческий дух. Уничтожается буквально, а не в качестве художественного приема. Шаламов писал: «Я себя считаю обязанным не Богу, а совести, и не нарушу своего слова, несмотря на особые выстрелы пиротехнического характера. Я не историк, свои сборники я почитаю ответом. Я не умер, для меня честнее рассказы, стихотворения…»

И снова поднимается вопрос о его религиозности:

«Шаламов был сыном священника. Всю жизнь он говорил о своей «нерелигиозности», но вера в нем была – не воцерковленная, а какая-то нутряная. В своих воспоминаниях о юности он рассказал, как водил слепого отца на антирелигиозные диспуты (отец ослеп после того, как на Гражданской войне убили его старшего сына, и последние тринадцать лет своей жизни прожил незрячим): «Мой отец – слепой священник, ходил сражаться за Бога. Сам я лишен религиозного чувства. Но мой отец был верующим человеком, и эти выступления считал своим долгом, нравственной обязанностью. Я водил его под руку, как поводырь. И учился крепости душевной…» Это было написано в 1964 году. Совесть, крепость душевная – это все понятия нематериалистические».

О самых последних днях его жизни читаем:

«Нас не оставляла идея перевести Варлама Тихоновича из ада, в котором он оказался, куда-то, где ему будет лучше, удобнее, где за ним будет постоянный уход. Эту мысль я даже донесла до него, но у Варлама Тихоновича была весьма своеобразная реакция. Он сказал, что не хочет никуда переходить, потому что здесь он уже знает, как, и вполне допускает, что в другом месте будет еще хуже.

Он боялся, что у него отнимут главное – возможность думать о своем, сочинять и передавать другим. Он принимал все физические ужасы своего существования, но вот с внутренней свободой расстаться не хотел. Жизнь научила его не надеяться на лучшее. Он давно и твердо знал, что лучше – не будет».

Его реакция на все была вполне адекватной, и не свидетельствовала о каких-то серьезных психических нарушениях.

«Тем не менее, мы решили, что его все-таки надо лечить. Официальная комиссия, созданная по вопросу Шаламова Союзом писателей, никаких позитивных сдвигов в его положении не сделала. Главврач дома для престарелых требовал, чтобы мы оставили Шаламова в покое и дали ему умереть, но мы решили действовать. Моя подруга ***Олеся Гуревич нашла женщину-психиатра*** *– для того, чтобы та сделала независимое заключение о психическом состоянии Варлама Шаламова. Отсутствие лечения от болезни Меньера главврач мотивировал тем, что больной психически ненормален. Мол, лечи – не лечи, все равно не поможет. Администрация мечтала избавиться от неудобного жильца – кому нужны эти комиссии и проверки. Правда, мне кажется, что они вполне искренно считали Шаламова невменяемым. Он ведь и был неадекватным во многом. Например, не отвечал на вопросы, которые ему задавали официальные лица. Он вел себя, как зэк с начальством. Он писал о себе: «пиротехнический характер». Мы пригласили нашу психиаторшу к Варламу Тихоновичу в палату. Она с удовольствием пришла, она тоже читала «Колымские рассказы» и искренно хотела ему помочь. Мы стояли в дверях, пока врач с ним разговаривала, и внимательно слушали. Она задавала ему вопросы. Поначалу Варлам Тихонович ей не отвечал, потом начал говорить».*

Последняя мечта или диалог с психиатром

До самого конца своей мученической жизни он видел себя исключительно Поэтом! Потому так потрясает его признание психиатру: *«Я сейчас не помню все, но один вопрос, а главное – ответ Шаламова произвел на меня огромное впечатление. При этом нужно помнить, что разговор с Шаламовым шел на крике, иначе он ничего не слышал. Врач прокричала: «Скажите, у вас есть в жизни мечта?» Вопрос довольно странный в такой ситуации, но* ***Шаламову он не показался странным. Варлам Тихонович тут же прокричал в ответ: «Да, у меня есть мечта – я хочу остаться поэтом».***

Только истинный поэт в шаламовской ситуации мог продолжать мечтать об этом. *Однако врач, человек хороший и трезвый, взглянула на нас и сказала: «Ну, вы же видите, он действительно ненормальный». Эта женщина была очень доброжелательной, ис-*

кренне хотела помочь, но ее диагноз мало чем отличался от официального: Шаламов ненормальный, лечить надо не неврологию, а психику. Чего же было ждать от врачей богадельни, уставших от страданий своих пациентов? Однажды к Шаламову пришли какие-то люди. Я точно не знаю, чего от него хотели, сама я при этом не присутствовала, но мне рассказали, что Шаламов запустил кому-то из пришедших табуреткой в голову. Правда ли это? – Представить себе семидесятичетырехлетнего слепого дистрофика, бросающегося табуретками, мне трудно. Шаламова перевели в отделение, где содержались больные с психическими расстройствами. Он, конечно, сопротивлялся. Но что он мог сделать? Через несколько дней его не стало. Вот такая история…»

Один миг

О своем личном и доверительном общении с Шаламовым Татьяна пишет так: *«Был в нашем общении один светлый момент. Со временем у нас с Варламом Тихоновичем возникли кое-какие собственные отношения. Разговоры – лаконичные, но все же были. Как-то раз он мне прокричал: «На самом деле я не только стихи пишу. У меня есть проза. Я написал «Колымские рассказы». Я ему в ответ: «Я читала эти рассказы». Он удивился: «Как же так? Где вы их могли прочитать? Я же выступил в газете и запретил их публиковать». А я ему кричу: «Да, но они же были опубликованы за границей и оттуда попали к нам. Я их здесь читала. И не только я, многие мои знакомые. Люди делают копии. Так что, наверное, уже тысячи людей читали ваши рассказы!». **Лицо его вдруг разгладилось, появилась какая-то умиротворенная, даже – удовлетворенная улыбка. Это был всего один миг, но он был**. Обычно у него всегда было напряженное, угрюмое, почти сердитое лицо. Ничего другого в тех обстоятельствах ждать и не приходилось. А та улыбка навсегда врезалась мне в память. Она была моим вознаграждением. Она оправдала для меня все. Потому что самым ужасным, помимо вида страданий – и не только Шаламова, но и всех пациентов этого ГУЛага, – было для меня сознание своего бессилия, сознание того, что вот на глазах у меня умирает великий человек, а я только и могу придти раз в неделю и накормить его».*

Последние подробности

«Надо понять, что главврач на самом деле очень доброжелательно относился к нам, потому искренне уговаривал не ходить к Шаламову. По-доброму увещевал, как отец родной. Предупреждал, что нам может быть хуже, что это все может быть опасно для нас. Да и зачем? Все равно ведь умрет. Чтобы объяснить главврачу, кем является на самом деле его пациент, я пошла в библиотеку, взяла сборники стихов Варлама Шаламова и отнесла в богадельню. «Колымские рассказы» я, конечно, не могла принести. Главврач знал, что какое-то отношение к Союзу писателей Шаламов имеет, но, естественно, никогда его не читал. Сам Варлам Тихонович считал, что « учительной силы у искусства никакой нет. Искусство не облагораживает и не «улучшает» ***. Но искусство требует соответствия действия и сказанного слова, и живой пример может убедить живых к повторению – не в области искусства, а в любом деле».***

В этом он видел главную нравственную задачу писателя. В общем, отнесла я шаламовские стихи главврачу, может, поверила, что пример поэта как-то заставит задуматься. Обратно за книгами я не пошла. Сил не было возвращаться туда после смерти Варлама Тихоновича. Может, главврач прочел Шаламова и кому-то из своих знакомых передал... Надежда всегда есть. Конечно, опыт, который я приобрела в том доме для престарелых, был для меня крайне разрушительным. По правде, ходить туда, находиться там я не хотела, но один раз увидев этот ад, забыть его, оставить Шаламова одного страдать там я уже не могла. Каждый раз, когда я уходила от Варлама Тихоновича, меня бил озноб, возникало дикое чувство голода. Я обязательно должна была зайти в булочную, купить батон за шестнадцать копеек и сразу, без остановки, его съесть. Потом я догадалась, что у меня начиналась гипогликемия, как у диабетиков, когда из организма уходит весь сахар. Говорят, на нервной почве это бывает. Вот когда я поняла, почему Варлам Тихонович попросил меня принести виноград и шоколад. Только задним числом я догадалась, до какой степени он нуждался в глюкозе».

Я выделила новые фамилии, упомянутые в тексте, жирным шрифтом в надежде на их свидетельства.

О Саше Морозове

«К счастью, не я одна помогала Шаламову. Кроме меня и моих знакомых туда ходил еще Саша Морозов – безработный литературовед. Он навещал Шаламова, и тот его ждал, был ему рад. Несмотря на свое тяжелое состояние, Варлам Тихонович постоянно диктовал Саше Морозову стихи. В этих жутких условиях он сочинял, запоминал, дожидался Сашу и надиктовывал ему стихи. Кажется, после перестройки Саша опубликовал их. Они, конечно, совсем не похожи на стихи, которые Варлам Тихонович писал, будучи здоровым человеком, но сам факт того, что в этом аду он продолжал быть поэтом и мечтал только о том, чтобы «оставаться поэтом», меня потряс…. Да, в своей жизни он получил сполна. Больше, чем может вынести человек.

Но несправедливости и предательства продолжились и после его кончины. Союз писателей был согласен похоронить Шаламова, но запретил отпевание. Некая знакомая Саши Морозова стала добиваться разрешения – страстно клянясь, что якобы перед смертью Варлам Тихонович завещал ей похоронить его по православному обряду. Ей поверили. Варлама Шаламова отпевали в церкви в Вешняковском переулке и похоронили на Кунцевском кладбище…. Великий русский писатель Варлам Шаламов не умер, он шагнул в бессмертие».

Свидетельство Александра Морозова

К весне 1980 года Шаламов ослеп, наступило сильнейшее поражение речи. В это время его начал посещать А.А. Морозов. Он пишет: *«Не с профессионально-врачебной точки зрения Варлам Тихонович выглядел так: он сразу узнал меня (мы не виделись около 12 лет), вспоминал обстоятельства нашего знакомства в доме Н.Я. Мандельштам, на вопросы же отвечал все, хотя и приходилось мучительно разбирать его речь, многократно переспрашивая. О самочувствии говорил неохотно: чувствует себя здесь прекрасно, кормят здесь хорошо, а что нужно – так это посещать.*

Но при этом он несколько раз упоминал о «ларьке», куда надо спешить до закрытия. Потом это прошло, но до конца осталось неприятие постельного белья, повязанное через шею вафельное полотенце и другие симптомы лагерного сдвига.

Вообще мне показалось, что он чувствует себя здесь, как если бы он находился в лучшей тюрьме, откуда ни за что не хочет выходить. Так и было: ни на прогулку, ни в ванную комнату В.Т. невозможно было вывести. Любую перемену он воспринимал как ведущую к худшему».

Шаламов сопротивлялся, потому что не хотел что-либо менять в своей жизни:

«Лечение же требовало больницы. После неоднократных обращений к разным врачам (врачи были именно разные, и не забыть, как один, приглашенный из нужной невропатологической клиники, где он занимал должность заведующего отделением, повернул обратно от ворот Дома инвалидов, сказав, что посещение Шаламова повредит его репутации). Один врач, наконец, согласился помочь устроить В.Т. в больницу, если только он сам согласится на это. Иначе и быть не могло, но почти год прошел, пока В.Т. не сказал мне однажды, что он согласен... «Но только с вами», – добавил он».

Предельно важное свидетельство Морозова о Шаламове как авторе последних стихов:

«Я поделюсь историей со стихами. Он начал их диктовать в октябре 1980 г., в первом же стихотворении описал обстановку в Доме инвалидов и сказал, что «мозг работает мой, как и раньше, мгновенно». Около тридцати стихотворений продиктовал он («продиктовал» – не то, конечно, слово), но о главном говорил, что это будет «Неизвестный солдат».

Однако последнее было то, где «мы не самосожженцы и не Аввакумы» и «велика ль Земли забота, я и сам не знаю». В.Т. сам сказал на следующий раз, что это его последнее стихотворение вообще, и попросил сделать подборку из уже имеющихся под названием «Неизвестный солдат» и отнести это в «Знамя», потом в «Юность».

Ни там, ни здесь не принимали завещания Шаламова. В «Юности» было напечатано что-то из его прежних стихов, про эти же заведующий отделом поэзии заявил, что они, конечно же, распад.

Мне эти стихи казались замечательными, каких В.Т. еще не писал, и после тяжелых сомнений, желая, чтобы они были услышаны еще при его жизни, я решился переслать их за границу, где они и были напечатаны в журнале «Вестник русского христианского движения» (№ 133). В.Т. узнал об этом от меня и принял, хотя переживал по-настоящему публикации только здесь, августовскую «Юность» с его стихами оставил у себя и заставлял каждый раз читать ему вслух.

Кстати, о премии, данной ему французским Пен-клубом, которая тоже, наверно, повлияла на его конечную судьбу. В.Т. ее требовал, имея в виду, вероятно, какой-то жест ее получения. Когда же я заговорил о возможных деньгах, какое было бы его распоряжение, он равнодушно заявил: «Государству – так все делают»…»

Морозов вспоминает, как среди посетителей появилась Лена Захарова:

«С весны 1981 г. В.Т. вместе со мной стали посещать еще Лена Хинкис и – с лета – Таня Уманская (внучка того Уманского, про которого рассказ «Вейсманист»). С этого времени мы взяли весь уход за В.Т. на себя: приносили и меняли одежду, мыли в комнате и т.д. Вокруг В.Т. обстановка была неважной: ему ставили миску, обыкновенно почему-то без ложки, но плохо было с водой – кран отключали, а подносить не трудились, и В.Т. иногда громко кричал на всю больницу. Среди персонала считалось, что к нему подходить опасно – может чем-нибудь бросить, ударить. Речь шла о прикованном к месту, незрячем человеке. Впрочем, до туалета В.Т. добирался сам, цепляясь за стенку, сам ложился и вставал. Выглядел он предельно истощенным. Врач сказал: «Полный авитаминоз», хотя ел В.Т. при нас много. Но при этом телесно («соматически») он был здоров, и при нас перенес в несколько дней тяжелое простудное заболевание с высокой температурой. Врачебной помощи фактически не было, если не считать вкалывания аминазина (сведения противоречивы).

О других посещениях и посетителях:

От Литфонда его иногда навещали официальные представители, но раз он плохо принял двух явившихся дам, может быть, почувствовав, что они брезгают пожать ему руку.

Зато повестки на разные профсоюзные собрания и газета «Московский литератор» поступали регулярно, и только раз, кружным путем, пришло настоящее письмо от одного поклонника со словами о «великом русском писателе» и пр. В письме, между прочим, приводились такие строки В.Т.:

«Должны же быть такие люди,
Которым веришь каждый миг,
Должны же быть такие Будды,
Не только персонажи книг».

«Всех, кто приходил к В.Т. после меня, он встречал хорошо, благодарил, а еще раньше стал спрашивать у меня и потом у других: «Когда вы еще придете?», сам считая дни.

Слухи, что он никого якобы не принимал, и потому к нему никто не ходил, – неверны.

Роковая экспертиза

В последних числах июля 1981 г. Хинкис случайно узнала из разговора медсестер о принятом решении перевести Шаламова в специализированный дом для психохроников.

Главный врач интерната Б.Л. Катаев подтвердил, что решение принято, обосновав его, во-первых, диагнозом «старческое слабоумие», поставленным Шаламову на бывшей незадолго перед этим консультации, и, во-вторых, заключением санэпидемстанции об антисанитарном состоянии его палаты.

Катаев сказал, что Шаламов «социально опасен» и представляет угрозу для персонала, т.к. способен, например, опрокинуть тумбочку или бросить в медсестру кружкой. Хинкис напомнила Катаеву о недоброй репутации домов для психохроников.

Катаев воскликнул:

– Да что вы! Это совсем не так страшно.

– Когда предполагается перевод?

– Завтра-послезавтра.

– Что же, не приди я сегодня, о переводе никто бы и не узнал?

– Нет, почему же, мы собирались звонить в Союз писателей.

Хинкис просила отсрочить перевод. Катаев поинтересовался, на какой срок («Хотя бы недели на три», – сказала Хинкис), но не ответил ни да, ни нет.

Хинкис сразу пошла к директору интерната Ю.А. Селезневу, который забеспокоился, едва услышал имя Шаламова.

– Кто вы такая, – спросил он. Хинкис объяснила.

– Вы что, считаете, что он действительно поэт?

Хинкис сказала, что этому есть доказательства.

Тут же Селезнев обнаружил, что знает об этом и без доказательств, и даже осведомлен о самых недавних фактах, связанных с Шаламовым. Он заявил, что вокруг Шаламова «развели шум», «печатают его», «дали премию», «появляются какие-то юнцы с магнитофонами» и «уже звонил Евтушенко».

– Чего вы хотите? – спросил он, наконец.

Хинкис призвала проявить гуманность и неформальный подход к судьбе Шаламова.

– Я бы рад подойти неформально, – сказал Селезнев.

– Мне лично все равно, останется Шаламов или будет переведен, но товарищи из ГБ этим уже заинтересовались.

Хинкис спросила, кто проводил консультацию, и нельзя ли попытаться пересмотреть диагноз. Оказалось, что слабоумным признали Шаламова консультанты из психоневрологического диспансера № 17, курирующего дом-интернат, в штате которого нет своих психиатров. Окончился разговор невнятно выраженным согласием Селезнева на попытку добиться переосвидетельствования Шаламова.

В ближайшие за этим дни удалось связаться с заведующей диспансером № 17, и Хинкис, неожиданно легко, по телефону, условилась с ней о повторной консультации. 14 августа Хинкис встретила у ворот интерната двоих консультантов и проводила их к главврачу. Тут же появилась старшая сестра и еще несколько лиц из персонала. Казалось, что о предстоящей консультации в интернате знали заранее, хотя в известность о дне и часе Хинкис никого не ставила.

Все вместе поднялись к Шаламову. Он сидел на стуле, поглощенный питьем чая. Хинкис поздоровалась – Шаламов ответил. Консультанты здороваться не стали. Помолчав, один из них, очевидно, старший, сказал:

– Патологическая прожорливость.

Молчание. Потом спросили у Шаламова, какой нынче год. Шаламов сказал:

– Отстаньте.

Молчание. Спросили, почему на койке не видно постельного белья. На это ответила Хинкис, упомянув о лагерном прошлом Шаламова. Молчание.

– Ну, ладно, – сказал, наконец, старший, – будем описывать по статусу (что означало: больной недоступен контакту и заключение выносится на основании визуального наблюдения).

– Так что же? – спросила Хинкис у консультантов уже в коридоре.

– А ничего, – ответил старший, – это, конечно, слабоумие. Можете пригласить хоть сто психиатров, никто диагноз не изменит.

Вся консультация продлилась несколько минут.

Пытаясь все-таки изменить диагноз, обратились к главному психиатру Литфонда Дашевскому. Он обещал посмотреть Шаламова, но вскоре взял обещание назад, дав понять, что этот случай – вне медицинской компетенции.

Врач, осмотревший Шаламова частным образом, не считал, что его переход в «психохронику» оправдывается клинической картиной, однако соглашался заявить свое мнение не иначе как официальной и полномочной комиссии экспертов.

В первой декаде сентября последовало заверение Союза писателей в том, что Союз берет на себя контроль над ситуацией и без ведома Союза Шаламова никуда не переведут.

Шаламова перевели 14 января 1982 года. Но еще в октябре одна из почитательниц запросила в Мосгорсправке его адрес и получила листок с адресом дома-интерната для психохроников № 32. А после смерти Шаламова по штампу в его паспорте узнали, что еще в конце июля 1981 года он был уже выписан из дома-интерната № 9.

О самом переводе узнали так. Шаламов давно просил Хинкис позвонить от его имени И.С. Исаеву, редактору, на помощь которого он рассчитывал, собираясь готовить книгу стихов к своему 75-летию. Хинкис позвонила как раз 14 января. Исаев разговаривал сухо, помощи не обещал, и только под конец разговора сообщил новость:

– Его уже перевели. Мне позвонила какая-то женщина.

Этой женщиной была работник ЦГАЛИ И.П. Сиротинская, которой, по ее словам, Шаламов завещал свой литературный архив.

17 января утром Хинкис приехала в дом-интернат для психохроников № 32. Дежурный врач сказал ей, что Шаламов «очень тяжелый». Кто такой Шаламов, врач не знал. В палате на восемь человек Шаламов лежал и хрипел; врач предполагал пневмонию. Медсестра сказала:

– Его такого и привезли. Вставать уже не мог.

Никакого ухода за ним в эти дни не было. Шаламов узнал пришедшую, обрадовался, но уже ничего не говорил. Он оставался в сознании почти до самого конца. Смерть наступила около шести часов вечера.

Последняя запись в истории болезни Шаламова: «Крайне бестолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укусить врача».

О похоронах

19 января в помещении секретариата СП обсуждался вопрос о похоронах Шаламова.

Представители Союза склоняли друзей покойного «похоронить его по-хорошему», т.е. перед кремацией выставить тело в ЦДЛ и провести гражданскую панихиду.

Согласились и на церковные похороны, но тогда уже без панихиды в ЦДЛ и «чтобы не было речей».

Поэт В. Костров отлучился на полчаса и вернулся, окончательно уладив дело с секретарем правления СП Ю. Верченко. Союз обеспечивал автобусы и место на кладбище. Прощаясь, Костров выразил удовлетворение тем, что «большой русский поэт будет похоронен достойным образом», и прибавил, что ни он сам, ни другие представители Союза писателей «по понятным причинам» присутствовать в церкви не смогут.

21 января утром состоялось отпевание Варлама Тихоновича Шаламова в церкви Николы в Кузнецах и затем похороны на Кунцевском кладбище.

Присутствовало около 150 человек. А. Морозов и Ф. Сучков прочитали стихи Шаламова…»

Его последние дни по степени мучительности были сравнимы с теми страданиями, что выпали на его долю в заключении. Московский специнтернат стал для него настоящей Колымой.

Когда-то давно он написал жуткие и почти провидческие строки:

«И без одежды, без белья,
Костлявый и нагой,
Ложусь в могилу эту я –
Поскольку нет другой.
Не горсть земли, а град камней
Летит в моё лицо.
Больных ночей, тревожных дней
Разорвано кольцо».

Свидетельствует Федот Сучков

Начало знакомства

«В 1962 – хрущевском – году, скупо обнародуя «проходную» продукцию, Шаламов явился в редакцию «Сельской молодежи», где я тогда работал в качестве литературного сотрудника и вытаскивал «на гора» прозу Платонова. В ноябрьском номере были опубликованы несколько стихотворений В.Т. Шаламова, не сделавших погоды.

С рассказами ничего не вышло. Не прошел и набранный уже невинный рассказик «Серафим». Года через полтора, не веря в публикацию лучших своих произведений, Варлам Тихонович подарил мне около шестидесяти колымских рассказов. Все они с течением лет разошлись по достойным рукам любителей самиздатской, возникшей стихийно, литературы. Теперь уже можно сказать, что именно ей – преследуемой тогда – выпала честь предугадать гласность…»

Последняя встреча

«Мне вспомнилось сейчас мое вместе с геофизиком В.И. Горбенко посещение Варлама Тихоновича в доме престарелых (что поблизости от станции «Планерная») осенью 1981 года. Он лежал, когда мы вошли в двухместную, пахнущую мощами, приютскую комнатушку, как все мы лежали беспамятно в материнском чреве, в позе свернувшегося калачиком заключенного, пытающегося удержать остаточное тепло. Это было последнее мое свидание с Шаламовым. Он ощупал ходившими ходуном руками мой облысевший кумпол и, по-моему, не узнал меня».

Проводы в последний путь

«Мне довелось провожать его прах до Троекуровского погоста и горестно записать в одном из своих карманных блокнотиков несколько наблюдений. Я не стану ради памяти о дне похорон заменять в записной книжке слова, легшие на клетчатые листочки.

«Сразу же после панихиды в церкви Николы на Кузнецах, – говорится в первом абзаце, – один из священнослужителей, переодевшись в алтаре в гражданские тряпки, с пижонистым дипломатом в руке, легкой походкой направился в прицерковное общее место... Безобидное, естественное действие батюшки покоробило меня, настроенного на высокий лад песнопеньями и ладаном, показавшейся мне неуместностью... А когда мы высадились из автобуса у кладбищенских ворот, один из нас обратил внимание на приклеенный к стенке похоронной машины портрет усатого генералиссимуса. Получилось: государственный убийца сопровождал жертву разнузданного террора до места успокоения... И, к печали моей, во время забрасывания землей последнего пристанища автора горькой прозы, я обратил внимание на двух вроде бы беседующих между собой «амбалов», стоящих в стороне от сгрудившихся над разверстой ямой людей…»

Над полой могилой я прочитал стихотворение покойного – «Меня застрелят на границе», которое заканчивается строфой:

И чтоб короче были муки,
И чтоб убить наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка…»

Это свидетельство собрата Шаламова по ГУЛАГу было опубликовано в 1994 году в Шаламовском сборнике. Ф. Сучков писал:

«Борьба за достоинство, за право не быть мокрым местом превращала достойных людей в неодолимую для безнравственных заправил силу... Так было по всему нашему многострадальному государству, включая загоны обессмертившего себя ГУЛАГа. Ведь выдержали испытание на мощь духа и совесть, ставшие нашей гордостью, упоминавшиеся здесь ученые и такие литераторы, как Н. Заболоцкий, как лауреат Нобелевской премии, написавший повествование об Иване Денисовиче Шухове; как вовсе неизвестная, промучавшаяся в тюрьмах и лагерях поэтесса Анна Баркова; не сдался и славный романист Юрий Домбровский, назвавший Шаламова при жизни великим русским писателем».

Он умер в безвестности и почти незаметно. Был январь 1982-го. За гробом невидимой тенью следовали его поэтические строки:

«Я умолкаю, я клянусь,
Беззвучно шевеля губами,
Что я сюда еще вернусь.
Еще вернусь за вами».

В заключение Сучков говорит: *«Он недополучил от эпохи все ценимое в ней и бесценное во все времена, заработанное в поте лица богатство».*

По поводу его воспоминаний И.П. Сиротинская высказала следующее мнение:

«Федот Федотович был личностью колоритной, одаренным скульптором и поэтом. Его мемуар, посвященный Шаламову, написан гневным пером бывшего зека, знающего истинную цену добру и злу».

Позднее свидетельство

Накануне 100-летия Шаламова поэт Вл. Леонович написал, возвращаясь к тем печальным дням: «Ирина Сиротинская, Александр Морозов, Фазиль Искандер, покойные Юлий Шрейдер, Феликс Светов, Виктор Фогельсон.

Небольшой, но СОНМ АНГЕЛОВ около Варлама Тихоновича. Твердо помню, что до могилы они-то и донесли гроб. Это было в январе 1982 года. И что братьев-писателей за гробом Шаламова не было. Великого писателя мерзлой земли русской московские писатели не хоронили. Я забыл назвать среди ангелов поэта Евгению Самойловну Ласкину. Кажется, она первая, работая завотделом поэзии в журнале «Москва», напечатала стихи Шаламова».

Заканчивает Вл. Леонович стихотворением:

«Мы шли этапом. И не раз,
Колонне крикнув: «Стой!»,
Садиться наземь, в снег и грязь,
Приказывал конвой.
И, равнодушны и немы,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика «Вперед!»...

И раз случился среди нас,
Пригнувшихся опять,
Один, кто выслушал приказ –
И продолжал стоять...».

Эти стихи колымчанки Елены Владимировой (провела в лагерях 18 лет) просятся в хрестоматию, они о той же несгибаемой воле к сопротивлению, о которой одна из лучших повестей Шаламова «Последний бой майора Пугачева», включенная в школьную программу. Как и другие шаламовские рассказы про ЛЮДЕЙ, про тех, кто спасал других и спас самого автора.

Не стоит слишком верить жестоким оценкам Шаламова, выданным им роду людскому. Беспощаден он был к лагерной толпе уже не-людей, доведенных до этого состояния сталинским режимом.

Он выкричал, выстонал свою боль и гнев – сквозь это и надо читать, как сквозь увеличительное стекло, его отчаянные постулаты о человеческом ничтожестве.

Черная книга родины, созданная этой колоссальной личностью, прошита молниями».

И еще одно свидетельство

В год столетия Шаламова, в июне 2007 года, появилась публикация духовного сына отца Александра Меня, поэта Александра Зорина. Он свидетельствовал: *«Его отпевали у Николы в Кузнецах – в Никольской церкви на Новокузнецкой. Давно закончилась литургия, и разошлись священники, а гроба всё ещё не было. Мало ли с чем связана задержка… Шаламов опасный покойник. Могут быть антисоветские выпады, стихийное выражение чувств. Российская власть всегда внедряла своё свинцовое око в погребальный обряд писателей, которых опасалась – от Пушкина до Высоцкого. Но сегодня манифестаций быть не могло: провожающих Варлама Тихоновича в последний путь собралось не много. Горстка почитателей жалась у ворот.*

Среди них ***Евгения Самойловна Ласкина,*** *редактор отдела поэзии столичного журнала, «пробивавшая» его подборки; поэты* ***Владимир Леонович, Вадим Рабинович, Анатолий Сенин…***

Наконец, подкатил катафалк и оттуда выпрыгнул на хрустящий февральский снежок архангелоподобный ***Андрюша Бессмертный****. Гроб поставили на середину храма, и народ сомкнулся вокруг, как смыкается вода в колодце над опущенным ведром. В безмолвном оцепенении прошло ещё минут тридцать.*

«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков…» – начал заупокойную литию ***отец Александр Мень****. Ему прислуживал незнакомый дьякон, обладавший роскошным баритоном. Хора не было (!)*

- *Большинство из пришедших на похороны, народ явно не церковный. Стоявшие спиной к алтарю не расступились, да и не заметили, когда открылись Царские врата. Запрестольный образ «Спасителя, грядущего в славе» так и остался для усопшего закрытым, что противоречит обряду: новопреставленный готовится к встрече с Господом и как бы должен «видеть» Его.*

«Видеть» мешала массивная приземистая фигура литератора, с которым я когда-то дружил и хорошо знал его беспросветную жизнь. Ассиметричное лицо серо-землистого цвета, растерянный взгляд. Кое-кто осенял себя крестным знамением, теплились в кулаках редкие свечечки.

Заколачивать гроб решили на кладбище – кто-нибудь, возможно, поедет проститься туда. Я не уверен, находились ли в храме его родственники? И вообще, есть ли они у него?..

Стихов Шаламова я не помнил наизусть, и спросил знакомого литератора, не захватил ли он книжку его стихотворений? Голос из-за плеча мгновенно предупредил: «покойный не хотел шума на похоронах, чтения стихов». Голос принадлежал вездесущему «доброжелателю», наверняка, из числа тех, кто то же самое говорил на похоронах Пастернака.

Но на тех похоронах народу было несравнимо больше и предупредительных советов не слушались.

В автобусе, по дороге на кладбище, пустили по рукам внутреннюю рецензию издательства «Московский рабочий» на последний сборник его стихотворений. Рецензия положительная, но сборник так и не вышел. И листочек – гневный, обжигающий руки обидой и жалостью. В нём крупно несколько строк о том, что предсмертные дни Шаламов отбывал в психушке, куда его, отрубив от участия близких, засунул Литфонд. Потерявший ум, в параличе, грязный, одинокий, он умер на семьдесят пятом году жизни.

Несколько лет он жил в Доме престарелых. Там его всё-таки опекали верные помощники. Удалось установить дежурство – по средам и пятницам. Больничную пищу он есть отказывался. Боялся, что отравят. Когда друзья принесли ему «Колымские рассказы», его книгу, изданную за границей, он её уже видеть не мог и долго-долго ощупывал руками.

Однажды я заметил человека, переходящего Садовое кольцо на площади Восстания. Человек конвульсивно размахивал руками, ноги его заплетались, голова дёргалась, скособоченная к левому плечу. Казалось, он вот-вот упадёт, и я держался поближе, чтобы успеть его подхватить. Оказалось, что человек идёт туда же, куда и я, в ЦДЛ. В вестибюле надо подняться по ступенькам, я хотел помочь, он гневно обернулся, едва не оттолкнув меня. Тут я узнал его. В этот день он принёс свои стихи в «День поэзии».

Гроб поставили на краю могилы, и после короткой последней молитвы вышла пауза. Наверное, она возникла для того, чтобы мы обратили глаза к небу.

Там, в беззвучной бездне медленный самолёт вычерчивал широкий серебряный крест.

К могиле приблизился старичок, скульптор ***Борис Сучков***, (ошибка: Федот Сучков – С.Ш.) *и, запинаясь, прочитал одно стихотворение Шаламова. «Извините, – сказал он почему-то те же слова, что я слышал в храме – покойный не хотел шума на похоронах и чтения стихов…. Но я выбрал одно…»*

Ещё два человека осмелились прочитать по стишку. Гражданин, мрачный, как Харон, спокойно и по-деловому подносил микрофон к каждому читающему. Судя по аппаратуре и поведению, явно западный репортёр. Те, вездесущие, тоже, наверное, записывали, но тайно.

Могильщики быстро сделали своё дело, и мы помогли им – по горсточке, по комочку… Редкая цепочка провожавших потянулась на дорожку. И вдруг, навстречу колонна военных. Над колонной кумачовый гроб. Мы, ступая по глубокому снегу, прижались к оградам могил. За барашковыми папахами и серыми шинелями шли родственники, потом рота солдат с винтовками, потом духовой оркестр, трудно дышащий, ухающий траурной колотушкой. Мне показалось, что мы стояли вечность, вдавленные в железные прутья. Я поднял голову. Крестообразный след от самолёта уже развеялся».

Так, благодаря Александру Зорину, появилось еще несколько подробностей этих печально-светлых похорон, и нашел подтверждение тот факт, что в отпевании принимал участие отец Александр Мень.

Размышления о смерти

В записной книжке Шаламова за 1961 год встречаются строки, принадлежащие перу Бориса Пастернака:

«Смерть – это тихая жизнь на другом берегу,
Надо доплыть, додышать…
Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье…»

Поэтический диалог длится во времени, задевая новые поколения...

Смерть так же непостижима, как и жизнь... Обе они – великая тайна!

О смерти начинаешь размышлять, когда теряешь близких людей, в том числе и духовно близких собеседников, с которыми твои пути пересеклись однажды в невидимом духовном мире. Как важно достойно прожить собственную жизнь – этот короткий и прекрасный миг на земле. Но, как сказал отец Александр Мень, счастье состоит в том, чтобы достойно умереть…. Есть над чем задуматься в тишине уходящих дней.

А вот еще один взгляд на тайну смерти. Арсений Тарковский убежденно писал:

«На свете смерти нет.
Бессмертны все.
Бессмертно всё.
Не надо бояться смерти
Ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят.
Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти
Нет на этом свете».

Шаламовские строки, посвященные смерти Ахматовой:

«И нужна ли кончина поэту,
Заказных панихид говорок,
Заглушающий выкрики света
От обугленных заживо строк…»

Многие его строки тоже были «заживо обуглены»…

Как правило, человек уходит из жизни, так и не познав себя до конца.

Его способность к проявлению в жизни добра иль зла содержит бесконечное множество ступеней. По условиям жизни человек чаще всего не подвергается наивысшему испытанию на добро. Как оказалось, преступления против человечности, творимые властью в ГУЛАГЕ, на Колыме, часто превосходили преступления нацистов. Там все происходило еще страшнее, еще подлее.

Как мощно и бесстрашно звучит признание Шаламова о жизни:

«Слабеют краски и тона,
Слабеет стих.
И жизнь, что прожита до дна,
Видна, как миг.

И некогда цветить узор,
Держать размер,
Ведь старой проповеди с гор
Велик пример».

Стихи Шаламова возвращаются из небытия и занимают свое особое достойное место в нашей культуре. Они по праву становятся общенациональным достоянием.

О страхах

Главное испытание в течение всей жизни – это испытание нашей совести.

Ее все время испытывают многочисленные страхи – за жизнь близких, за собственную жизнь, за положение в обществе. Страх потерять

работу приводит к подхалимству, страх потерять власть приводит к потере совести и нравственных ориентиров. Страх не присоединиться вовремя к толпе – превращается в потерю собственного лица. Совесть, с которой легко можно договориться, совестью быть перестает.

Звенят невидимые крошечные колокольчики, которые не дают спать нашей совести. Такими «колокольчиками» являются бессмертные строки великих страдальцев-поэтов.

Никогда прежде в истории человек не оказывался перед лицом столь чудовищных физических и нравственных испытаний, как в XX веке. Тем важнее поведать о трагическом опыте осмысления жизни и смерти, запечатленном в документах, биографиях и художественных текстах, рассказать о том, как немногим удавалось выстоять в нечеловеческих условиях и при этом, вопреки обстоятельствам, сохранить человеческое достоинство.

2006 год

Этот год для меня был отмечен возвращением к некоторым прежним темам на новом витке жизни. Я напряженно работала над книгой о Марии Вениаминовне Юдиной и ее окружении. В этом же году я получила в подарок от И.П. Сиротинской огромный, завершающий многолетнюю ее подвижническую работу, том статей и записей, а также неизданных писем Шаламова. (Варлам Шаламов. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. Сост. И.П. Сиротинская. - М.: ЭКСМО, 2004, 1072 с.).

Объемный том впервые столь полно представляет воспоминания, записные книжки, эпистолярное наследие писателя. В эту книгу включены также и материалы трех следственных дел Шаламова 1929, 1937, 1943 годов. Кстати, как ни дико, по делу 29-го года он был реабилитирован только в 2000-м. Юный Шаламов, ему не было и двадцати двух, был впервые осужден как «троцкист» и участник анти-сталинской демонстрации к 10-летию Октября…. В книге представлен, по определению Сиротинской, *«новый литературный жанр*» – донесения осведомителей.

Многие записи Варлама Тихоновича я читала с особым волнением, вспоминая, как мне приходилось разбирать его почерк во время прикосновения к заветным рукописям. Воспоминания задевали во мне какие-то невидимые струны.

В записной книжке за 1968 год Шаламов писал: *«Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе, ибо страшная вещь – толпа».*

В рецензии на это издание отмечалось: «Каждая его строчка была как бы обеспечена талантом много страдавшей и, в сущности, предельно одинокой души. Варлам Шаламов жив. «Новая книга» – весомое тому подтверждение. Увлекательным чтение этой книги не будет. Серьезное чтение. Трудное чтение. Необходимое чтение».

Именно в этом издании я натолкнулась на письмо М.В. Юдиной к В.Т. Шаламову. Так возник мой последний сюжет.

К этому времени я окончила книгу под названием «Служенья узкие врата», над которой работала несколько лет. Это был заключительный цикл, посвященный священникам-новомученикам за веру Христову. В ней я не раз цитирую полюбившиеся шаламовские поэтические строки. Я с нетерпением ждала выхода книги в свет. Она была напечатана при финансовой поддержке харьковской правозащитной группы, возглавляемой Е.Е. Захаровым.

2007 год

В январе я получила приглашение от И.П. Сиротинской принять участие в конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Т. Шаламова.

Первоначально нужно было только подтвердить свое желание присутствовать на этом мероприятии. Лишь несколько позже я поняла, что должна успеть подготовить выступление на конференции. И не просто выступление – нужно сделать «подарок» Варламу Тихоновичу. Ведь 18 июня – 100 лет со дня его рождения. И какой же день рождения без подарка? А что могло быть ему приятным? Что удивило бы его хоть чуть-чуть?

В процессе поиска ответов на эти и другие вопросы возникло желание рассказать о личности Марии Вениаминовны Юдиной. Мне кажется, многое о ней ему было неизвестно.

Приняв решение поехать в Москву, я не могла не взять с собой два этюда о харьковчанах – со-лагерниках Шаламова. Эти работы были значительно расширены, по сравнению с давней моей публикацией 1995 года.

Из хроники: *«18–19 июня Международная конференция, посвященная столетию со дня рождения Варлама Шаламова, прошла в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье». Организовали ее публикатор шаламовского наследия И.П. Сиротинская и историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Московский Мемориал». В ней приняли участие ученые из Вологды, Москвы, Питера, США, Австралии, Польши, Франции, Германии».*

Поездка в Москву или путевые заметки

15 июня, перед самым отъездом, я получила первые десять экземпляров книги «Служенья узкие врата». Для меня это было большой радостью. Закончился большой этап в моей жизни. Я была накануне нового витка.

16 июня, суббота. Спешное окончание работ, которые хочу предложить Ирине Павловне. Успела всё. Три этюда о В. Шаламове. Компакт-диск с книгой о Марии Юдиной. Я спокойна и заторможена. Выдержу ли? Отъезд в Москву. Дорога была бы не очень утомительной, если бы не жара….

17 июня. Воскресение. Встречали Андрей Черняк (с цветами) и Сережа Науменко. Радость тихая. Сбылось! Утреннее застолье. Неопределенность планов в ближайшие дни. Сережа распечатал программу конференции. Мечтаю о поездке в Вологду. Поездка входит в программу.

Я объявлена на 19. 06. первой выступающей на утреннем заседании, причем тема сформулирована, как говорится, «от фонаря». И в этом я сама, конечно, виновата, поскольку в письме к Сиротинской сообщила лишь одно: еду и буду выступать.

Завтра решится вопрос о возможной поездке в Вологду.

К вечеру поехали в Новодевичий монастырь. Увы, служба уже окончилась. Но посидеть в храме было так благодатно. Поклонилась иконам. А рядом с храмом – могила матушки Серафимы Чичаговой, внучки митрополита Серафима Чичагова, завершившего свой земной путь в Бутово.

Был дивный вечер – светлый, не жаркий. На меня смотрели знакомые купола и старые стволы деревьев. Могила Владими-

ра Соловьева и Александра Муравьева (она очень запущена). Кланялась и радовалась, что я там хожу. Но вскоре нас стал выгонять милиционер, мотивируя тем, что заповедник закрывается…. Домой ехать не хотелось. И мы поехали в Кузьминский парк, который неподалеку от дома Черняков. Вообще они живут в очень зеленом районе. Я радовалась каждой березе, а их тут очень много.

Кузьминский парк ухожен, там проводятся выставки цветов. Целые причудливые по цветовой гамме ковры из цветов. Большой пруд, в котором безмятежно плавают утки. На противоположной стороне пруда видна бывшая барская конюшня со скульптурами вздыбленных коней. Красиво! Небо было грозовое, и мы, посидев над водой и подышав прохладой, собрались домой. Дома у Черняков посидели задушевно и долго. С нами был Сережа Науменко. Тепло на душе. Началась гроза. Легли поздно...

О конференции

18 июня. Понедельник. День трудовой.

В 11 утра открытие конференции. Приехали в центр «Русское зарубежье» пораньше, как и просила Ирина Павловна. Она была рассеянна, ее все время отвлекали корреспонденты, а я скована. Она подписала мне свою, только вышедшую из печати книгу «Мой друг Варлам Шаламов». Я была довольна.

В зале народу оказалось меньше, чем предполагали организаторы конференции. Но было много журналистов и иностранцев. Я узнавала некоторые знакомые лица, но их было до обидного мало. Софи и Берютти Мирей из Франции и еще Валерий Есипов, да Татьяна Исаева из Москвы. Мелькнуло лицо Марка Кораллова.

Исаева почему-то была не разговорчива и мало приветлива. Я этого не ожидала. Ведь одно время мы с ней даже переписывались. Именно ей я обязана своей поездкой в Иваново в 1995 году. Почему она повела себя так – трудно сказать.

Мне стало известно, что недавно трагически погибла Марина Воронó – музейный работник из Вологды, которая делала первую экспозицию о Шаламове. От этого известия на душе было печально.

О Марине Николаевне Воронó
(20.09.1954–26.12.2005)

Из некролога: *«Марина Николаевна Воронó родилась 20 сентября 1954 года в Вологде. В 1975 году с отличием закончила Ленинградский библиотечный техникум, с 1977 по 1984 год училась на заочном отделении факультета теории и истории изобразительного искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Работала в Вологодской областной картинной галерее с 1974 года: была заведующей научной библиотекой галереи, возглавляла отдел учета и хранения фондов, с 1990 года руководила отделом русского и западноевропейского искусства ВОКГ. Под ее непосредственным началом была подготовлена и открыта в 1988 году постоянная экспозиция русского и западноевропейского искусства XVII - начала XX века в Шаламовском доме.*

М.Н. Воронó проводила целенаправленную научную работу по изучению и пропаганде творчества вологодских художников, специально занималась творческими проблемами мастеров декоративно-прикладного искусства Вологодской области.

Награждена знаком отличия Министерства культуры Российской Федерации «За достижения в культуре» в 2000 году, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству за 1998 год. Трагически погибла в Вологде 26 декабря 2005 года».

Ее проекты, связанные с увековечиванием памяти Шаламова:

- 1990 год – изучение жизни и творчества писателя В.Т. Шаламова, открытие мемориальной доски писателя на фасаде здания Шаламовского дома.
- 1991 год – открытие Мемориального музея писателя В.Т. Шаламова в Шаламовском доме ВОКГ.
- 1997 год – участие в организации межмузейной художественно-исторической выставки «Ответственность за память», посвященной 90-летию со дня рождения В.Т. Шаламова.
- 2001 год – организация художественно-исторической выставки «В плену у времени», посвященной 95-летию со дня рождения В.Т. Шаламова.

• Варлам Шаламов. Буклет. Вологда, 2002**.** Составитель буклета: М.Н. Воронó.

Принимая участие и в ряде других художественных проектов, она всегда находила время, чтобы продолжать начатое дело, связанное с памятью о Варламе Тихоновиче.

Спустя год ее коллега Воропанов написал о ней теплые проникновенные слова: *«Ровно год прошел с того дня, как мы простились с талантливым искусствоведом и музейщиком, милой и обаятельной женщиной Мариной Николаевной Воронó. Как говорится, пора подводить итоги. Так много хочется сказать и вспомнить о тех трех десятках лет, которые были не просто проведены, а буквально прожиты в стенах областной картинной галереи нами вместе: душа в душу, рука об руку, плечо к плечу....*

Так случилось, что именно она брала на свои хрупкие плечи самые трудные и многодельные научно-творческие проекты картинной галереи.

Особенно, когда нужно было решать нестандартные, порой просто невероятные и даже невообразимые проблемы и задачи межличностного и межмузейного общения.

Именно так, на грани нервного напряжения, а иногда и попросту с риском для жизни при тяжелейших переездах, переговорах и монтировках произведений приходилось готовить и строить такие сложнейшие экспозиции, как «Морская слава России», «Россия поднимает паруса», «Возрожденные шедевры Русского Севера», «Художественные сокровища Вологодской земли», «Петербург Анны Ахматовой», «Образ Святителя Николая Чудотворца в изобразительном искусстве».

Марину Воронó любят и помнят. И не только за написанные статьи и сделанные вовремя выставки, а за особый взгляд, за искреннее участие и милое обаяние, за редкую по доверительности интонацию голоса, за верность в дружбе. Это тоже дорогого стоит. Все, не сговариваясь, отмечают, что она была светлым человеком и несла людям только добро.

Просматривая сегодня список ее научных публикаций, можно только сожалеть о том, что не все оформилось, не все свершилось. Наша общая беда состоит в том, что мы не можем создать талантливому человеку те необходимые условия, при которых он бы только творил, созидал, а не боролся за выживание и не преодо-

левал постоянные трудности самого разного толка. А ей так всегда хотелось быть здоровой, красивой, нарядной и счастливой...

Такие люди, как Марина Воронó, приходят в нашу жизнь всего лишь раз. У нее было легкое дыхание, и она сгорела на огне непростого современного бытия прямо, как свеча. Но после нее осталась добрая память. Ее отношение к избранному музейному делу - деятельный и взыскующий пример для тех, кто идет сегодня по ее следу и будет дальше развивать лучшие традиции подвижников культуры в стенах картинной галереи».

Для меня лично встречи с ней остались навсегда памятными в моей душе. Как сияли ее глаза, когда она показывала обновленную экспозицию, посвященную Шаламову. Чувствовалось, что буквально каждый экспонат дорог ей.

Она живо интересовалась историей религии и наследием отца Александра Меня, в частности. И я помню, что успела после 1994 года переслать ей его 6-титомник.

Я помню ее обаятельную, почти детскую улыбку, когда перед отъездом в дождь я пришла в музей попрощаться и показать, что я купила в магазине галоши в виде лаковых лодочек. Как она улыбалась и хвалила меня за находчивость. Я помню, как однажды в сентябре, когда я приехала на день памяти отца Александра, мы с ней поговорили по телефону в Москве, куда она привезла на консультацию больную дочь.

Встреч было немного, но это нисколько не снижает значения ее в моей внутренней жизни. Она была хрупкой, но очень мужественной. К сожалению, я так и не знаю обстоятельств ее гибели, но меня не покидает чувство сопричастности к этой судьбе.

Она воистину была светлым и лучезарным человеком.

Я представляю себе, как бы она радовалась всем, кто приехал на 100-летие Варлама Тихоновича.

Первые впечатления от конференции

После кратких официальных приветствий начались доклады.

На сцене стоял большой портрет Варлама Тихоновича, и он смотрел в зал пристально и заинтересованно. Меня не покидало ощущение его присутствия и слегка ироничного отношения ко всем, кто был в зале.

И.П. Сиротинская говорила непринужденно и была лаконична. Ее признания о Варламе Тихоновиче прозвучали как-то камерно, и это было хорошо.

После нее выступила Е. Волкова. Она говорила долго, очень наукообразно и нудно. Не ожидала я от нее такого выступления. Ее публикации в журналах намного интересней. Она с палочкой и, кажется старше меня. Она - заслуженный профессор МГУ. Может быть, поэтому ее выступление было так «занаучено».

Самое яркое впечатление от утреннего заседания у меня было от выступления Григория Соломоновича Померанца. Он говорил так, что каждое его слово отзывалось в душе:

«Творчество Шаламова – один из ответов на вопрос, чем может быть искусство после Аушвица, Воркуты, Колымы?

Ответ этот не изгладится ни из истории русской литературы, ни из мировой истории. Это свидетельство, которое до сих пор не до конца прочтено, свидетельство, адресованное каждому человеку на земле, на одном уровне с книгой «Ночь» – об Аушвице (Освенциме).

И, прежде всего – каждому гражданину России, не лишенному гордости и стыда за свою родину. Ибо патриотизм – это единство гордости и стыда.

Гордость нашей страны – неслыханное напряжение сил народа, выдержавшего на своих плечах тяжесть четырех лет войны.

И стыд – то, что почти все население страны закрывало глаза на аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей, на разрушения, вызванные террором в гражданском и военном управлении, – и послушно повторяло сказки о врагах народа.

Стыд нашей страны, что она поверила в Сталина, чуть не впустившего немцев в Москву, как в архитектора победы, поверила со страху, боясь подумать, сопоставить факты, поверила в чудовище, питавшееся ароматом человеческих страданий, поверила, как в Бога, обожествила одно из самых полных и подлых воплощений дьявольского в человеческом образе.

И до сих пор половина народа считает, что победа все оправдала, победа все списала и нам нужен новый Сталин.

Стыд, великий стыд и великий грех.

Стыд, что мы не учимся на опыте немцев, не хотим вдуматься в процесс нравственного возрождения Германии, начав-

шегося с методического разрушения авторитета Гитлера, с настойчивого, многолетнего, ежедневного и еженедельного рассказа о гитлеровских зверствах и переключения немецкой гордости с военных побед на радость от простого доброго дела. Стыд, что дьявольский соблазн не разрушается в школах, с первого до последнего класса.

… Сталин и его соучастники мертвы, но пока мы сами миримся с тенью Сталина, с величием его подлости, коварства и массовых убийств, наша страна остается нравственно больной и экономически неустойчивой, лишенной доверия к партнеру в хозяйственных соглашениях, страной, где вор у вора дубинку крадет…»

Г.С. Померанц закончил свое выступление словами:

«Но Бог осудил не Иова, а его друзей, не сумевших разделить муку Иова, и по Писанию возложивших на Бога ответственность за каждый волос, упавший с человеческой головы. Именно это богословие встало стеной между Шаламовым и Богом; богословие, которое после Освенцима и Колымы обязано было измениться. Между отрицанием богословия и утверждением культуры (где неизбежно всплывали библейские и евангельские образы) возникло поле напряжения, и какие-то огоньки веры могли там вспыхивать. Вспыхивать и гаснуть. Ибо маленький огонь ветер гасит, и только большой огонь раздувает. А колымский лагерь смерти задувал почти все огни.

Шаламов чувствовал Божий след в кусте стланика, поднявшемся к свету, но не мог найти его в оборотнях, называемых людьми, в существах без человеческого сердца, охотно, со вкусом топтавших «врагов народа», отданных им на расправу. Их он ненавидит, им он не прощает.

Я немного знал Шаламова в жизни, помню его облик, не очень похожий на артистов, но шапочное знакомство не дало мне никакого знания его внутренней жизни».

* * *

Заинтересовали меня по сути выступления двух исследователей из Штатов. Они оба русские. Одного зовут Валерий Васильевич Петраченков**.** Говорил интересно, и мысли были глубокие. Тема и ее раскрытие было убедительным и ярким. Слушая, я наслаждалась спресованностью, выразительностью и образностью его мыслей.

Выступление Мирей Берютти с рассказом о своей книге было эмоциональным. Она показала экземпляр книги, которую она создавала столько лет. Поразительна ее настойчивость и увлеченность. Это впечатляло. Она молодец! Присутствовала и переводчица с французского Софи Бенеш, но она не выступала.

Потом выступил Михаил Швыдкой, и он сказал веско и неплохо о памяти и забвении.

После перерыва очень темпераментно выступил скульптор из Перми Рудольф Веденеев. Яркий человек! Он показывал слайды, связанные с пребыванием Шаламова в лагере на пермской земле.

Но общее впечатление от выступлений было не столь ярким, как некогда в Вологде. Там все было одухотворенней. В Москве же атмосфера не та.

Мои надежды поехать в Вологду, конечно, не оправдались. Организаторы билетами не обеспечивали. Я была огорчена...

Пестрые впечатления. Суетное окончание долго дня….

* * *

19 июня, вторник.

Раннее утро. В 8 утра мы уже были у здания «Русское зарубежье», где нас ждал автобус, чтобы ехать на панихиду на Старокунцевское кладбище. По дороге я вглядывалась в лица. Нас было не так уж много. Больше всего мне понравился Петраченков. Я ему подарила свою книгу, а он мне – оттиск своей статьи в «Новом журнале», который выходит в Штатах. Он пообещал дать рецензию на мою книгу в этом журнале. Хотелось бы, но как Бог даст…

Бронзовая скульптура с Троекуровского кладбища была украдена и, вероятно, сдана в металлолом как цветной металл. Но благодаря сохранившейся деревянной копии портрета, которую Сучков передал перед смертью в вологодский музей, стало возможным восстановить памятник. Восстановление надгробия осуществлялось по инициативе земляков и московской творческой интеллигенции. Новый памятник, как мне сообщил кто-то на кладбище, был отлит безвозмездно металлургами на «Северстали» при помощи череповецкого скульптора А. Контарева.

Панихиду служил отец Петр Коломийцев**,** которого хорошо знает Карина Черняк, и который вместе с ней был в Польше. Он служил

ответственно, с благоговением, а под конец хотел сказать несколько слов от себя и… расплакался. Это вызвало у меня такую теплую волну благодарности…. Когда мы сели в автобус, я протянула ему свою книгу. Мы разговорились. У нас обнаружилось немало общих знакомых…. Он даже успел сказать, что ему 48 лет, у него двое детей и двое внуков…

На кладбище было грустно и не хватало тишины. Очень мешало поведение критика Владимира Глоцера. Похожий на образцовскую куклу, он вел себя просто неприлично: говорил громко и всячески хотел обратить на себя внимание. Типичная демонстративная личность…. Это так мешало мне воспринимать все, что видела на кладбище. Когда все уже ушли, я встала на колени перед памятником Варламу Тихоновичу и горько заплакала…. Мы задержались из-за того, что ждали всех, чтобы никто не заблудился, и приехали в библиотеку «Русское зарубежье» со значительным опозданием. Спешно перекусили и зашли в зал. Нельзя сказать, что присутствующих было больше, чем в первый день. И вот сразу же объявили мое выступление.

О своем выступлении

Я была напряжена, т.к. до последнего момента не решила, о чем же буду говорить: о Юдиной или о харьковчанах? О харьковчанах или о Юдиной? В растерянности я посмотрела на лицо Варлама Тихоновича и сразу пришло решение: конечно же, только о Юдиной! Я жутко волновалась. Стоять было трудно, перед глазами все расплывалось…. И все-таки выстояла не менее 15 минут, как, сама не знаю.

В зале я увидела духовную дочь отца Александра Меня – мою мудрую Соню Рукову. Вот это было радостью и духовной поддержкой для меня! Она всегда озарена добротой и любовью.

Даже не помню, как начала выступление, кажется, сказала, что присутствующие - первые слушатели заключительной части цикла моих работ о В.Т. Шаламове.

Говорила сравнительно недолго, как потом оказалось, всего 16 минут (на выступления по регламенту отводилось по 10 минут!), но никто меня не подгонял - подгоняла я себя сама. Это было ужасно! Дрожали руки, дрожал голос. И ноги были деревянные.

Потом наступило облегчение. Сбылось!

Когда, я наконец-то села, на меня молча смотрел Варлам Тихонович. Я была довольна, что рассказала ему о Юдиной…

Потом был перерыв, и какие-то люди подходили и благодарили за выступление, подошел и Петраченков, сказав, что он знал ученика Юдиной, и ему было очень интересно мое выступление. Мне показалось, что я нашла родственную душу.

* * *

Из последующих выступлений более всего мне понравилось выступление учительницы из Оймякона (полюс холода -70 градусов мороза и 9 месяцев зимы…). Дорога построена на костях людей. Она показывала слайды. Поразило лицо якута – почтальона, который помнит Варлама Тихоновича. Она говорила о том, что якуты испытывают к В. Шаламову глубокое почтение. Оно передается от поколения к поколению. Деньги на дорогу дали две артели золотарей.

Потом звучали песни на стихи Варлама Шаламова. Исполнение было талантливо, и голос исполнительницы звучал задушевно.

Потом еще одна якутка прочитала поэтический Реквием собственного сочинения, посвященный памяти Шаламова. Очень хороший, проникновенный текст.

В следующем перерыве снова подходили люди и говорили добрые слова в мой адрес. Запомнилась только женщина по имени Лена из Центра Сахарова.

* * *

Потом выступил Глоцер, и не помню как, но зацепил и меня тем, что назвал Юдину «юродивой», вспомнив, что на концертах она говорила о том, что деньги за билеты отдаст страждущим и больным (!). Он говорил об этом, как о каком-то как «криминале». Было противно на душе от этой гнусности. Потом затронул вопрос о религиозности В. Шаламова и, резко ее отрицая, стал критиковать зарубежных исследователей.

Я вдруг поняла, как выглядят люди, в которых силен бес…. Прежде всего бес тщеславия… Было очень неприятно….

Поговорить со скульптором из Перми не удалось, т.к. его все время одолевали какие-то люди. Я только наблюдала со стороны за его лицом.

Заключительная часть конференции почему-то была скомкана. Начались благодарные выступления в адрес устроителей и организаторов. Выяснилось, что члены семьи И.П. Сиротинской – сын, внук и невестка помогали официантам накрывать шведский стол и кормить нас (!)

Очень хорошо говорила женщина – представитель московского «Мемориала».

Не могу сказать, что на душе было спокойно. Не было удовлетворения от своего выступления. Скорее – какая-то опустошенность. Было досадно, что я свое выступление скомкала.

* * *

Вечер был поздний. Как он прошел – уже не помню. Смотрели по каналу «Культура» передачу «Острова», посвященную Варламу Тихоновичу. Неплохо скомпонован материал и разные документы. В своем интервью Сиротинская говорила непринужденно и просто.

Остаток вечера прошел с Черняками. Я с нетерпением ожидала приход на завтра Сони. Мне нужно было узнать ее мнение о выступлении и моей теме.

Вечером читала статью «Уроки Шаламова», которую мне подарил Петраченков. Она поразила меня своей глубиной и отточенностью мыслей. Афористичность и парадоксальность. Аналитичность мышления. Я перечитала ее несколько раз.

Приведу несколько фрагментов из статьи В. Петроченкова:

- *Шаламов и Платонов – люди знания. Сведения их точны и беспощадны. Словоблудие им отвратительно. Благодушие – тем более. Платонов из котлована устремляет взоры в вечность. У Шаламова, в его котловане, этой надежды не было. Жизнь окончательна и, как приговор, отмене не подлежит. И, тем не менее, Шаламов живет надеждой и доживает до нее. Его хождение по мукам не бесплодно. Литература ничему не учит – запоминаются его слова. Но еще ярче запоминаются его уроки.*
- *Для него проблема Бога настолько серьезна, что можно говорить о теодицее Шаламова. А уж знания православного богослужения, богослужебной и святоотеческой литературы, Евангелия и Библии ему было не занимать.*
- *В переписке с Пастернаком по поводу «Доктора Живаго» голос его звучит уверенно и строго, так и хочется сказать – по-*

пастырски. Пока голословно, а затем и анализом подтвердив, смею утверждать: сакральным текстом обусловлена несакральная проза Шаламова.

- *Шаламов был прав, срываясь на аксиомы. Библейский строй речи – единственный камертон его прозы. В стихах он себе этого не позволил. Он бинтовал раны стихами, глотал их, как проглатывают гематоген и рыбий жир. Благодаря стихам он выжил. Благодаря прозе он умер. Он просто вытеснил себя ею. И тем самым спас и ее, и себя.*
- *... он из колена Аввакумова. И дорожка эта прямая, как ни у кого прежде. В сторону уводит сдержанная интонация, отсутствие вкуса к поучению напрямую. Да и самого Аввакума мы все больше воспринимаем на слух и зрительно. Затаенное же в нем, а суть именно там, ускользает. Но мысленно поставив рядом двух «протопопов» – Аввакума и Тихона (отца Шаламова) – не найдем меж ними мира, спор их неминуем. И в споре этом Варлам Тихонович на стороне Аввакума.*
- *Осторожный Лихачев говорил о смене генофонда нации. Неосторожный Шаламов показал, как это происходило. Мало того: он еще успел сделать выводы. Выводы его неутешительны, но к ним стоит прислушаться, ибо выдавливать из себя раба советской системы придется многим поколениям, а возвращать нации ее лицо – еще большему их числу. Композиция рассказов Шаламова и своеобразна, и нова. Их своеобычная повествовательная форма опосредствована композицией и работает на нее предельно эффективно.*
- *Шаламов – единственный из писателей, коснувшихся лагерной темы, вне зависимости от того, о каких лагерях идет речь, кто полностью отказался строить повествование по логическим законам свободного мира. Все писавшие до и после него озабочены тем, чтобы не выйти за пределы восприятия свободного человека. Им приходится оперировать устоявшимися, легко проникающими в сознание категориями, а если и смещать их, то всегда снабжая целой системой оговорок.*
- *Шаламов раз и навсегда отказался от приемов комфортного чтения. И отказавшись, он тем самым возвысил читателя, поднял его до себя, сделал его товарищем по несчастью. То, что сказано самим писателем, – итог его размышлений. Каждое*

высказывание законченно в той мере, в какой закончен временной отрезок, отпущенный ему. Это высказывание может быть подхвачено писателем, расширено, отвергнуто, отложено в сторону. Новый день может принести и новое, и нечто, напоминающее сказанное прежде, с новыми доказательствами, с иным рисунком развития мысли. Шаламов подводит итог своей жизни, разбирается в самом себе, а, следовательно, в мире, сложившем его. В этой работе он волен, здесь он – хозяин-барин и ничему, и никому не подотчетен. В каждом его слове – законченность, окончательность, завершенность.

Очень многое мне созвучно в размышлениях В. Петроченкова, звучащих как постулаты.

* * *

Каким долгим, трудным и наполненным оказался этот день. Сколько он вместил в себя самых разных впечатлений и настроений.

Обрывки отдельных мыслей и слов, поразивших меня, и которые я успела занести в блокнот:

Михаил Швыдкой: Мы жили в эпоху беспамятства, и лекарство от него – проза Шаламова.

Елена Васильевна Волкова – автор первой книги о Шаламове.

- *«В прозе Шаламова слышна анти-риторика и видна разная организация текста. Интересна сфера аналогий и сравнений, например, – «раненное тело лиственницы».*

Поражает трагико-драматическое повествование и сентиментальные включения…»

- Была поднята проблема сочетания документа с категорией «невыразимого».

Создание отпечатка, т.е. следа как *«протеза памяти».*

- У Шаламова есть потаенный уровень текста и подтверждение следа – сам текст…
- Колыма – это карцер России».

* * *

Григорий Соломонович Померанц:

- *«Свое выступление я бы назвал «дневник зэка». Я испытываю гордость и стыд за родину. Стыд за веру в Сталина, (это чудовище, это воплощение дьявола). Стыд и грех! Великий грех дьявольского сознания…*
- *Люди были орудиями сталинского режима. Пропагандировалось «черное слово» воров и преступников.*
- *Передо мной встают ожившие тени старых лагерников…*
- *В лагере духовная смерть человека опережала физическую.*
- *… существует скрытый ритм в жанре свидетельства. Шаламов чувствовал Божий след, но отрицал оборотней…*
- *В его рассказах – ожившая память могилам неизвестных зэка.*
- *Слабую веру лагерь гасил…*
- *Шаламов в рассказах выступает как пророк.*

И его устами Бог зовет нас к очищению, к освобождению от грязи, залившей страну. Мы не освободимся от мерзости, если не возненавидим ее. Христос прощал грешников, не ведающих, что творят, но к мерзости у Него был не мир, но меч».

* * *

Юрий Друми (США).

Его тема неожиданна: 10 заповедей и «Колымские рассказы»:

- *«Гнусная наука зла пропагандировалась кругом и попиралась 3-я заповедь. Шла смена религиозной парадигмы, смена богов и идолов. Мат - есть словарь сатаны.*
- *4-я заповедь – есть отражение в памяти симптомов человечности.*
- *5-я заповедь: почитай отца и мать. Неосмысленное шло отречение детей от родителей…. Кровное родство государство присвоило себе. Отрицались родственные узы и связи…*
- *6-я заповедь: Не убий! Колымские рассказы раскрывают хронику убийств, и это таит в себе зловещие краски. Вскрывается жуткая культура смерти*!
- *7-я заповедь. Это святое «вогнутое зеркало лагеря».*

- *8-я заповедь: Не кради! Раскрывается склонность человека к краже. Мистическое начало русского человека, склонность к воровству.*
- *9-я заповедь. О свидетельстве лжи: стукачество раскрывается широко. Показана философия лже-истин.*
- *10-я заповедь – указывает мотивы поступков.*
- Фиксация смерти и богоотступничество.

* * *

Мирей Берютти (Франция) – представила свою книгу о В. Шаламове. Одна из глав называется *«Из небытия в бытие» (!)* Она говорила о «раке равнодушия» к В.Т. Шаламову. Рассматривала философию его жизни, называла его свидетелем, пророком и художником.

Она рассматривала генеалогическую тайну творчества.

Хорошо и глубоко!

Валерий Петроченков (США).

Тема необычная – «христология В. Шаламова».

- *«Его проза – пример уникальный. В рассказах есть религиозное представление бытия человека.*
- *Его жизненная позиция – не богоборчество, но и не атеизм.*
- *Его духовный опыт переплавился в творческое начало и дал отсвет пламени.*
- *Он не принимал церковь как государственное устройство».*

Это было очень глубокое выступление…

Франциска (Германия).

Поднимала вопросы общеевропейской памяти, об этике правды и этике смысла в «Колымских рассказах» на немецком языке.

Говорила об общечеловеческой значимости личного духовного опыта Варлама Тихоновича.

Альфред (Швейцария).

Лагерь – это «иной мир» и требует интер-текстуального подхода. Он высказал необычный взгляд на «Колымские рассказы».

Лариса Жаравина (Россия)

Она говорила о литературной параллели между именами В.Шаламова и И. Шмелева. Необычное сочетание имен!

Оба – создатели интер-текста. Над обоими висел дамоклов меч запрета произведений.

Шмелев создал в 1923 году «Солнце мертвых», где есть признание: «боль во мне выла»….

Возникает ощущение, что их проза находится вне времени.

Интересен образ руки. Пишущая рука – свидетель зла и добра (это образ из Ветхого Завета).

У них есть общность образов. Из глубины текста рождаются звенья цепи событийной!

У обоих описано оскудение в человеке любви… есть и религиозная проекция на события.

У Шмелева – меморандум Богу – «Бога не может не быть…».

* * *

В. Есипов: Шаламов – продолжатель традиций Достоевского.

Проблема человека в России.

Пророческий дар у обоих.

Есть точки общего и точки отталкивания.

Есть «аввакумова страстность».

Символом двух эпох было духовное сознание вне-религиозного христианства.

У Достоевского было сознание высокой значимости страдания Христа.

Проблема человека и у Достоевского, и у Шаламова шла через Голгофу….

Мысли о судьбе России – у В. Шаламова и у Достоевского.

Между XX и XIX веком – лежит историческая пропасть.

Скульптор Рудольф Веденеев (Пермь).

Какой яркий человек!

Соликамск – город пересылки зэка́.

Была установлена мемориальная доска без участия городских властей.

В городе снова стоит фигура Дзержинского (?!)

Он создал проект XX век – силы ветра.

Художественные достоинства его скульптурного портрета Варлама Тихоновича в бронзе неоспоримы.

Коновалова (Музей в Вологде). Художники о Шаламове.
Самые значительные работы – Федот Сучков и Борис Биргер.

Боярова Мария. Оймякон. Якутия.
Просто и сердечно говорила эта женщина:
«Мой край, воспетый музой страдания и любви».
С 1992 года в селе Томтор создан музей о зэках, погибших в Якутии. Трасса построена на костях заключенных. Слайды впечатляют. Две артели золотоискателей оплатили проезд - 52 тысячи рублей. В Оймяконе Варлам Тихонович жил на поселении и писал Борису Пастернаку. Фото старого якута – почтальона…. Жителей 900 человек. Полюс холода. -70 градусов мороза.
Якуты приняли и поняли его боль. Звучало стихотворение-реквием узникам:
«Тихая память и эхо звучит – …они приходят к нам в гости…. Наша дорога – это их бесчисленные сияют кости…»
Это выступление памятно моему сердцу…

Елена Попова (бард).
Исполняла песни на стихи Варлама Тихоновича.
Хорошо и чисто! Превосходный тембр голоса! Я не представляла, что стихи Варлама Тихоновича могут петься….

Шевченко Михаил Данилович – профессор философии.
У него есть книга – «Религиозная доминанта в формировании личности». Он был в полемике с Вл. Глоцером, который отстаивал атеизм Шаламова.

Жемкова Елена Борисовна (московский «Мемориал»).
Соболева Ирина Алексеевна – внучка Прокопия Шаламова, погибшего в ГУЛАГЕ.
Надеждина Алексина – очевидец жизни на Колыме. С 1949 года жила в поселке Ягодном. Сохранила веру и доброту в душе.

Татьяна Ивановна Исаева – внучка Воронского по материнской линии.
Ее выступление против Николая Досталя и его фильма «Завещание Ленина» было резким и агрессивным.

Общее впечатление от конференции – не было никакой казенщины и официоза. И это хорошо!

Из интервью И.П. Сиротинской газете «Московский комсомолец»:

«…была бронзовая скульптура. Это Федот Федотович Сучков делал. Варлам очень хорошо к нему относился. Свой первый гонорар за наследие Шаламова я истратила на это, я заплатила. Теперь же это ценный металл. Оказалось, пропала голова у памятника…. Она была еще винтами прикручена к гранитному камню. Я расстроилась…. Жалко: бронза делает лицо тоньше, чем чугун. Хорошо, что еще при жизни Федот Федотовича осталась гипсовая голова, с которой он делал бронзовую. Гипсовую голову мы отвезли в Вологду. Я собрала подписи Чухонцева, Ахмадулиной, Искандера…. И написала директору Череповецкого завода. Они сделали новую голову и сами привезли сюда. Голова была ничего, даже с таким серебристым оттенком. Некто полюбопытствовал, что под серебром, поскреб сзади: а вдруг мы, как дураки, второй раз из бронзы сделали? И покрасили? Пришлось нам купить черную краску и покрасить…»

После конференции

20 июня. Среда.

Соня Рукова пришла ровно в час дня, как и обещала, и было три часа радости общения с ней. Боже, как хорошо, что мы с ней увиделись и наговорились.

Ее характеристика моего выступления была веской и глубокой, но моя память оказалась слаба, чтобы пересказать все ее слова. Я запомнила следующее:

- *Твой текст – это «хлеб с медом», но ты его не дала пережить…*
- *Твои слова о Юдиной полностью совпадают со словами отца Александра, которые он говорил мне наедине, и их никто не знал… (Это самая высшая оценка, что прозвучала для меня).*
- *Соня слушала меня, и в то же время обращалась к отцу Александру, как к живому, с вопросом: – Вы слышите?*
- *По ее признанию она была очень взволнованна и темой, и самим текстом.*

- *Она говорила о моем неуважении и недостоинстве к себе и к именам, о которых шла речь, из-за ненужной спешки и скомканности в конце. «Хотелось слушать еще», - сказала она.*
- *Ей показалось, что у меня глубокий подход к самим личностям, а их имена уже говорят сами за себя.*
- *Она сказала, что отец Александр отпевал Варлама Тихоновича(!) Для меня это было неожиданно и ново. А позже появилась статья Алика Зорина, где он упоминает о том же самом.*
- *Ей было мало в моем тексте прочитанных мной стихов Шаламова. На ее взгляд, их должно быть больше. Она попросила прислать ей текст моего выступления.*

Все ее слова отзывались в моей душе по-особому.

Мы расстались с ней в полной уверенности, что встретимся еще раз…

Отклики на конференцию

«Проза Шаламова вводит слепца в храм».
Анатолий Королев, обозреватель РИА Новости. (21.06.2007. 12:33. www.rian.ru).

Этот отклик противоречив, но интересен, и потому считаю необходимым вплести его в единую канву моих воспоминаний, как своеобразное отражение личности Шаламова в сознании рядового журналиста. Приведу несколько отрывков.

- *«Столетний юбилей писателя Шаламова (1907–1982) поставил перед участниками Международной конференции в Москве нелёгкий вопрос. Раз Шаламов пришел к глубокому убеждению, что писательство, как форма существования искусства невозможна и аморальна, раз роман это преступление против совести, раз великая русская литература виновна в том, что в XX веке Россия попала под иго большевизма и стала жертвой исключительного террора, то по каким критериям оценивать его собственное творчество?*

Ведь отрицая литературу, он все же написал свои знаменитые «Колымские рассказы», обозначив свой труд как некую «антилитературу», а жанр романа «Вишера» обозначил как «антироман».

• *Разобраться в этом феномене, и попытались философы, литературоведы и критики, которые накануне столетия Шаламова собрались в Москве, в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» из Европы, США и даже из Австралии.*

• *Организатор конференции, публикатор творческого наследия Шаламова и его друг Ирина Сиротинская в своем слове о Шаламове подчеркнула особую поведенческую природу писателя, который дошел в своем максимализме до самого края. Он, например, даже не признал факт своего освобождения реальным событием. Он продолжал осознанно жить как зек, подчеркивая, что нет никакой разницы в СССР, жить в зоне или в Москве.*

• *Например, он обучал Сиротинскую приемам лагерной каторги, учил, как правильно толкать тачку на земляных работах. Он был уверен, что этот опыт в советском отечестве нужен всем, тем более женщине, иначе не выжить.*

• *Это этическое упрямство Шаламова отмечал раньше и другой писатель, который тоже сидел,* ***Олег Волков:*** *«В комнате коммунальной московской квартиры Шаламов выглядел зеком, привыкшим к алюминиевой кружке и миске, нарезанным на столе ломтям хлеба, который он ел, держа кусок в одной руке, а другую, подставляя горстью, чтобы не ронять крошек. В комнате было голо, хозяин не хотел заботиться о комфорте, чай разливал в кружки, сахар доставал из кулька. Неприхотливая меблировка – деревянная кровать, аккуратно застеленная, стол и тройка стульев составляли все убранство комнаты. На единственном столе, за которым мы чаевничали, стояла сверкающая чистотой новенькая пишущая машинка».*

• *Но прошлое бывший зек понимал как беспросветное абсолютное зло, в котором не было ни грана хорошего. Отмечая эту особенность писателя, гость конференции, руководитель ФАКК* ***Михаил Швыдкой****, акцентировал вопрос на «светлом прошлом». Что же все-таки надо помнить? Выбирать ли в памяти только лучшее, юное, солнечное, или все-таки помнить всё. Помнить, как бы это ни было больно? Шаламов и тут доходил до крайности. Он предлагал помнить только плохое, а хорошее наоборот забывать, иначе лагерь можно высветлить, а зло приуменьшить.*

• *В этой детали, как в капле воды виден метод Шаламова: не описывать, не творить, не подыскивать образы и детали, не ис-*

кать выразительный слог, а наоборот свести участие творчества к минимуму, не писать, а давать показания перед Судом вечности, отвечать читателю языком протокола допросов, сухо и страшно, кратко и скупо.

- *В своем докладе о творческом методе писателя французский прозаик и переводчица* ***Люба Юргенсон (Urgenson)*** *продемонстрировала высокому собранию, какими удивительными приемами оперировал Шаламов. Например, избегая малейшей литературности, он описывает не действие, а ситуацию. У рассказа нет ни традиционного начала, ни развязки, ни тем более нравственной высшей точки переживания, катарсиса. Только перечень состояний. Этот метод фиксаций можно сравнить, пожалуй, с отдачей дактилоскопических отпечатков пальцев, где истина в степени идентичности, где важно не то, что ты написал, а то, что написанное принадлежит только тебе одному и ты готов понести ответственность за то, что высказал на бумаге вплоть до расстрела. Рука писателя отморожена и не чувствует боли (красоты). Катарсис как цель искусства отвергнута.*

- ***Мощно прозвучало в зале конференции слово философа Григория Померанца****. Главной темой он выбрал вопрос о тотальной люмпенизации современного общества, победу языка и идеологии блатных. Блатной мир был кристаллизован в лагерях и стал особой системой ценностных ориентиров. Государством в государстве. На его взгляд, блатные пустили мощные корни в российской жизни, и это расплата за сталинские преступления, закономерное эхо террора.*

- ***Но лично для меня настоящим открытием стало выступление филолога Валерия Петроченкова из США****. Он говорил об отношениях между Шаламовым отцом и сыном. Отец Шаламова – Тихон был священником, миссионером, известной фигурой русского общества, однако его сын не стал верующим. Почему? Оказывается потому, что отец был не столько священником, сколько прогрессистом, он подчеркивал важность религии и церкви не в жизни души, а в жизни общества. Отец напирал на терапевтический эффект религии. Бог был на втором месте после воспитания масс. Кроме того, отец модничал своей позицией. Это оттолкнуло Шаламова от веры, и привело к угрюмому отрицанию отца. Он никогда не простил ему этого парадоксального дарвинизма от Христа, даже возненавидел*

отца, хотя тот в конце жизни ослеп и мальчик водил слепца за руку в храм. Вот, на мой взгляд, где корень отношения Шаламова к русской литературе: он не простил нашим классиком азарта социальной терапии, увлечения проповедью, культом образцового Христа (как ступеньки к культу великого Сталина).

- *Под гневные крики пророков и удары бича, с точки зрения Шаламова, русский народ отогнали от водопоя (крестьянской общины), и как стадо загнали в зимние лагеря на перековку. Вывод Шаламова беспощаден – нельзя писать, так как писали прежде, нельзя уповать на искусство как на средство очищения души, этот путь ложный. История Гулага доказала неправоту Аристотеля, катарсис – не очищает, вслед за Дидро Шаламов усомнился в том, что искусство полезно для нравственности, нет оно – бесполезно! Задача истинной прозы вообще не писать, а только свидетельствовать. «Каждый мой рассказ – это окрашенный душой и кровью мемуарный документ».*
- *Что ж, пожалуй, Шаламов единственный писатель XX века, который буквально воплотил знаменитую формулу философа Теодора Адорно о том, что после Освенцима никакая поэзия в принципе уже невозможна».*

* * *

Рудольф Борисович Веденеев приехал на Шаламовские чтения в честь юбилея писателя. В перерыве заседаний скульптор из Перми дал интервью. И вот несколько его интересных признаний:

- *«Памятник Варламу Шаламову в честь его 100-летия установят в Пермской области». Шаламов зацепил меня силой своей личности, – рассказывает автор памятного знака, скульптор из Перми Рудольф Веденеев. – Народом, у которого нет памяти, легко управлять. Шаламов позаботился о том, чтобы эта память в нас сохранилась».*
- *Торжественное открытие состоится 21 июля, но проект готов уже сейчас. На нем Варлам Тихонович изображен в молодые годы на фоне щетинящегося «букета» из пил. Пилы являются символом непосильного труда на лесозаготовках лагерей Вишеры. Памятный знак поместят на большом валуне. Изображение будет сопровождать текст: «Здесь жили и умирали жертвы репрессий 20–50-х годов».*

• *«Для жителей Красновишерска, которые являются потомками бывших заключенных, памятный знак – это еще и дань уважения к их родителям: Шаламов в своих рассказах увековечил память их предков, погибавших в этих лагерях», – поясняет Рудольф Веденеев.*

Кстати, это не первая его работа, посвященная жертвам репрессий. Еще один памятник стоит в Соликамске – городе, который также был этапом заключения Шаламова. Сейчас в областной картинной галерее проходит выставка «Варлам Шаламов и его время в изобразительном искусстве». В экспозиции, в том числе, представлены и работы Рудольфа Веденеева.

• *Вишера стала первым местом заключения для молодого Шаламова, который был арестован 19 февраля 1929 года за непростительное в сталинские годы «вольнодумство» – чтение и распространение знаменитого «Завещания Ленина».*

Варлама Тихоновича едва ли не первого в стране наказали так жестоко за «вольнодумство» – отправили в лагеря до 1931 года. Воспоминания о том времени стали основой для книги «Вишера». Этот срок стал первым боевым крещением для Варлама Шаламова. Писатель был еще молод – всего 22-23 года, когда попал туда.

• *Он писал: «Испытанный тяжелой пробой – начиная с этапа из Соликамска на Север в апреле 1929 года, – один, без друзей и единомышленников, я выдержал пробу – физическую и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни».*

Далее Веденеев рассказал: *«В Перми выпущен альбом «Варлам Шаламов» о пребывании писателя в лагерях Соликамска, Красновишерска и Березников.*

В Соликамске открыта мемориальная доска – у входа в Свято-Троицкий мужской монастырь, в подвале которого Варлам-заключенный провел страшную ночь среди падавших в обмороки товарищей по несчастью, читая надпись, нацарапанную на низком потолке: «Мы умирали здесь три дня и не умерли. Держитесь и вы!».

И еще в этой публикации*:*

«У Рудольфа Веденеева есть проект памятника Варламу Шаламову, где великий страдалец изображен голым, а в спину штыки уткнулись. Это уникальный случай в мировой скульптуре, когда

обнаженная фигура не только уместна, но и необходима. Но, увы – никто пока не собирается ставить такой памятник. Впрочем, никакой другой тоже не собираются ставить. А ведь Шаламов – один из самых великих русских писателей XX века.

Но будем радоваться и малому – мемориальной доске. На ней барельеф: лицо писателя и текст: «Варлам Шаламов разделил судьбу народа…, открыл миру правду ГУЛАГа».

Веденеев не только выполнил ее, но и добился установки. Весь год ездил по северу области, встречался с простыми людьми и большими начальниками: убеждал, читал вслух стихи Шаламова. А ведь ему 70 лет, и он сделал операцию на сердце. Но Рудольф сам сидел как диссидент – он не мог отступиться».

Для меня текст этого интервью, как несостоявшаяся беседа с колоритной личностью – Рудольфом Веденеевым. Он словно незримо приблизился ко мне.

О Марии Бояровой

Колымская учительница, заслуженный учитель РФ Мария Боярова, словесник Томторской средней школы имени Н. Заболоцкого, более 30 лет занимается литературным краеведением. Она получила официальное приглашение из Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» на празднование 100-летнего юбилея узника Гулага В. Шаламова, автора «Колымских рассказов».

Сельская учительница привлекала своих учащихся к поисковой работе через литературный музей, внесла большой вклад в восстановление литературной биографии бывших узников Колымы.

На уроках о репрессированных писателях словесника Бояровой плачут и дети, и взрослые.

Мария Поликарповна – якутка. С детства помнит, как солдаты и вохровцы охотились за беглецами. Местным жителям давали по два рубля за сведения о беглецах.

Отца Марии репрессировали. Он был колхозник. Наградили его медалью, а он возьми и скажи: «Лучше бы три килограмма муки дали для голодных детей». Его посадили как троцкиста. Он не знал, что это такое. Дали 15 лет. Вернулся. Не любил рассказывать о пережитом. Он так и не понял, за что сидел.

Мария Поликарповна Боярова родилась в нашем Тамторе, как неоднократно говорил Варлам Тихонович. Возможно, я ошибаюсь, но только о Тамторе так говорил Шаламов. Мария считает, что это связано с почтовым отделением. Милое почтовое отделение – это из рассказов и писем.

Духовный центр музея – Варлам Шаламов.

В Тамтор приходили письма от Бориса Пастернака Варламу Тихоновичу.

Предмет особой гордости – рукопись «Доктора Живаго». Мир еще ничего не знал о романе, а на Колыме он уже был. И критически осмыслен Шаламовым.

Якутская учительница имеет свою концепцию связи двух писателей. Да, для Шаламова письма Пастернака были светом в окошке, как он сам говорил. Чуть не оправданием всей его жизни. Шаламов обосновал мотивы своего решения – отправить письма великому поэту, – так начинает свою версию Мария. Философски обосновал, уточняет Мария. Варлам Тихонович считал, что в жизни есть неисполненное обещание, несделанный поступок, неосуществленное намерение. Боязнь раскаяния за несвершенное и была мотивом. Эти суждения Мария связывает с муками Пастернака о том, что он *«все вязнет, тонет в начатом, неоконченном, несделанном, несовершенном, безнадежном»*. Мария делает вывод: Шаламов, находясь в чудовищно безвыходной ситуации, давал силы Пастернаку для противостояния. «Держится Шаламов – должен держаться и Пастернак».

Любимый рассказ Шаламова у Марии – это «Воскресшая лиственница». Он знал, что ветка лиственницы не может воскреснуть только от физических сил. «*В ветке разбужены иные, тайные силы»*. И это – правда! Дерево лиственницы, которое привезла Мария на могилу Шаламова, разбужено не московским теплом, а той, тайной силой, которая называется состраданием и любовью. Состраданием и любовью Марии, ее мужа, учеников, которые знают, что колымские сидельцы есть часть их семьи, история страны, нашего Тамтора, известного в мире как полюс холода Оймякон. При поддержке районной администрации Мария Поликарповна издала книгу «Мой край, воспетый музой страдания и любви», которая стала заочной экскурсией по школьному музею. В Москве собрались со всего мира друзья В. Шаламова и те, кто изучал его твор-

чество. Среди них сельский педагог из Якутии достойно представляет свое дело…. Она показала фотографии Шаламова, связанные с Колымой. И они, хотя некоторые и были знакомы раньше, но теперь смотрелись иначе.

Я рада, что смогла подарить ей свою книгу «Забвение над ними бессильно». Она сказала, что обязательно будет читать главы детям. Ее дивное озаренное лицо и глаза-щелочки мне запомнились навсегда. На прощание мы обнялись с ней как сестры.

* * *

А вот какой материал был опубликован в «Газете» (№ 111 от 22.06.2007 г.). Он представлял собой интервью с режиссером-кинодокументалистом **Светланой Быченко**. Ее взгляд на личность Варлама Тихоновича отличается от привычного, традиционного, и потому интересен. Она призналась:

- *«Шаламов не был таким сухим и упертым человеком, как это показано в фильме Досталя «Завещание Ленина» – там молодой Шаламов изображен несколько фанатичным. По крайней мере, я вижу его не таким.*

Это был широкоплечий мужчина с огромными синими глазами, с красивой шевелюрой, которого женщины, любившие его, называли викингом.

- *Я очень сопротивляюсь внутренне, когда говорят, что Шаламов - страдалец. Конечно, он страдалец. Но это не главное в нем. Он, прежде всего борец, и я пыталась говорить об этом. Он не отказывался ни от каких своих взглядов. Как был троцкистом, так им и остался. Когда его в первый раз посадили, он был даже рад, потому что воспитывался в то время, когда было модно быть революционером, сидеть в тюрьме. Я считаю, что он победитель. Он тот самый викинг. Понятно, что в его жизни были разные моменты, и, будучи уже на воле, он ощущал себя по-разному.*

- *Но последней нотой было то, что выражено в его стихотворении: «... умереть – как Коперник – от счастья, не раньше, не позже – теперь».*

* * *

В спешном репортаже о конференции отмечались мысли некоторых выступавших:

• *«Варлам Тихонович сумел создать литературный текст, настоящую прозу, которая дает больше, чем высокие слова или чисто документальные даты»,* – сказал профессор Барселонского университета **Рикардо Сан-Висенте**.

• *«Очень важный корпус текстов XX века, потому что его значение выходит за рамки лагерной темы. Это просто замечательный литературный текст»,* – считает переводчик, исследователь творчества Шаламова **Любовь Юргенсон.**

• *«Это что-то вроде вечной памяти, сотворенной не церковными методами, это нечто вроде памятника неизвестному, на котором горит вечный огонь. Это то, чего нам не хватает»,* – заметил культуролог, **публицист Григорий Померанц.**

В каком-то газетном отклике на конференцию попалась строка: «*Юбилей Варлама Шаламова отмечается скромно. Впрочем, было бы странно, если бы было наоборот».*

В газете «**Известия» (18.06.07.) Константин Кедров в статье «Главный свидетель» с горечью написал:**

«Скажем себе горькую правду. Россия еще не прочла Шаламова. А прочла бы, стала бы совсем другой. Всему свое время под солнцем. Время жить и время умирать. Ныне время читать. Самое время читать Шаламова.

Достоевский говорил, что на страшном суде человечеству достаточно предъявить «Дон Кихота» Сервантеса, чтобы получить оправдание.

Думаю, что достаточно «Колымских рассказов», над каждым из которых заплачет Бог. Ну, а если все-таки будет страшный суд над главными палачами, который так и не состоялся на земле, то главным свидетелем против них будет Варлам Шаламов».

* * *

29 июня я получила по электронной почте письмо из Вашингтона от В.В. Петроченкова, которому подарила свою книгу «Служенье узкие врата». Вот фрагмент его письма:

«Уважаемая Софья Богдановна!

Читаю вашу книгу с чувством печали и радости. Истоки печали – в судьбах ваших героев. Радость в общении с вашей книгой. То, как она слажено сложена – результаты исследования музыкально перемежаются с глубокими рассуждениями – сопереживаниями – создает тон сродни реквиему. Об одних из ваших героев я знаю, хотя часто в меньшем объеме, о других не ведаю почти ничего…»

В этом отзыве для меня очень дорого то, что мой чуткий читатель за строчками текста услышал Реквием – мой тайный замысел. Такой отзыв – сюрприз, подарок, импульс для дальнейшей работы.

А еще он написал о своем впечатлении от моего выступления на конференции:

«Очень меня взволновали ваши слова о М.В. Юдиной».

Значит цель, которую я преследовала достигнута. Автограф В.Т. Шаламова стал лишь поводом, позволившим рассказать, хотя бы кратко, о Марии Вениаминовне Юдиной, приобщить других к миру этой удивительной, мощной духом личности.

* * *

По итогам конференции осенью 2007 года был издан сборник материалов конференции, составленный И.П. Сиротинской. В хронике подробно указано содержание сборника. Оно заслуживает внимания как след материализовавшейся Памяти:

- Ирина Сиротинская. Горящая память.
- Григорий Померанц. Могила неизвестного зэка.
- Елена Волкова. Тексты «Колымских рассказов» Варлама Шаламова в ракурсе неориторических и антириторических смыслопорождений Ю.М. Лотмана.
- Францишек Апанович. На низшей ступени унижения (образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова).
- Валерий Петроченков. Христология Шаламова.
- Россен Джагалов. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма.
- Юрий Друми. «По десяти заповедям». Религиозно-нравственная основа «Колымских рассказов».

- Альфред Галл. Лаконическое выражение лагерного опыта: «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и «иной мир» Густава Херлинга-Грудзиньского в сравнительной перспективе.
- Леона Токер. Оттенки суждения в рассказах Шаламова.
- Лариса Жаравина. Колыма Варлама Шаламова и Крым Ивана Шмелёва.
- Валерий Есипов. Шаламов и Достоевский (Тезисы основных направлений исследования проблемы).
- Николай Ганущак. Шаламов и Солженицын: взаимосвязь и противостояние.
- Мирей Берютти. Варлам Шаламов: литература как документ.
- Марина Боярова. Воспоминания о Колыме.
- Юрий Асланьян .Люди и судьбы у входа в ад.
- Любовь Юргенсон. Двойничество в рассказах Шаламова.
- Софья Шоломова. На пересечении трудных дорог Колымы. Этюд о враче-харьковчанке.
- Юрий Розанов. Протопоп Аввакум в творческом сознании А.М. Ремизова и В.Т. Шаламова.
- Марк Головизнин. Образ революции и революционера у Варлама Шаламова.

В сборнике напечатаны еще две мои работы о Шаламове: одна – под названием «Житие Георгия Демидова», другая называлась «Сердечный отклик».

Возвращаюсь к пережитому в Москве, и не могу многое для себя определить и четко выразить.

Эхо юбилея

Дома меня ждали еще сообщения о Варламе Тихоновиче, как отзвук его юбилея в провинции.

1

Заметка называлась «Претерпевший до конца». Текст предваряют поэтические строки Шаламова:

«Я видел все: песок и снег,
Пургу и зной.
Что может вынесть человек –
Все пережито мной.
И кости мне ломал приклад,
Чужой сапог.
И я побился об заклад,
Что не поможет Бог.
Ведь Богу, Богу-то зачем
Галерный раб?
И не помочь ему ничем,
он истощен и слаб.
Я проиграл свое пари,
Рискуя головой.
Сегодня - что ни говори,
Я с вами и живой».

У перестройки, помимо общеизвестных минусов, есть несомненные плюсы. Один из них – возвращение из небытия имен выдающихся деятелей русской мысли, культуры, светочей духовности. Варлам Шаламов из этого ряда.

Отец писателя, Тихон Николаевич (1868–1933), – потомственный священник. Воспитанник Вологодской духовной семинарии, он по направлению Святейшего Синода в 1893 г. приехал на Аляску.

Впоследствии Варлам напишет об отце: *«На себя он смотрел как на человека, который пришел не только служить Богу, но и вести сражение за лучшее будущее России... Отцу мстили все – и за все. За грамотность, за интеллигентность. Все исторические страсти русского народа хлопотали через порог нашего дома».*

Во время своего пребывания в Америке о. Тихон издал ряд статей, проповедей и заметок из походных журналов, писал ежегодные отчеты и письма главам Церкви.

В 1904 году миссионер из-за желания воспитывать своих четырех детей в России попросил разрешения вернуться на родину. Он был представлен к ряду церковных наград и получил золотой крест. Благодарные прихожане написали в открытом письме

в «Американский православный вестник»: *«... Надеемся, что родная Русь не откажет своему сыну в любви, привете и ласке, которые он заслужил своей ревностью о духовном благе наших собратьев по вере, коим он посвятил первые лучшие годы своей жизни!»*.

К сожалению, эти пожелания не осуществились, жизнь Тихона Николаевича Шаламова была трудной и закончилась трагически, в слепоте и бедности.

Его сын, Варлам, познав на родине все ужасы лагерной жизни, отдал Богу душу в приюте для умалишенных, куда его, оглохшего и ослепшего, поместили напоследок ревнители коммунистической идеологии.

«С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой «социальной» группы – всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить…», – записал Варлам Тихонович.

Генеральная прокуратура РФ реабилитировала писателя по делу 1929 года (антисоветская деятельность) лишь 12 апреля 2002 года.

В одном из своих последних стихов автор «Колымских рассказов» заявил:

«Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая,
Я с неба вернусь».

Господь призрел на его намерение. Книги Варлама Шаламова теперь с нами. Сегодня и навсегда».

Заметка появилась анонимно, без указания автора, в православной газете «МИР» г. Днепропетровска (№ 12 (110), июнь 2007 г.).

Этот документ подтверждает евангельскую мысль: «У Бога все живы». А подбор поэтических строчек убеждает нас в истинной и нерасторжимой духовной связи Варлама Тихоновича с Господом.

* * *

И еще были вести из Вологды…

2

Освящение памятного креста

Вологда, 20 июня – РИА Новости – Северо-Запад, Ксения Нижегородская.

В Вологде в четверг состоится открытие и освящение поклонного креста родителям поэта и писателя Варлама Шаламова. Об этом сообщила РИА Новости заведующая отделом русского искусства областной картинной галереи **Елизавета Коновалова**.

«В рамках торжественных мероприятий, проводимых на Вологодчине в честь 100-летнего юбилея поэта и писателя, создателя известного литературного цикла о советских лагерях, вологжанина Варлама Шаламова, в четверг в полдень на Введенском кладбище Вологды состоится открытие и освящение поклонного креста его родителям – Тихону Николаевичу и Надежде Александровне. К сожалению, ни могила вологодского священника отца Тихона, ни архивные записи о том, где он был точно захоронен, не сохранились. Но из газетного некролога 1933 года стало известно, что похоронен он был на Введенском кладбище в Вологде. Жена Тихона Николаевича пережила своего мужа всего лишь на год и была похоронена рядом с ним», – рассказала Коновалова.

Она подчеркнула, что, по традиции, священнослужителей хоронили на кладбище возле часовни, поэтому с благословения вологодской епархии и по постановлению городских властей, поклонный крест было решено установить возле Введенской часовни.

В четверг на кладбище будет освящен крест и отслужена божественная литургия.

«Поклонный крест сделан из гранита, согласно каноническим законам без каких-либо изобразительных узоров. На нем написаны имя и фамилии, а также даты рождения и смерти родителей Варлама Шаламова», - отметила Коновалова.

Далее шли краткие биографические сведения об отце Тихоне Шаламове:

«*Тихон Шаламов родился в 1868 году близ города Усть-Сысольск. Окончил Вологодскую духовную семинарию, затем был учителем в церковно-приходской школе. В 1894 году был направлен православным миссионером на Алеутские острова, где провел 10 лет. В 1904 году вернулся в Россию. По возвращении проживал в Вологде и служил священником в Вознесенской церкви. В 1920 году ослеп. Скончался 3 марта 1933 года. Похоронен в Вологд*е».

Заметим дату – в это время сын отбывал в Вишере первый арест.

3

В Вологде отмечают 100 лет со дня рождения Варлама Шаламова

Вологда, 7 июня – РИА Новости – Северо-Запад. На Вологодчине в пятницу 8 июня начнутся юбилейные мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения писателя Варлама Шаламова, сообщила РИА Новости в четверг специалист по связям с общественностью областного музея-заповедника Ольга Козлова.

«В областной библиотеке в пятницу откроется выставка книг Варлама Шаламова и литературы о нем, а также пройдет электронная презентация «Варлам Шаламов – Данте XX века». А в выходные в Центральном выставочном зале областной картинной галереи состоится открытие художественной выставки «Время Варлама Шаламова в изобразительном искусстве», подготовленной совместно с Союзом художников России, Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова», – рассказала Козлова.

По ее словам, 18 июня в Москве состоятся международная конференция, посвященная юбилею писателя, и митинг памяти на могиле Варлама Шаламова на Кунцевском кладбище.

«В Вологде в этот день состоится премьера спектакля по его произведениям «Колымские рассказы», а в областной филармонии пройдет торжественный литературно-музыкальный вечер «Костры и звезды», – сказала Козлова.

Она добавила, что 21 июня на Введенском кладбище Вологды состоится освящение и открытие поклонного креста родителям Варлама Шаламова.

«В этот же день в Доме Шаламова состоятся премьера литературно-музыкального моно-спектакля «Колыма», открытие мемориальной экспозиции «Жизнь и судьба Варлама Шаламова», а также памятной доски на Доме Шаламова и торжественный вечер «Вы будете гордостью России» с презентацией книг о жизни и творчестве писателя, а также сборника его избранных стихов «Костры и звезды», – сказала собеседница агентства.

Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова предоставил 48 экспонатов для художественной выставки «Время Варлама Шаламова в изобразительном искусстве».

С 8 по 21 июня 2007 года в Вологде и Москве проходят юбилейные мероприятия, посвящённые 100-летию со дня рождения писателя Варлама Шаламова.

8 июня в 11 часов в верхнем зале Шаламовского дома на Орлова, 15 состоится пресс-конференция для представителей средств массовой информации.

14 июня в областной библиотеке имени Бабушкина на Ульяновой, 1 откроется выставка книг Варлама Шаламова и литературы о нём, а также пройдет электронная презентация «Варлам Шаламов – Данте XX века».

15 июня в Центральном выставочном зале областной картинной галереи состоится открытие художественной выставки «Время Варлама Шаламова в изобразительном искусстве», подготовленной *совместно с Союзом художников России, Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова (г. Москва), научно-информационным и просветительским центром «Мемориал» (г. Москва)*, а также фотовыставки «Остров Колыма». В этот день в Москве состоится митинг памяти на могиле Варлама Шаламова на Кунцевском кладбище. Вологда ознаменует этот день премьерой спектакля по его произведениям «Колымские рассказы» на малой сцене театра кукол «Теремок», открытием художественной выставки «Аляска – земля русских священников-миссионеров в живописи Владимира Латынцева» в нижних залах Дома Шаламова и торжественным литературно-музыкальным вечером «Костры и звёзды» в областной филармонии имени Валерия Гаврилина.

21 июня на Введенском кладбище Вологды состоится освящение и открытие поклонного креста родителям Варлама Шаламова. В этот же день в Доме Шаламова состоятся премьера ли-

тературно-музыкального моно-спектакля «Колыма», открытие мемориальной экспозиции «Жизнь и судьба Варлама Шаламова», а также памятной доски на Доме Шаламова и торжественный вечер «Вы будете гордостью России» с презентацией книг о жизни и творчестве писателя, а также сборника его избранных стихов «Костры и звёзды».

Департамент культуры Вологодской области
07.06.2007

* * *

И я поняла, что еще далеко не исчерпала тему моего цикла о Варламе Тихоновиче.

Буду думать, дополнять, завершать. Одно только сознаю определенно – благодарность Господу, что все-таки была на 100-летии Варлама Шаламова, как и мечтала… Мечтала дожить и присутствовать там, среди единомышленников и близких по духу людей!

С тех пор прошло еще почти два года, прежде чем вся многолетняя работа подошла к логическому окончанию.

Я завершаю эту главу строчками В.Т. Шаламова. Наш диалог не прекращается, он длится во времени.

Я вроде тех окаменелостей,
Что проявляются случайно,
Чтобы оставить миру в целости
Геологическую тайну.

В. Шаламов

Глава 2

Варлам Шаламов и Александр Блок

У Варлама Тихоновича Шаламова (1907-1982) богатое творческое наследие и оно только начинает входить в современный литературный процесс, сразу заняв свое особое и значительное место. Он говорит с читателем доверительно о самом глубинном и навсегда завоевывает сердца: проза «Колымских рассказов», статьи и эссе, стихи.

«Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, не молодых,
Покрытых рубцами морщин.
Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.
Познание горних высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин».

Строки написаны в 1962 году, когда мучительная и трагическая жизнь поэта, казалось, была уже позади, когда на плечи все сильней и сильней давил огромный жизненный и во многом печальный опыт тюрем, лагерей и ссылки.

Двадцать лет жизнь испытывала его жизнестойкость голодом и холодом, физическими и нравственными страданиями. Но нечеловеческие страдания не смогли убить в нем творческого духа. В стихотворении каждая строка выстрадана и многократно продумана. Она звучит как ответ автора невидимому собеседнику в их давнем, затянувшемся споре.

В одной из его рабочих тетрадей встречается запись: *«… болтовня Антокольского на сей предмет («Стихи – это душевный опыт»), отсюда «Поэзия – дело седых»...*

При жизни Шаламова вышло всего пять небольших по объему поэтических сборников, и в каждом общее число стихотворений невелико, но это ни в коей мере не отражало истинного масштаба творческой индивидуальности поэта. В каждом сборнике сплошь и рядом были сделаны цензурные купюры. Тем не менее, даже в урезанном виде поэтические публикации Шаламова не остались незамеченными.

Их услышал читатель, на них обратила внимание и критика (правда, отклики и рецензии были досадно куцыми).

Прижизненный сборник поэта – это всегда самоценное свидетельство о конкретном этапе творческого пути художника: становление и возмужание, обретение высокого профессионализма и зрелости. В случае с Шаламовым все было намного сложней: он сразу вошел в единый поэтический поток вполне сложившимся мастером. Однако это не означает, что прижизненные сборники не рассказывали о его развитии.

И.П. Сиротинская писала: *«В. Шаламов считал самым важным в творчестве свободное проявление души художника – в слове ли, в красках или звуках, ибо, по его словам, «профессиональным инструментом познания мира для художника служит его душа». Именно поэтому он совершенно намеренно не занимался «отделкой» своих произведений, полагая, что при этом может быть утрачено ценнейшее и неповторимое – первозданность и непосредственность проявления души».*

И потому так важно обратить внимание на принципы организации поэтического массива каждого сборника, которыми руководствовался сам поэт при составлении единой книги. Не менее важно проследить за «обоймой» стихотворений, которые включались автором постоянно, какие именно стихотворения он считал «програм-

мными» и наиболее для себя важными, и какие в них затрагивались темы и проблемы.... Пять сборников и немногим более пятнадцати лет творческого неустанного горения после стольких испытаний и мучений.... И в каждом запечатлен отсвет мужественного духовного самосожжения.

1

У Варлама Шаламова, как и у Александра Блока, основным стержнем поэтического самосознания было особое доверие к миру звучащей стихии и глубокое осознание высокого назначения Поэзии, что особенно их роднит.

Шаламов был твердо убежден в безусловной значимости лирического настроения и порыва, рождающего поэтическое откровение. Он писал:

«Пускай с самим собою в споре,
Так много тратится труда –
Руда, в которой примесь горя,
Не очень плавкая руда.
Но я ее засыплю в строки,
Чтоб раскалилась добела,
Чтоб из огня сплошным потоком
Жизнь в формы слова потекла…»

В одной из рецензий на сборник «Шелест листьев» (М., 1964) отмечалось: *«Стихи Шаламова сказаны всерьез, слов оставлено нам немного, но они умны и точны. Слова не кокетничают и не потешают. Они открывают то, что дорого и важно... здесь не высота слога и стиля, а высокий строй души…»*

Обретение высокого «строя души» прошло через суровые горнила испытаний и переживаний. И это тоже роднит Шаламова с Александром Блоком. В его творческой судьбе место Александра Блока было заветным, о чем рассказывают различные документы и материалы.

В 1977 году исполнилось семьдесят лет со дня рождения поэта (заметим, что его первый сборник вышел, когда ему было за пятьдесят) и к этой дате был приурочен сборник его новых стихотворе-

ний. К сожалению, этот сборник стал последним его прижизненным изданием. Назывался он достаточно символично: «Точка кипения». Голос поэта невозможно спутать с чьим-либо другим. Все чаще он обращался к вопросам психологии и таинства творчества, к постижению сложных законов бытия. В сборнике глухо, но отчетливо звучит нота прощания:

«Приглядись к губам поэта,
Угадай стихов размер,
И запомни чудо это,
Поучительный пример,
Где в прерывистом дыханьи
Зрению доступный ритм
Подтверждает, что стихами
Жизнь о жизни говорит».

Познание гармонии, воплощенной в звуке и ритме, понимание своеобразия пульса каждой рождающейся в сознании строки – все становится у Шаламова глубже и проникновенней.

В статье «Поэзия – всеобщий язык» поэт четко и лаконично выразил годами выношенные мысли о поэзии и ее отличительных особенностях. Он убежденно писал: «Стихи - всеобщий язык, единственный знаменатель, на который делятся без остатка все явления мира».

Он высказывает сокровенные мысли и о собственном поэтическом творчестве: «Мой поэтический дневник должен был дать ткань кровоточащую…» Шаламов ищет многообразие формул связей жизни и искусства, постигает на своем опыте их бесконечность:

«Стихи – это стигматы,
Чужих страданий след,
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенье будут
Или поверят в рай,
Простят или забудут,
А ты – не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет,
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт».

Остро ощущается внутренняя близость этих строчек широко известным строчкам из «Возмездия» Александра Блока. По своей тональности и интонации одни как бы продолжают другие:

«Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума».

Стихотворение Шаламова было всего один раз опубликовано при жизни («Дорога и судьба». М., 1967). Оно не только интонационно и по смысловой направленности созвучно Блоку, но и по закономерности. В них отчетливо слышен элемент эстафетности и понимания традиций, продолжающихся во времени, в осознании единых законов поэтического творчества и места художника в жизни.

В статье «Поэзия – всеобщий язык» Шаламов утверждал, что «стихи всякого поэта - это поэтический дневник, дневник его души». Такое суждение находится в удивительном созвучии со словами Александра Блока по поводу стихов третьего тома, написанных им в предреволюционные годы.

С предельной обнаженностью Варлам Тихонович писал: «В том поэтическом дневнике, который я веду... фиксируется самая, может быть, существенная сторона моего бытия…» Он считал, что истинные стихи «всегда многомысленны и аллегоричны», а именно такими и являются строки Александра Блока.

2

Если во всех прижизненных сборниках Варлама Шаламова выделить строки, посвященные вопросам творчества и поэзии, где поэт раскрывается с наиболее важной и глубинной стороны, то в них не один раз можно встретить упоминание имени Александра Блока. И, конечно, это – не простое совпадение или случайное явление. Для Шаламова – это точка отсчета, мерило духовной и поэтической силы.

В архиве поэта хранится несколько редакций стихотворения, где имя Блока вынесено в заглавие, как, например: «Город Пушкина, город Блока» – именно так воспринимает Шаламов российскую столицу на Неве. Несмотря на то, что это стихотворение было в его тетрадях 1960 и 1969 годов, тем не менее, в прижизненные сборники оно так и не было включено.

Другое его стихотворение так и называется «Блок» (первая дата на нем – 1974 год), а первая публикация его состоялась три года спустя в альманахе «День поэзии». Всего шестнадцать строк. Текст заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Позвякивая монистом,
Целуя цыганок персты,
Дорогой знакомой, тернистой,
Блок шел сквозь мираж суеты.

Все зори его, все закаты.
Они одноцветны – желты.
«Двенадцати» резки плакаты,
Матросы, как фрески, чисты.

Менялись на женщинах лица,
И в вечность летящий рысак
В глухих переулках столицы
Замедлил свой бег и свой шаг.

Рысак был конем Фальконета
И Пушкина родствен перу...
Достойно вмешаться поэту
В такую большую игру».

Стихотворение написано в последнее десятилетие жизни Шаламова и отразило круг тех реалий, которые у него ассоциировались с именем любимого поэта. Строки содержат глубинный подтекст и смысл.

Стихотворение написано не как прямое посвящение, а скорее как э с к и з к п о р т р е т у, как лирическая зарисовка.

В «Записках о стихах» Шаламов утверждал: *«По тем дорогам, по каким проходили большие поэты, ходить уже нельзя». И далее поясняет отличительную особенность этих, исполненных безмерного дерзновения и бесстрашия путей: «… такие следы поэта, по которым нельзя ходить, и называются поэтической интонацией…»* Поэтическая интонация у каждого поэтического голоса должна быть своей, не подражательной, не заемной. И заключал: «Поэзия – бесконечна. В искусстве места хватит всем и не надо тесниться и ссориться…»

Шаламовская строка: «Дорогой з н а к о м о й, т е р н и с т о й Блок шел сквозь мираж суеты»… становится более емкой и наполненной. Так написать мог только тот, кто сам выбрал тяжкий путь российского поэта, кто выстрадал право на собственный поэтический голос.

Познание гармонии, воплощенной в звуке и ритме, понимание своеобразия пульса каждой рождающейся в сознании строки – все становится у Шаламова глубже и проникновенней.

В 1977 году Шаламовым было опубликовано и другое стихотворение, связанное с поэтическим образом Александра Блока, хотя прямого названия оно не имело. Стихотворение – как запись однажды посетившего видения. Вот как «привиделся» Шаламову А. Блок:

«Своими, своими руками
По Питеру в пятом году
Блок нес это красное знамя,
Что после воспето стихами
В поэме в метельном чаду.
Он сам – тот Христос с красным флагом,
Двенадцать матросов за ним
Патрульным размеренным шагом
Прошли через вьюгу и дым».

В поэтическом сознании Шаламова образ Блока был, прежде всего, связан с поэмой «Двенадцать» и более того – с образом Христа. Ассоциация с главным действующим лицом, появляющимся в финале, сложна и многозначна. Характерно, что такая ассоциация была не единичным случаем и появлялась в сознании у разных современников поэта, для этого достаточно вспомнить записи Михаила Пришвина. Общая патетичность этого небольшого стихотворения Шаламова необычна для его пера в целом, но в данном конкретном случае она вполне органична и естественна.

В стройной структуре сборника «Точка кипения» (М., 1977) Шаламов расположил оба стихотворения рядом таким образом, что им предшествовали строки стихотворения «Хранитель языка», а непосредственно после них шло стихотворение «Инструмент». Стихотворения как бы продолжали разговор автора с читателем о Поэте, его назначении, о вечных проблемах творчества. Они представляли собой небольшой цикл:

«До чего же примитивен
Инструмент нехитрый наш:
Десть бумаги, десять гривен,
Торопливый карандаш...

И заканчивает:

Все, что Данту было надо
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лед...»

Последние детали намекают на собственный пережитый ад. Недаром в одной из рецензий на «Колымские рассказы» Шаламова назвали «Вергилием советского ада». Вслед за Александром Блоком, которого современники называли «Дантом XX века», Шаламов сумел запечатлеть истинно-трагические «петли ада» своего времени. Совершенно неожиданные сближения Шаламова и Александра Блока с Данте иногда выходят за рамки обычных представлений о традициях и преемственности. Они требуют качественно нового подхода к постижению произведений и судьбы их творцов.

В 1973 году Варлам Шаламов написал стихотворение о забытом поэте Голенищеве-Кутузове, который волновал его поэтическое воображение своей судьбой:

«Классик мелодекламаций,
Мастер тонкого письма,
Бедным рыцарем скитался.
Тяжела судьбы сума...
Не найдя сочувствья Блока
По романсовым делам,
Он ошибся так жестоко,
Как жесток в романсе сам».

Как неожиданно в его сознании возникает строка, связанная с именем Александра Блока! И так будет еще не раз...

В поэтическом наследии Шаламова общее число стихотворений, посвященных конкретным деятелям искусства и культуры сравнительно невелико. Это помогает увидеть круг его ближайших литературных пристрастий: Гомер и протопоп Аввакум, Андерсен и Викто́р Гюго, Баратынский и Фет, Голенищев-Кутузов и, конечно, Александр Блок.

Примечательно, что в библиографическом указателе «Русские советские поэты», посвященном Александру Блоку, указаний на шаламовские стихотворения почему-то не встретить, в то время как посвящения других поэтов, направленные к Блоку, представлены в этом справочном издании достаточно широко. Удивительно и то, что указатель вышел из печати еще при жизни В. Шаламова (1978 г.). Остаются неясными эти досадные упущения.

В ином ряду следует рассматривать посвящения Борису Пастернаку, написанные Шаламовым в разные годы и составляющие предмет отдельного разговора.

В данном случае речь идет только о тех стихотворениях, которые поэт сам при жизни выносил на суд читателя. И надо полагать, что когда станет во всем объеме и полноте известно все его поэтическое наследие, круг значительно расширится.

В 1978 году, когда Шаламов по ряду драматических обстоятельств уже довольно редко появлялся в печати, в альманахе «День

поэзии» было опубликовано его стихотворение, начинавшееся примечательной строкой: «Нас водило перо Пастернака», тем самым как бы раскрывалось мощное влияние Пастернака на искания поэтов младшего поколения, входивших в литературу в 30-е годы. Обратимся к тексту:

«Нас водило перо Пастернака,
Но в какой-то решительный миг
Обошлось без дорожного знака
Пастернаковских ранних книг.

Обновленное поминутно,
Закрепляя любой миллиметр,
Ощутило, хотя бы и смутно,
Но настойчивый б л о к о в с к и й в е т р.

Укрепясь на позициях этих,
Мы опять зашагали вперед,
Подчиненные Блокову ветру,
Слову Блока: «Поэт и народ!».

В творчестве Варлама Шаламова значение этого стихотворения трудно переоценить. Оно позволяет увидеть новый аспект темы «Александр Блок в жизни и поэтической судьбе Шаламова». Оно помогает понять истоки поэтических влияний на формирование его собственного голоса, на неразрывность поэтической традиции и единого ряда имен: Пушкин – Блок – Пастернак. И сколь бы сложны и неуловимы ни были ассоциативные связи и параллели в поэтическом сознании, они непременно приводили к имени великого поэта. Примечателен гражданский пафос этих строчек Шаламова, который в его лирике встречается не так уж часто. Здесь удачно в контекст стихотворения вводится пастернаковская символика при его постижении Александра Блока: ведь цикл из 4-х стихотворений, посвященных Блоку, Борис Пастернак назвал одним словом – «Ветер».

Если проследить за характером упоминаний имени Блока в той части творческого наследия, что уже является достоянием читателей, то вырисовывается четкая и причудливая канва, а многообра-

зие поводов и контекстов убеждают в одном: мысли Шаламова об Александре Блоке, его судьбе, новаторстве, месте в едином поэтическом потоке XX века, просто его человеческом облике были постоянны. Они не покидали Варлама Тихоновича ни на минуту. Они являлись составной частью его собственного поэтического космоса.

В размышлениях на эту тему он приходил к выводу: *«Космос поэзии, – писал он, – это ее точность, подробность. Ямб и хорей, на славу послужившие лучшим русским поэтам, не использованы и в тысячной доле своих удивительных возможностей. Плодотворные поиски интонации, метафоры, образа – безграничны…»*

Александр Блок был для Шаламова образцом и мерилом истинности поэзии, был собеседником и другом в его раздумьях о поэзии.

Шаламов рано прикоснулся к поэтическому космосу Блока. Это узнавание было прерывистым и не постоянным во времени, тем не менее, мощным и живительным.

Альманах «День поэзии» был подписан к печати в августе 1978 года. И публикация в нем стихотворения Шаламова как бы продолжила те публикации о Блоке, которые появились в последнем его прижизненном сборнике «Точка кипения». В новых строчках ощущается новый подход к осмыслению вопросов поэтического влияния Александра Блока, более обобщенно и опосредствованно.

Можно предположить, что стихотворение было создано им в трудные минуты слабеющего сознания и уходящих сил. Последние годы его были особенно трагичны: отказывали зрение, слух, усилилась болезнь Паркинсона. Записывать стихи становилось все трудней и трудней...

3

В мае 1979 года в тяжелом физическом состоянии Шаламов попадает в дом инвалидов. Общение с ним затрудняется. Александр Анатольевич Морозов был, пожалуй, единственным, кто понимал его, и кто записал последний цикл стихотворений умирающего поэта.

На одном из них стоит красноречивая дата – 29 октября 1980 года. Шел к концу год 100-летия со дня рождения Александра Блока.

«Блок болен был цингой -
Лишь в этом было дело.
Единственный лимон
Его бы сразу спас.
Единственный лимон
Вошел бы в его тело,
Дать витаминный,
Жизненный приказ.
Блок умер от цинги –
Диагноз ставлю смело.
Его сгубил сей авитаминоз.
И царь Минос ощупал Блока тело,
Дал визу смерти царь Минос…»

Тема смерти поэта давно уже волновала Шаламова. Сам, пережив цингу, да и не только цингу, он писал так, как будто на его глазах умирал великий поэт. Трагические строки звучат почти буднично, и потому особенно пронзительно и страшно...

4

В начале 60-х годов Варлам Тихонович переживал пору творческого взлета и как бы второго рождения. Это были годы особенного напряжения и горения. Появлялись стихи в журналах, создавались рассказы, готовилась к печати первая книга стихов «Огниво», и в это же время он работал над воспоминаниями о юности, а его юность это «Двадцатые годы».

Будучи студентом московского университета, Шаламов старался не пропускать ни одного интересного события в художественной жизни города. Спешил, как можно больше узнать, увидеть, пережить. Он не был равнодушен к литературным вечерам и диспутам, причем особенно его заинтересовал ЛЕФ. В воспоминаниях несколько раз мелькает упоминание имени Блока, и оно связано именно с этим литературным движением.

Шаламов вспоминал: *«Крайне неприятной была какая-то звериная ненависть к Блоку, пренебрежительный, издевательский тон по отношению к нему, усвоенный всеми лефовцами…»* А для него подобное отношение к поэзии Александра Блока являлось своеобразным индикатором.

В очерке «Несколько моих жизней», который так и не был напечатан при жизни поэта, можно встретить признание: *«Жизнь моя поделилась на две классические части - стихи и действительность. Я писал стихи, ходил в литературные кружки, занимался, вошел в это время в молодой Леф…» Однако пробыл там сравнительно, недолго. По его собственным признаниям, написанные им стихи, входили в конфликт со временем, а может и самой действительностью: «… я яростно писал стихи о дожде и солнце, обо всем, что в ЛЕФе запрещалось…»*

О собственном предназначении, которое он почувствовал рано, написал коротко и убедительно: «На две части, две стороны распадалась всегда моя жизнь, с самого далекого детства. Первая – это искусство, литература. Я уверен был, что мне суждено было сказать свое слово... и именно в литературе, в художественной прозе, в поэзии. Вторая была – участие в общественных сражениях тогдашних, невозможность уйти от них при моем главном кредо – соответствие слова и дела».

Такая жизненная позиция привела к неисчислимым и мучительнейшим испытаниям. Она предполагала жизнь – борьбу и жизнь – свершение... Ни в юности, ни в зрелые годы Шаламов не принимал расхождения слов и поступков. Он был и остался максималистом, равно, как и Александр Блок, неуважительное отношение к которому он никогда никому не прощал. Так, вспоминая о Маяковском и его трагедии, Шаламов писал: «Бессмысленная, бесцельная «борьба» с Пушкиным, Блоком, наивное и упрямое упование на так называемое «мастерство» при ясном понимании роли поэта, его места в обществе, его значения – вот подтекст четырнадцатого апреля…»

Начало 20-х годов для Шаламова было неотъемлемо от такого значительного явления в литературе, каким стала поэма Блока «Двенадцать». Он пишет в воспоминаниях: «Лишь несколько лет назад вспыхнули «Двенадцать» Блока. Поэму читали везде. С рисунками Анненкова она расходилась по стране вслед за Марсельезой и «На защиту красного Питера» Демьяна Бедного».

Поэма Блока властно вошла в сознание разных людей того времени. С горечью Шаламов отмечал: *«Но в 1921 году Блок умер. Дневники его последнего года жизни: нетвердые, тонкие буквы, нарисованные слабой дрожащей рукой»*.

Мимо внимания Шаламова не ускользнуло и то, что последние годы жизни поэта были помечены угасанием творческой воли, что

вызывало в нем глубокое сочувствие и сопереживание. К этому обстоятельству он вернется еще несколько раз, в том числе, и в трагическом рассказе «Шерри-бренди»...

Говоря о круге чтения студентов 20-х годов, Шаламов упоминал о романах писателя Джона Дос-Пассоса, причем, называл даже имя переводчика. Внимание к автору было пристальным потому, что некогда это имя упоминал в своих дневниках Александр Блок. Все, что имело хоть какое-нибудь отношение к биографии, судьбе и просто имени Блока, вызывало неизменный, повышенный интерес Варлама Тихоновича.

К слову сказать, Шаламов успел познакомиться с дневниками Александра Блока в тот краткий, отведенный ему судьбой период, который между первым и вторым арестами состоял всего из нескольких лет. Первый раз его арестовали в 1929 году, и он пробыл в лагерях до 1932 года, второй раз – в январе 1937 года. Освобождение пришло к нему только спустя двадцать лет...

Упоминая вскользь о даровании Веры Инбер, он не преминул напомнить читателю, что ее ранние стихи в книге «Печальное вино», изданной в 1914 году, «хвалил Блок». И эта подробность лично для него казалась значительной...

В 1968 году Шаламов был увлечен написанием автобиографической повести «Четвертая Вологда», которая органично дополняла его воспоминания о юности. Это была повесть о детстве, проведенном в Вологде, о родителях, первых ученических и жизненных событиях, ставших памятными навсегда. И не удивительно, что на страницах повести мелькает имя Александра Блока. Теперь упоминание связано с вопросом круга чтения его земляков. По мнению писателя, в Вологде в начале века хорошо знали и читали по мере появления в столичной прессе многие публикации поэта.

А в 1921–1922 годах на страницах вологодских изданий на смерть Александра Блока появились печальные строки некролога. Нет сомнения, что их читал юный Шаламов. Он с юности был страстным книгочеем, причем обладал даром скоростного чтения.

Круг его читательских симпатий и пристрастий постоянно менялся и расширялся. По этому поводу в очерке «Несколько моих жизней» он писал*: «Я двигался ощупью от книги к книге медленным и неэкономным путем. Хлебников стал моей потребностью раньше, чем Пушкин, Северянин – раньше, чем Блок; раньше Асеев, чем Анненский. Не говоря уже о вершине русской поэзии – Тютчеве».*

Трудно определить точное время его знакомства с произведениями Александра Блока, как невозможно установить и то, с каких именно стихотворений началось это «знакомство». Но гораздо важнее представляется другое: раз начавшись, оно продолжалось всю его сознательную жизнь, и процесс этот был достаточно сложным. Александр Блок приглашал к размышлениям и переосмыслениям, будил мысль и чувство, пробуждал потаенные творческие возможности Шаламова как читателя, рождал желание писать...

В зрелые годы в рабочей библиотеке писателя едва ли не самыми первыми появились книги Блока.

И.П. Сиротинская писала: *«Это была библиотека профессионала, писателя. Словари: Даль, Ожегов. Конечно, поэзия – Пушкин, Тютчев – главное его пристрастие в поэзии. «Библиотека поэта», большая серия - Цветаева, Пастернак, Блок, Мандельштам... все с пометами, тысячу раз перелистнутое, читанное. Больше,* ***чем предмет для чтения*** *–* ***сама жизнь, живое общение с близкими по духу людьми****»…*

Недаром Варлам Шаламов утверждал: «Одиночество с книгами – это не одиночество». Ему принадлежит несколько афоризмов о роли книги в духовном мире человека, и каждое такое высказывание было глубоко пережито и даже выстрадано, если вспомнить, что десятилетиями он был лишен такого общения. В очерке «Слишком книжное» он приходит к заключению: *«Книги – это наше лучшее в жизни. Это – наше бессмертие».*

И еще: «Книги – это вода, которой поят по очереди уставших от жизни пешеходов…»

Очень пронзительно звучит другое его признание: *«Книги – это тот мир, который не изменяет нам…»*

По его мнению, книги подобны людям и могут увлечь, а могут и разочаровать. Нет сомнения, что книги Блока его не разочаровали, но это не значит, что не было критического отношения к отдельным произведениям Александра Блока.

По признанию Б.Н. Лесняка, Варлам Шаламов *«был хорошо образован, начитан и до самозабвения любил и знал поэзию».* Их знакомство состоялось весной 1944 года на Колыме, и началось оно с вопроса о том, как он относится к поэзии, и проявляет ли интерес к стихам, что для Шаламова являлось своеобразным тестом.

Несколько позже Варлам Тихонович подарил Лесняку две рукописных тетради, наполненные личными стихотворениями. Эту

своеобразную поэтическую «антологию» он записал по памяти в благодарность врачу, спасшему ему жизнь. Н.В. Савоева хранит эту бесценную реликвию как память о пережитом.

Если перелистать страницы этих тетрадей, то можно увидеть, как широк и разнообразен был круг поэтических симпатий Шаламова, как необычен был этот круг. В первой тетради записаны стихи Бунина и Мережковского, Блока и Бальмонта, Северянина и Маяковского, Есенина и Ходасевича. Были в ней представлены и стихи советских поэтов 20-30-х годов: Н. Тихонов, и А. Безыменский, И. Сельвинский и Э. Багрицкий, С. Кирсанов и П. Антокольский. В другой тетради в основном записана русская классика: Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Баратынский и А.К. Толстой.

Только три стихотворения Александра Блока попали в эти заветную тетрадь: «В ресторане», «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», и «Петербургское небо мутилось дождем».

По мнению Б.Н. Лесняка, Шаламов, конечно же, знал стихотворений Блока намного больше и не раз читал ему их вслух. Записи ни в коей мере не исчерпывают его знаний. Борис Николаевич Лесняк признавался: *«Память Варлама на стихи поражала и глубоко волновала».*

Рассматривая истоки формирования собственного художественного вкуса, Шаламов вспоминает в «Четвертой Вологде»: *«Я так и вырос без музыки, представляя уже взрослым музыку мира по Блоку – как некий шум времени. Но шум этот вовсе не был музыкальным. Ритмы, которые слышал Блок, скорее уже относились к конкретной музыке, а к ограниченности гамм никакого отношения не имели».*

Представление о музыке мира «по Блоку» еще раз убеждает в том, сколь исключительным было место Александра Блока в самосознании и внутреннем мире писателя. Оно сыграло огромную роль в формировании художественной индивидуальности Шаламова в целом.

В его прозе, где, казалось бы, не место поэтическим ассоциациям, где жизнь души нарушена и изуродована, даже там нет-нет и возникает в сознании героев Шаламова святое имя Александра Блока. И каждый раз оно обжигает своей неожиданностью.

В первом сборнике, подготовленном им в начале 60-х годов и озаглавленном «Артист лопаты», четвертым стоит рассказ под названием «Почерк», где можно прочитать диалог между следователем и главным героем:

– Напишите заявление.

– Заявление?

– Да, заявление. Вот листок бумаги, вот перо.

– Заявление? О чем? Кому?

– Да кому угодно! Ну, не заявление, так стихотворение Блока…»

Невероятной кажется ситуация и, тем не менее, от нее веет исключительной достоверностью, хотя трудно представить, что следователь был читателем стихотворений Александра Блока. А в сущности, что о нем вообще известно? Шаламов был убежден, что в прозе самым главным было искусство отдельных деталей. Он писал: «Колымские рассказы» - фиксация исключительного в состоянии исключительности. Не документальная проза, а проза, пережитая как документ, без искажений».

В рассказе «Афинские ночи» Шаламов утверждает естественность и необходимость пятого чувства наслаждения, которое в свое время не учитывал великий утопист Томас Мор, – и это чувство – необходимость в жизни поэзии. Потребность в стихах помогала пережить холод и чувство голода, стихи помогали остаться человеком в исключительных и экстремальных условиях.

Шаламов пишет: *«Я напрягаю свой мозг, отдавший когда-то столько времени стихам, и, к собственному удивлению, вижу, как помимо моей воли в гортани появляются давно забытые мной слова. Я вспоминаю не свои стихи, а стихи любимых мной поэтов - Тютчева, Баратынского, Пушкина, Анненского…*

Дух творчества неистребим и он поддерживает сильней корки случайного хлеба. Шаламов признается: «Час чтения стихов – час возвращения в волшебный мир…»

И когда в госпитале среди «доходяг» нашлось несколько единомышленников, они стали устраивать вечера поэзии, назвав их с некоторой долей юмора «афинскими ночами».

Каждый читал по памяти любимые строки. Варлам Тихонович пишет: *«Мой взнос – БЛОК, Пастернак, Анненский, Хлебников, Северянин, Каменский, Белый, Есенин, Тихонов, Ходасевич, Бунин. Из классиков: «Тютчев, Баратынский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Алексей Толстой…»*

В ряду имен п е р в ы м назван Александр Блок и это неудивительно....

В рассказе «Лучшая похвала» из цикла «Левый берег» имя Блока возникает совсем в ином контексте. Оно служит, как бы зачином, и в тоже время приведено как авторитет. Читаем: «Жила была красавица Марья Михайловна Добролюбова. Блок написал о ней в дневнике: «Главари революции слушали ее беспрекословно, будь она иначе и не погибни, – ход русской революции мог бы быть иной…» И затем, как рефрен, звучит: «Будь она иначе!». Шаламов вскрывает психологическую невозможность неожиданной героини «быть иной». И заключает первый абзац рассказа: «Время раскидывает: дать герою, таланту дорогу или убить случайностью, или удушить похвалой и тюрьмой». Он сетует на то, как несправедливо забыто имя Марии Добролюбовой и уточняет: *«Даже брат ее не так прочно забыт – поэт и сектант Александр Добролюбов»*. К слову сказать, его хорошо знал Александр Блок как сокурсника по петербургскому университету.

Нет сомнения, что Блоковская запись была приведена автором не случайно. Из примечаний к «Дневнику 1911 года» Шаламов узнаёт немаловажные подробности: *«М.М. Добролюбова - личность незаурядная: красавица, окончившая с отличием аристократический Смольный институт, она работала «на голоде», в русско-японскую войну была сестрой милосердия, в революцию 1905 года вошла в боевую организацию партии эсеров, была назначена «на акт», но не нашла в себе достаточной решимости и покончила с собой в возрасте 29-ти лет»*.

Почти все эти данные привел в своем рассказе Шаламов. Он подчинил их стройной композиции, где каждая фраза, каждое слово глубоко продуманы, а над всем – авторская позиция, выраженная достаточно лаконично. Он понимает «жертвенность, волю к жизни и смерти» героини, ему близка ее жизненная позиция и высокая нравственная требовательность к себе, особенно созвучно то, что Маша не находит в себе сил, чтобы убить человека. Все ее естество восстает и противится террору и насилию. И потому имя Маши для Шаламова «светлое, страстное, русское»... Маша Добролюбова признавалась*: «хочу в жертвенник пламенный обратиться»*. Это было так понятно и созвучно Шаламову. Он отзывается о ней в блоковском ключе.

А впервые о ней он услыхал от сокамерника Андреева, и только намного позже, создавая рассказ, нашел у Александра Блока строчки о своей «героине».

Еще не один раз в различных циклах рассказов можно прочитать упоминание имени Александра Блока и почти всегда оно будет нести на себе элемент автобиографичности.

Так, в рассказе «Экзамен» писатель вспоминает о том, как решительно изменилась его судьба, когда он сдал экзамены и поступил на курсы фельдшеров. И вот на экзамене по химии ему был задан вопрос о Менделееве. И тотчас возникла ассоциация: *«Конечно я знал, что Блок женат на дочери Менделеева, мог бы рассказать все подробности этого странного романа. Но ведь не это нужно доктору химических наук».* Поразительным был ход мысли в измученном сознании Шаламова.

В рассказе «Курсы», который отличался достаточно большим по сравнению с другими объемом, Шаламов вновь возвращается в памяти к экзаменам, снова вспоминает экзамен по химии, причем с новыми дополнениями и смысловыми акцентами. Читаем: *«Что вы знаете о периодической системе Менделеева? Я рассказал. В рассказе моем было мало «химического» и много Менделеева. О Менделееве я кое-что знал. Как же – ведь он был отцом жены Блока!».*

Два описания одного и того же события, которое в жизни Шаламова-заключенного в последующем сыграло огромную роль. В обоих случаях виден неподдельный интерес к обстоятельствам, связанным с биографией Александра Блока. Интересной деталью является поставленный автором восклицательный знак в конце абзаца.

Начался процесс духовного воскрешения. Возврат к человеческому образу существования после стольких перенесенных зверств и испытаний так или иначе сложно был связан с этим эпизодом. От положительного результата экзамена по химии зависела судьба будущего писателя. Очевидно, его ответ был так неординарен и неожидан для экзаменатора, что исход их поединка был предрешен.

В рассказе «Курсы» имя Александра Блока можно встретить и в другом эпизоде. Однажды врач, проводившая у курсантов практические занятия, протянула Варламу Шаламову «книжку, похожую на молитвенник». И каково же было его удивление, когда он увидел, что это был томик со стихами А. Блока из малой серии «Библиотека поэта», изданной в 1938 году. Остается только удивляться, каким образом удалось сохранить книгу, прошедшую вместе с ее владелицей тюрьму, обыски и ссылку.

Шаламов даже называет стихи, которые он прочитал врачу вслух, наслаждаясь мелодичностью блоковской строки. Он читал: «Девушка пела в церковном хоре», «О дальней Мэри, светлой Мэри» и «В голубой далекой спаленке»... Его память сохранила этот эпизод до малейших подробностей. И как это случалось с Шаламовым неоднократно, одно и то же яркое событие он раскрывает в своей прозе по нескольку раз, но каждый раз по-новому.

В рассказе «Необращенный» можно прочитать следующий диалог:

– *У* меня есть книжка для Вас. Нина Семеновна порылась в ящике стола и достала книжку, похожую на молитвенник.

– Евангелие?

– Нет, не Евангелие, – медленно сказала Нина Семеновна, и зеленые глаза ее заблестели. – Нет, не Евангелие. Это – Блок. Берите.

Я взял в руки благоговейно и робко грязно-серый томик малой серии «Библиотеки поэта»... Я с жадностью читал и перечитывал Блока всю ночь, все дежурство. Кроме «Девушки» («Девушка пела в церковном хоре») и «Голубой спаленки» («В голубой далекой спаленке») там были «Заклятие огнем и мраком», там были огненные стихи, посвященные Волоховой. Эти стихи разбудили совсем другие силы».

Отрывок, приведенный выше, для понимания внутреннего мира Шаламова и того места, которое было отведено в нем Блоку, имеет исключительно большое значение.

В рассказе «Эсперанто» автор высмеивает тех, чей слух, довольствуясь словесной тарабарщиной типа «Ветер воет, гром грохочет», считает их стихами. А далее следует фраза: «Страшно подумать, что это в тоже самое время, в тот же самый год, день и час Блок написал «Заклятие огнем и мраком», а Белый – «Золото в лазури»…»

По какому бы поводу ни заходила речь об истинной поэзии, тотчас мерилом ее подлинности в сознании Варлама Шаламова возникало святое имя Александра Блока. Называя отдельные его стихотворения, он тем самым раскрывает собственные литературные пристрастия.

В рассказе «Зеленый прокурор», характеризуя героя, автор отмечает: «Литература сама по себе интересовала его мало…. В музыке Павел Михайлович был профаном полным, слуха у него не было, а

о блоковском понимании музыки ему и слышать не приходилось…» И заключает: *«Он был чужд искусству и чужд художественному волнению творца…»*

Такая характеристика из его уст звучит подобно приговору. У него была своя система признаков и свои критерии в оценке значительности персонажа.

Многообразна и пестра картина, созданная писателем из упоминаний имени любимого поэта. Она приближает нас к пониманию сложнейших и тончайших вопросов психологии творчества, но не всегда поддается аналитическому рассмотрению. Она впечатляет и без какого-либо анализа.

5

13 мая 1965 года на мехмате в МГУ был проведен вечер, посвященный памяти Осипа Мандельштама. На вечере с рассказом «Шерри-бренди» выступил Варлам Тихонович Шаламов. С тех пор текст рассказа гулял в самиздате, и только в 1988 году появился в печати.

Перед началом своего выступления он сказал: *«Я прочитаю рассказ: «Шерри-бренди». Написал его лет двенадцать тому назад, на Колыме. Очень торопился поставить какие-то меты, зарубки. Потом вернулся в Москву и увидел, что почти в каждом доме есть стихи Мандельштама. Его не забыли, я мог и не торопиться. Но менять рассказ не стал. Мы все свидетели удивительного воскрешения поэзии Мандельштама. Впрочем, он никогда и не умирал. И не в том дело, что будто бы время все ставит на свои места. Нам давно известно, что его имя занимает одно из первых мест в русской поэзии…»*

В «Шерри-бренди» описана та пересылочная тюрьма для заключенных во Владивостоке, где, по преданию, умер Мандельштам, и где Шаламов был годом раньше.

Среди других «Колымских рассказов» этот рассказ занимает особое место. Это - очень страшный и страстный документ. А создание его - акт исключительного личного мужества и творческого самосожжения. Основным событием является угасание творческой воли Поэта, его последние мысли в слабеющем сознании. И хотя имя поэта не названо, вполне узнаваема трагедия Осипа Мандельштама. И в то же время образ героя, безусловно, является обобщением.

Одна из последних мыслей героя, промелькнувших в его сознании, связана с именем... Александра Блока. Читаем: *«Он вспомнил, как плохи, как беспомощны были последние стихи Блока, и как Блок этого, кажется, не понимал…»*

И то, что в такие страшные минуты речь шла об угасании именно творческой личности Александра Блока (пусть даже в других жизненных обстоятельствах) вполне закономерно: слишком нерасчленимы были эти имена в сознании автора. Духовная связь с поэтами у Шаламова не ослабевала ни на минуту.

В своеобразном эссе, написанном в письме к И.П. Сиротинской, которое так и называлось «О моей прозе», Варлам Шаламов признавался: *«Каждый мой рассказ – это абсолютная достоверность. Это достоверность документа. Рассказ «Шерри-бренди» не является рассказом о Мандельштаме. Он просто написан ради Мандельштама, это рассказ о с а м о м с е б е…»* Последняя строка звучит особенно исповедально...

Интересно восприятие рассказа Надеждой Яковлевной Мандельштам. Она отмечала: *«Рассказ Шаламова – это просто мысли о том, как умер Мандельштам, и что он должен был при этом чувствовать, имеется в виду рассказ «Шерри-бренди». Это – дань пострадавшего художника своему собрату по искусству и судьбе».*

Не случайным представляется и выбор названия для автобиографической повести «Четвертая Вологда». Кажется, что он как-то сложно-ассоциативно связан с «Четвертой прозой» Мандельштама.

Рассказ «Шерри-бренди» автор включил уже в первый рукописный сборник «Колымских рассказов», считая, что тема постижения истины и смысла жизни поэта непременно должна прозвучать. Шаламов писал в «Шерри-бренди»: *«Смысл жизни поэта – вдохновение и творческая радость…»* Остается лишь добавить: радость, вопреки всему...

6

1-го июля 1987 года состоялся вечер, посвященный 80-тилетию со дня рождения Варлама Шаламова. Звучали слова о нем, его судьбе и творчестве. В этом многоголосии поражала одна мысль, одна фраза: «Искусство Шаламова – искусство катастрофы человеческого бытия…» Так сказал Сергей Григорьянц.

Кто, как не Поэт, остро ощущает катастрофичность человеческого бытия, а тем более, в XX веке? Шаламов был, прежде всего, Поэтом, и мир воспринимал как поэт с собственным видением, с собственной интонацией и мелодией. И проза его – это проза истинного поэта. Для него минута жизни – это, прежде всего, минута творчества...

В одном из рассказов («Лида») он пишет: *«Озарение пришло, как всегда, внезапно. Внезапно, но после страшного напряжения. Пришло, как приходят лучшие стихи, лучшие строки рассказа... приходит озарение, как радость точного слова, как радость решения».*

И это сравнение – лишь одно из бесчисленных доказательств образного мышления художника и поэта, для которого нет большей радости в жизни, чем радость обретения точного слова...

Еще в первом поэтическом сборнике Шаламова «Огниво» есть стихотворение под названием «Некоторые свойства рифмы», и посвящено оно известному советскому литературоведу Леониду Ивановичу Тимофееву.

В статье «Поэзия – всеобщий язык» Шаламов по этому поводу замечал: *«... огромную роль играет рифма, поисковый инструмент стиха. Это суть рифмы русской, ее свойства, обсуждаемые с Пастернаком в письмах моих еще с Колымы и личных встречах в конце 1953 года в Москве. По этому же вопросу написано мое с т и х о т в о р е н и е «Некоторые свойства рифмы», включаемое во все мои сборники».*

Строки звучали и полемично, и исповедально:

«Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ».

Начальная строчка каждого четверостишия раскрывает, что есть рифма: «провиденье Гомера» и «принудительная мера поэтической красы», «сближение мысли с песней» и «случай побеседовать вдвоем», «подобие ультразвука» и «сверхчувствительный магнит» и «прибор, отразивший всей вселенной разговор…»

Заканчивается стихотворение примечательно:

«Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,
Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространство, все века
Уловила рифма эта,
Зарожденная строка.

Поводырь слепого чувства,
Палка, сунутая в тьму,
Чтоб нащупать путь искусству
И уменью моему».

Разнообразные определения разрушают сложившееся представление о сложном понятии рифмы, в частности, суждения Л.И. Тимофеева, долгие годы преподававшего в московском университете теорию русского стиха. Им написаны монографии и популярные брошюры, учебники и статьи по истории отечественной литературы, в том числе, и о поэзии Александра Блока. В его многочисленных трудах блоковская тема занимает важное место.

Строки стихотворения органичны для Шаламова, но поражают парадоксальностью и оригинальностью поэтической мысли.

По свидетельству Б.Н. Лесняка, после того, как вышла третья книга стихов Варлама Тихоновича, член-корреспондент АН СССР Л.И. Тимофеев предлагал Шаламову свою рекомендацию для вступления в члены Союза писателей. Предлагал ему свою рекомендацию и Борис Слуцкий, но Шаламов почему-то медлил с решением этого вопроса.

В прижизненных публикациях стихотворений тема о назначении Поэзии и Поэта будет звучать многократно, а началась она со слов прямого обращения автора.

Когда пришло последнее десятилетие жизни с новыми испытаниями, он написал новое посвящение, начинавшееся афористичной пронзительной строкой: *«Стихи – это боль и защита от боли...»*

А текст стихотворения звучал как эхо давнего не то спора, не то доверительного разговора.

Стихотворение о свойствах рифмы начиналось словом «инструмент», что было не случайным. В лексиконе поэта, в его размышлениях о психологии творчества это слово встречается в разном контексте. Так, например, в заметках о стихах он высказывает мысль: «Озарение вдохновения – это вершина наибольших удач и открытий. Поэт смотрит на себя как на и н с т р у м е н т познания мира... Природа пишет его пером…»

Как в прерванном диалоге, он продолжает, утверждая: *«Нужно доверие к собственной тайной силе, большая свобода слова, когда нужное выскажется само, а ты только помогаешь кому-то другому – лесу, горе, траве…»*

Такой лирически-обнаженный диалог Шаламов мог вести, пожалуй, только с самым сокровенным и молчаливым собеседником. Вспомним, что в 1921 году Александр Блок, мечтая, призывал к «тайной свободе» поэта.

7

На вечере, посвященном 80-летию Варлама Шаламова, выступал и Евгений Борисович Пастернак. Он говорил о том, что Варлам Тихонович «до безумия был влюблен в русскую литературу, как процесс». Е.Б. Пастернак отмечал, что главное для Шаламова и в прозе, и в стихах – это тема «неистребимости человеческого духа», и назвал шаламовскую литературу «высокой литературой». Это выступление как бы подвело итог диалогу Шаламова и Бориса Пастернака о природе поэтического искусства и мастерства. В их переписке Шаламов был предельно откровенен и до предела обнажал свои раздумья о назначении поэзии.

Ведь для Шаламова Борис Пастернак, по выражению И.П. Сиротинской, *«величайший поэтический и нравственный авторитет».* В свою очередь, Пастернак давал высокую оценку стихотворениям Шаламова, отмечая их точность и предметность, их удивительную пронзительность. Поразительно совпадение их взглядов на многие вопросы искусства.

Уже в первом письме, положившем начало их переписке в конце 1952 года, Шаламов сетовал и мечтал: *«О всем ведь не напишешь... Хотелось бы о Блоке…»* Можно лишь домысливать, о чем именно в связи с Блоком могли беседовать между собой поэты, когда их встречи стали реальностью.

В январе 1954 года Шаламов написал Пастернаку: *«Я отнюдь не смотрю пессимистически на будущее поэзии. Ее способность к бессмертию бесспорна для меня…»* Речь шла о нешуточном вопросе, и как-то естественно в его сознании снова всплывает имя Александра Блока. Он продолжает: *«Бесспорна для меня и ее нерукотворность, что ли, – что она живет в поэте и как-то помимо поэта, как Блоковская Прекрасная Дама, как Гриновская Бегущая по волнам. Что ее нельзя отменить, растоптать, как нельзя и создать…»*

Эти суждения помогают приблизиться к постижению и его творчества, которое невозможно рассматривать в отрыве от традиций Блока.

Имя Александра Блока было свято и служило обоим своеобразным паролем, который открывал их души навстречу друг другу.

27 октября 1954 года Пастернак написал Шаламову: *«… в один из промежутков отчаяния, когда силы души оставляют меня, я отвечаю Вам».*

К этому времени Борис Пастернак уже успел познакомиться со стихами Шаламова, который подарил ему целую тетрадь. По этому поводу читаем: *«Я никогда не верну Вам синей тетрадки. Это настоящие стихи сильного самобытного поэта. Что Вам надо от этого документа? Пусть лежит у меня рядом со вторым томиком алконостовского Блока. Нет-нет и загляну в нее. Этих вещей на свете мало…»* Его слова столь выразительны, что вряд ли нуждаются в комментариях.

Когда Пастернака не стало, Шаламов написал воспоминания, которые И.П. Сиротинская частично опубликовала в сборнике «Встречи с прошлым». Вспоминая о впечатлениях студенческих лет, когда в клубе МГУ ему посчастливилось слушать стихи из сборника «Второе рождение», он пишет о манере чтения собственных стихотворений разными поэтами.

Читаем: *«Стихи читают по-разному. Есть манера Блока, равномерная, энергично отрубающая строку за строкой. Есть напевное чтение Северянина и Есенина. Есть ораторское чтение Маяковского. Пастернак читал стихи, как прозу, ритмизированную прозу. Получается теплее, проще, задушевнее. Тогда в Университете, Пастернак просил прощения, что не умеет читать стихи».* Разве мог Шаламов не упомянуть о блоковской манере чтения? Конечно, нет.

Касаясь эпизода, рассказывающего об их собственных предтечах в поэзии, Шаламов приводит краткий, но интересный диалог:

«Пастернак: – И. Анненский – мой учитель.

Шаламов: – Вместе с Блоком.

Пастернак: – Блока мы все боготворили. Блок был всеобщий кумир... заражались от Блока жертвенностью, святостью поэтического долга, бурей чувств».

Шаламов, как всегда, предельно лаконичен и точен. Он сохранил в памяти только самое главное, а слова Пастернака о Блоке были ему бесконечно близки и дороги.

В том незначительном количестве эпистолярного наследия Шаламова, которое в настоящее время уже опубликовано, имя Блока можно встретить не только в его письмах к Борису Пастернаку.

В июле 1975 года в письме к Ю.А. Шнейдеру он замечает*: «Блок, как и Маяковский, не имел музыкального слуха. Его «музыка революции» очень случайный термин, и при всей его конкретности в нем меньше всего собственной музыки... Пастернак в отличие от Блока и Маяковского – музыкант, оставивший нам волнующую историю выбора одного из двух... Сама необходимость выбора говорила, что стихи и музыка – чуждые друг другу миры…»*

Суждение звучит несколько непривычно, но в главном с ним нельзя не согласиться. Оно звучит как приглашение к беседе или даже спору, во всяком случае, к развитию затронутой темы.

Мысль Шаламова вызывает раздумья, ведет к обобщениям, особенно в координатах намеченных имен и «ценностей». Как видим, имя Александра Блока постоянно живет в его сознании.

В другом письме к тому же адресату Шаламов вспоминает о Блоке уже в другой связи. Речь идет о природе стихотворного творчества. Читаем: *«Стихи – это дар Дьявола, а не Бога, что тот, Другой, о котором пишет в своих записках о «Двенадцати», он-то и есть наш хозяин. Отнюдь не Христос, отнюдь... В стихах до последнего знака неизвестно, с Дьяволом Вы или с Богом. До последнего дня жизни Вашей Вам это не будет известно…»*

В познании духовного мира самого Шаламова эти признания имеют исключительное значение. Они приоткрывают завесу над сложнейшими и потаенными процессами творческой лаборатории мастера, вскрывают истоки и тайну его творчества и вдохновения.

Напомним суждение Александра Блока в статье «Стихия и культура», которое находится в удивительном созвучии с откровением В. Шаламова. Александр Блок писал: «Всякий деятель культуры – демон, проклинающий землю, имеющий крылья, чтобы улететь от нее».

А еще раньше в «Экклезиасте» он обращался не то к обобщенному читателю, не то к гипотетическому собрату по перу:

«Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день».

После создания поэмы «Двенадцать» Александр Блок записал: *«... не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой...»*

Истинное произведение искусства подразумевает различные его толкования; понимание, многозначность образов непременна. Именно так было и с поэмой Блока.

По поводу этих, да и не только этих вопросов Шаламов писал в неопубликованном наброске «Подтекст стихотворения»: *«Нет настоящих стихов без подтекста. Этот подтекст бывает многоплановым и сложным. Прямая аллегоричность есть только наиболее простая форма подтекста. В сложном многоплановом подтексте (он есть у Блока, у Пастернака), где даже эмоциональная строка участвует в создании многоплановости стихотворения, деталь выглядит символом, знаком. (У Анненского, у Блока, у Пастернака, у Цветаевой). Сложное, большой емкости стихотворение – высшая формула русского стиха».*

В апреле 1920 года Александр Блок мысленно вновь возвратился к дням создания поэмы, и в результате размышлений о различных толкованиях произведения, наделавшего столько шуму в среде творческой интеллигенции России, родилась его краткая «записка» о «Двенадцати», в которой он признавался, что писал «в с о г л а с и и со с т и х и е й». По его мнению, стихия охватила тогда все – природу, жизнь, искусство.

Он отмечал: *«Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над ними. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики...»*

Способность отдаваться стихиям мира неоглядно и полностью и составляет главное назначение подлинного художника. Очевидно, именно в таком контексте Шаламов и упоминал о «записке» Блока по поводу поэмы «Двенадцать».

В 1971 году в письме к И.П. Сиротинской он писал о том, что *«при абсолютно достоверной документальности» каждого его рассказа он всегда имел в виду, что «для художника, для автора самое главное – это возможность высказаться – дать свободный мозг тому потоку».*

Затрагивая сложнейшие моменты творческих процессов, он писал*: «Неопределенное чувство ищет выхода и исходит в стихи, в размер, в ритм – или в рассказ».* А далее он высказывает суждение, которое поражает своей необычностью: *«Мысль, содержание губит стихи, и нужно было процедить мысль Соловьева через творческое сито Блока, чтобы явились «Стихи о Прекрасной Даме», «Двенадцать» – это именно попытка понять действительность в новой сугубо форме – частушке. Что в аналогичном положении и аналогичном окружении привело к тем же методам, к тем же результатам такого антипода Блока, как Хлебников…»*

Прочными многогранными и неоднозначными были ассоциации Шаламова, связанные с судьбой, творчеством и духовным миром Александра Блока. В этом убеждают строки его стихов, рассказов и писем...

8

Творческое наследие Варлама Шаламова разнообразно, и значительное место в нем занимают статьи и эссе, большая часть которых была опубликована только в начале 2000-го года. Благодаря Ирине Павловне Сиротинской, мне представилась счастливая возможность еще в 1989 – 1990 году познакомиться с еще неопубликованными рукописями Варлама Тихоновича.

А при жизни поэта вышла только о д н а его статья по проблемам поэтического творчества под названием «Звуковой повтор - поиск смысла. Заметки о стиховой гармонии». Это была обширная и серьезная теоретическая работа, где Шаламов предстает перед читателем в необычном для себя качестве. Статья потребовала от автора глубоких знаний в области филологии и теории стиха.

Говоря о единых законах Поэзии, Шаламов, конечно, не может не упомянуть и об Александре Блоке. Читаем: «У Пушкина и Лермонтова просто нет стихов без доступной любому слуху грубой звуковой фактуры. Великим мастером звуковой магии был Блок. Несравненным звуковым организатором своих стихов была Цветаева…»

В данном конкретном примере контекст, в котором называлось имя Александра Блока, достаточно выразителен. В череде великих мастеров «звуковой магии» российского стиха появление Блока вполне закономерно и оправдано.

В другом месте статьи, рассматривая вопросы построения отдельной поэтической фразы, ее звучания и особенности, Шаламов пишет: *«Главные звуки также имеют свою парность... Не зная этой особенности звукового построения речи, нельзя понять творчество Пушкина, Лермонтова, Блока, Пастернака. Конечно, истинные повторы «неназойливы». Не назойливы, но необходимы, единственно совершенны. «Неназойливость» очень велика у Блока».*

Пример поэтического мастерства и совершенства Александра Блока звучит убедительно, и в свою очередь «неназойливо».

С известной долей категоричности и однозначности трактовки выражено следующее суждение автора статьи, причем вновь можно встретить упоминание Блока. Читаем: «Когда Блок пишет: «Зашуршали тревожно шелка»... – он делает это не затем, чтобы до наших ушей донести шелест шелкового платья, а затем, чтобы укрепить трезвучие, на котором держится стихотворение…. Быть может, этот пример и имеет основания, но звучит излишне однолинейно, а может, и неубедительно для читателя.

В финале статьи имя Александра Блока можно встретить еще раз. Шаламов утверждает, что *«стихотворение – это смысловое торможение звукового потока», это – «отливка в смысловые формы звуковой расплавленной лавы…» Эту постоянную работу ведет каждый поэт.* И далее: *«Испытания и поиск идут именно на грани звукового «шума времени» по Мандельштаму или «музыки революции» по Блоку. Стихи – это особый мир, где чувство и мысль, форма и содержание рождаются одновременно под напором чего-то третьего и вовсе не названного ни в словаре политики, ни в категории нравственности. Все начала вместе рождаются и вместе растут, обгоняя друг друга, уступая друг другу дорогу, и создают необыкновенно важную для поэта художественную ткань».*

Нередко Шаламов противоречит самому себе, но каждый раз он предельно искренен и в данный момент убежден именно в этом.

Он выступает и как теоретик, рассматривающий развитие русской рифмы во времени. Не случайно он опирается на художественную практику поэтов, чей авторитет для него, да и для всех, кому дорога отечественная поэзия, непреходящ и недосягаемо высок. Он подходит к постижению таинственных законов поэтического творчества с новой стороны и обращается к опыту Александра Блока, вновь задумываясь над понятием «музыка революции».

В 1988 году появилась в печати его давняя работа под ироничным и несколько шутливым названием «Таблица умножения для молодых поэтов», где он развивает многие мысли, затронутые в прежней работе. И начинает он со следующего «постулата»: *«Напрасно говорят, что большие поэты диктуют свои «законы», правила, но для искусства нет никаких общих законов и т.д. Тайны искусства есть, и постижение этих тайн – важная задача поэта. Эти тайны искусства имеют мало общего с поиском размера, овладения рифмой…»*

Формулировки Шаламова афористичны и запоминаются быстро. И звучат они не только как обобщение его многолетних раздумий, но и как своеобразное завещание старшего дерзающим и начинающим.

Отдельные из его «постулатов» уже встречались в других его произведениях и даже в письмах, но теперь он придал им более законченную форму. Вот только несколько из его афоризмов:

- «Поэзия – это неожиданность»;
- «Поэзия – это жертва, а не завоевание. Обнажение души, искренность, «самоотдача»…»
- «Поэзия – это судьба, а не ремесло. Пока кровь не выступает на строчках, поэта нет, есть только версификатор…»

Многие суждения показывают Шаламова как оригинального мыслителя и психолога: *«Чувство гораздо богаче мыслей. Поэзия своими средствами: подтекстом, аллегорией, интонацией, звуковой организацией, переплетенной со смысловым содержанием, сопоставлением дальнего и близкого, стремится донести до нас именно то, что не может быть вполне ясно выражено словами, но, тем не менее, существует вопреки Декарту. Стихи работают в пограничной области».*

Его, как и Александра Блока, занимали вопросы национальных истоков поэзии и сложной ее связи с жизнью. Он пишет: *«Поэзия не-*

переводима. Глубоко национальна. Совершенствование поэзии, развитие бесконечных возможностей стиха лежит в границах родного языка, быта, предания, чувства, литературных вкусов. Свободный стих продиктован желанием сделать язык переводимым, приближающим его к прозе…»

Сгруппированные по скрытой от постороннего глаза логике, его «постулаты», афоризмы раскрывают Шаламова по-новому и расширяют прежние представления о масштабе его личности.

В том же году в журнале «Сибирские огни», помимо неизвестных ранее стихотворений, были напечатаны «Заметки о стихах», которые содержат ряд самостоятельных разделов и подглавок. Так, в разделе, посвященном рифме, автор подробно останавливается на особенностях рифм Александра Блока и цитирует ставшие уже классическими строки о России: *«Совсем иное понимание рифмы, чем у Бальмонта и Маяковского, было у Александра Блока… «Рожденные в года глухие…» (глухие – России, своего – ничего) или другое – «Россия, нищая Россия» (России – ветровые, твои – любви)… В чем же дело? Это даже не «глазная», а просто плохая рифма. И невозможно поверить, чтобы такой поэт, как БЛОК оставил такие недоделки в своих стихах. Недоделок тут нет. Тут совершенство иного рода, чем погоня за напевностью или желание добиться рифмой, чтобы стихи запомнились. Здесь выступает третье начало рифмы, третье ее значение. Рифма служит Блоку лишь поисковым инструментом…»*

В стихах Блока Шаламов получает как бы подтверждение своим выношенным мыслям о рифме как поисковом инструменте. Теперь он заключает: *«После того, как нащупан лучший, наиболее выразительный, вариант, строки взяты под контроль смысловой и Блок уверен, что смысловая сторона дела тут выражена наилучшим образом – он прекращает поиск не рифмы, а того содержания, того мира, который привнесла рифма в его стихотворение…»*

В публикацию вошло пять отрывков из «Заметок о стихах», и почти в каждом так или иначе, в разных контекстах, можно встретить упоминание имени Блока, что в авторской ткани предельно органично и естественно...

Так, в разделе «О книжности и прочем» мелькают строчки: «Стихи в жизни людей значат очень много. Тяжелая раковая больная

Вера Николаевна Клюева, автор словаря синонимов, профессор литературы, умерла во время чтения стихов Блока. Дочь читала. Умерла, как Петроний в Риме».

Не может оставить равнодушным и другое упоминание в подглавке, названной автором довольно длинно: «О словах «творчество», «гений», «цикл», «книжность», закон «все или ничего» Шаламов пишет: *«Мы очень мало обращаем внимания на «книжность» поэта. У больших поэтов есть книжность. Ярчайшие представители книжного стиха – это Мандельштам и Цветаева. Но у них у обоих сквозь книжность так ярко проступает судьба, так ярко чувствуется боль, что даже уход в книжность кажется стремлением защититься от этой боли…»*

Нет сомнения, ему самому также было знакомо подобное состояние, близко и понятно, поскольку сам он не раз находил спасение в уходе в «книжность».

Примечателен финал отрывка: *«Книжность у больших поэтов преодолевается – Мандельштама и Цветаевой – тем, что для обоих поэзия была судьбой, и это ярко выражено в каждом стихотворении. А у Пастернака сквозь якобы книжность было всегда такое яркое, т а к о е с в е ж е е в о с п р и я т и е м и р а, к а к о г о н е б ы л о н и у о д н о г о р у с с к о г о п о э т а, к р о м е, м о ж е т б ы т ь, Б л о к а, к о т о р ы й н а м и д о с и х п о р н е о ц е н е н к а к с л е д у е т…»*

И трудно не согласиться с Шаламовым. Ведь на самом деле космос поэзии Александра Блока беспределен и не раскрыт до конца. Да и может ли он быть раскрыт до конца?

* * *

«Я – летописец собственной души…» Так Варлам Тихонович признавался в письме к И.П. Сиротинской. И эту мысль особенно ярко иллюстрируют его статьи, наброски, заметки, эссе. Он составил рукописную книгу этих работ, назвав их просто «Заметки о стихах». В сборник вошли работы, написанные им в основном в начале 60-х годов. Рукопись довольно обширна и по кругу затрагиваемых в ней вопросов, и по количеству страниц.

На первый взгляд, некоторые фрагменты как бы повторяют друг друга, но на самом деле это не так, просто они отражают одну особенность писателя – его способность к одной и той же теме, к одному

и тому же вопросу подходить в своих размышлениях многократно, каждый раз рассматривая их по-новому, в новом кольце аргументов, фактов, сопутствующих явлений. Так отшлифовывались им основополагающие выводы и обобщения.

Его размышления о природе рифмы, искусства, как он говорил, «краесловия» менялись со временем. Представления об этом элементе всякого поэтического творчества расширялись и уточнялись. В этой связи его интересовало буквально все: виды классических рифм и «сомнительных», последовательность появления первых и последних четверостиший, первых и последних строк у разных поэтов. Он сравнивал и сопоставлял, анализировал и восхищался, но почти каждый раз вспоминал о рифмах, которые встречаются в лирике Александра Блока.

Читаем: «И Блок оставляет в строфе, казалось бы, посредственные, сомнительные рифмы:

«Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего,
Мы – дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего».

Никакой читатель, никакой слушатель не замечает тут рифмы. Такова выразительность, сила стихотворения. Здесь выразительность стиха достигнута рифмой, но не в ее мнемоническом качестве и не благозвучием «краесловия». Рифма, выполнившая свою службу, сыграла свою роль поискового инструмента и была отодвинута в сторону. У Блока, да и не только у Блока, таких примеров немало. Удивительным образом оказывается, что Блок в самых сильных своих строках недостаточно отделывал собственно «краесловие»:

«Россия, нищая Россия.
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви».

Интересен и совсем уж неожидан вывод, к которому приходит Шаламов: *«Блок, так же, как и Гете, НЕ ХОТЕЛ (выделено В.Ш. – С.Ш.), чтобы звонкая рифма, привлекающая внимание, помешала главному - тому, что уже вошло в стихи».*

Этот отрывок заметно дополняет то, что хорошо известно из его более ранних публикаций. Примечательно, что выбор цитат остается практически одним и тем же. Очевидно, это были одни из любимейших стихотворений Блока.

Повторное обращение к теме угасающей поэтической воли можно встретить в отрывке под названием «Все или ничего», где Шаламов, словно продолжая с кем-то беседу, пишет: *«Странно читать стихи Блока последнего его года. Написал он немало, но эти строчки такого рода, что стихами их считать нельзя (из поэмы «Возмездие»). А. Блок, умирающий Блок, считал, по-видимому, что пишет стихи».*

Нет сомнения, что в свое время эти строки произвели на Шаламова, как читателя, такое ошеломляющее и даже удручающее впечатление, что он никак не мог об этом забыть и все силился их осознать. Отчего последние наброски к «Возмездию» так беспомощны и слабы? Искал ответ, и не находил его...

И не случайны его размышления о творческой требовательности каждого поэта, особенно в период подготовки прижизненных сборников стихов. Опять в качестве примера, Шаламов обращается к творческому наследию Блока: *«У нас есть очень интересное издание Блока (кажется, в 1932 году был издан двухтомник, белая такая обложка). В первом томе (поменьше) собраны стихи, которые при жизни Блока печатались и входили в сборники, а во втором томе собраны стихи, которые Блок написал, но в сборник не включал…»*

Варлам Тихонович заключает: *«В высшей степени поучительная картина. Вам кажется, что стихи 2-го тома не хуже первого, и не понятны мотивы поэта, но требовательность ясна. Иногда стихотворение нуждалось в сущем пустяке – замене одного слова в отдельном большом стихотворении. И все же работа над стихотворением не была закончена, и в печать Блок этих стихов не давал…»*

Мимо внимания Шаламова не проходили не только различные издания любимого поэта, но даже статьи, в которых могла идти речь о нем.

Так, например, в разделе «Признание и понимание» он называет статью о свободном стихе, появившуюся в 1963 году в журнале «Вопросы литературы».

Шаламов пишет: *«Квятковский в своей статье не совсем добросовестно обошелся с Блоком, у которого свободные стихи состав-*

ляют, вероятно, 1/1000 часть всех стихов». Он явно недоволен примером, который приведен автором статьи, и с явным пристрастием заключает: *«Мне кажется, что образцов, превосходящих это стихотворение, у Блока много - их 687! По сравнению с остальными 687 стихотворениями это кажется лишь черновой записью, наброском…»*

Рассматривая вопрос об эпигонстве в поэзии, Шаламов вновь обращается к имени Блока, считая, что у него было немало эпигонов, и в качестве примера называет поэта В. Гофмана, выказывая при этом прекрасное знание поэзии начала века, причем представленной не только широко известными именами, но и давно забытыми.

В главе, посвященной проблемам разнообразия поэтической интонации, Шаламов размышляет вслух: *«Интонация – это те особенности, которые складываются в строке, в строфе, в отдельном стихотворении. Эти особенности, прежде всего, относятся к своеобразной расстановке, расположению слов в строке, к тому, что называется инверсией…»* Он постигает все тонкости поэтического мастерства, четко формулирует понятия, и ориентиром, точкой отсчета всех этих непреходящих ценностей для него служит поэзия Александра Блока, она ближе ему, чем какая-либо другая. Отрывок заканчивается обобщением: *«Всякое истинное произведение искусства,* – пишет Шаламов, – *это открытие, новость, находка. Если бы Блок написал «Возмездие» онегинской строфой, стихи не прозвучали бы так, как они звучат сейчас... Блок слишком тонкий поэт, чтобы заниматься звукоподражанием».* Далее он приводит знаменитейшую строку: *«И вздохнули духи, задрожали ресницы…»,* – и задает риторический вопрос: *«Это звукоподражание?».* И тут же с уверенностью отвечает: *«Отнюдь нет ...»*

Шаламов рассматривает и вопрос об «организации звуковой опоры стиха», и о развитии в русской поэзии ямба, и о канонических размерах русского стихосложения, при этом соотнося «уровни» поэтического мышления разных художников.

И если до этого он приводил примеры «сомнительной и примерной» рифмы Блока, то теперь он отмечает «продуманность» его рифмы.

Указывая на иронические интонации в стихах Гейне, Шаламов не упускает возможности заметить: *«В русском языке есть отличный перевод Блока…»*

В состав сборника критических статей Варлам Шаламов включил своеобразные миниатюры, раскрывающие преемственность современных ему поэтов и наследие поэтов начала века. Вот названия некоторых из них: «Ахматова и Винокуров», «Панова и Межиров», «Сельвинский и Блок»...

В последней Шаламов замечает: *«Л.И. Тимофеев написал работу о принципе контрастности в поэзии Блока. Но ведь контрастность – это элементарно, это начальная поэтическая грамотность – использование и овладение способом контраста. Любой поэт пользуется этим приемом. Находки Блока гораздо сложнее. Только о рифмах можно написать много. Рифмы Блока бывают разные. Рифмы всегда целенаправленны... Ритмические находки, интонационные находки Блока очень велики…»* И далее: *«Звуковая организация стихов Блока находится на очень большой высоте: «И оснеженные колонны. Елагин мост и два огня…»* Шаламов сдержан и взволнован, он называет еще два любимых стихотворения Александра Блока – «Шаги командора» и «Ангел бури – Азраил», и заканчивает словами: *«... все это величайшие вершины русской поэзии, взойти на которые удалось только Пастернаку…»*

В середине 70-х годов Шаламов вновь обращается к осмыслению творчества Александра Блока. В его архиве сохранилась рукопись с записями. В ней более пятидесяти страниц, но в связи с болезнью Паркинсона, почерк писателя настолько изменился, что требуется кропотливейшая работа по дешифровке этих записей. Однако даже предварительное их изучение уже дает представление о круге вопросов, которые занимали писателя. Начинается рукопись воспоминаниями о том, какое на него сильное впечатление произвела поэма «Двенадцать». Отчетливо можно прочитать строку: «Блок встретил меня оглушительным ритмом сиюминутности в «Двенадцати»...

Значительное место занимают мысли о личной жизни поэта, о стихах, навеянных образами Волоховой и Дельмас, после чего следует заключение: «У Блока нет чужих стихов…» Шаламов называет цикл «Кармен» «гениальным», и в скрытой полемике с кем-то пишет: «Все «романы» Блока – это поиск физического соответствия, связанного с духовным…»

Даже по отдельным словам можно предположить, что именно волновало Шаламова в этот период. В каждой фразе ощуща-

ется глубокое сочувствие, понимание и оправдание поведения Блока – человека в определенных конкретных ситуациях. Шаламов глубоко со-переживает душевной драме трагического поэта-лирика.

Более восьмидесяти страниц включает в себя и другая работа Шаламова - рукопись 70-х годов «Блок и Ахматова». Однако в ней еще больше, чем в предыдущей работе, непонятных, не читаемых пока мест. Текстологический анализ рукописей Варлама Шаламова еще только впереди. Все неопубликованные рукописи Шаламова – это своеобразный «лирический дневник» его души.

Тему «Александр Блок в жизни и поэтической судьбе Варлама Шаламова» можно сравнить с айсбергом, бóльшая, подводная часть которого незаметна.

Варлам Шаламов – поэт другой формации, другого времени, другой судьбы, чем у Александра Блока и, тем не менее, многое роднит их и делает духовно близкими, но особенно роднит их понимание высокого назначения художника в мире, его гражданского и творческого долга.

А стихи – это интимный разговор с человеком, разговор с самим собой, разговор с Богом.

Внутреннее общение Шаламова с одним из самых трагических поэтов XX века не прекращалось ни на минуту. Их миры оказались неотделимы друг от друга.

Одно из своих лучших стихотворений Варлам Шаламов посвятил Поэзии. Такое посвящение можно сделать только очень близкому и дорогому существу, да она, поэзия, и была для него живой реальностью. Строки находятся в интонационном и смысловом созвучии с лучшими строчками Александра Блока. Они звучат как своеобразная перекличка двух великих поэтов страшного XX века:

«Если сил не растрачу,
Если что-нибудь значу.
Это сила и воля - твоя.

В этом – песни значенье,
В этом – слов обличенье,
Немудреный секрет бытия.

Ты ведешь мою душу
Через море и сушу,
Средь растений и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
Ты приводишь июли
Вместо вечных моих декабрей.

Ищешь верного броду,
Тащишь свежую воду
К моему пересохшему рту.

И с тобой обрученный,
И тобой облученный,
Не боясь, я иду в темноту.

И на небе – зарницы,
Точно перья жар-птицы
Неизвестных еще островов.

Это – мира границы.
Это – счастья крупицы,
Это – залежь сияющих слов».

К таким прекрасным, трагическим и светлым строчкам не нужны какие-либо дополнения и комментарии....

(Эта работа так и осталась неопубликованной, но фрагменты ее звучали в Доме-музее Блока и Доме-музее Шаламова)

Глава 3

«Да не судимы будем…»

«Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни».
Из воспоминаний
Варлама Шаламова

В отечественную и мировую литературу Варлам Тихонович Шаламов вошёл вопреки всем испытаниям его многотрудной и мученической жизни, и занял в ней достойное место. Так же органично вошёл он и в литературную среду 60-х годов, когда после двадцатилетнего пребывания в небытии ГУЛАГа напряжённо работал над своими «Колымскими рассказами».

Его ценили Борис Пастернак и Борис Слуцкий, отдавал должное его мужественному перу Александр Исаевич Солженицын. Писательский и поэтический талант Шаламова высоко ставили Вера Инбер и Арсений Тарковский (последний давал ему рекомендацию в Союз писателей), Эмма Герштейн и Фрида Вигдорова, но особенно – Надежда Яковлевна Мандельштам.

В этом кругу достойнейших имен как-то в стороне стоит имя Константина Паустовского, хотя нет сомнения, что они были лично знакомы и, скорее всего, их встречи происходили в Тарусе, где часто отдыхала Н.Я. Мандельштам, и куда приезжал навещать ее Варлам Тихонович. Обычно она останавливалась в семье Оттенов, соседей Паустовского, – их дома стояли почти рядом...

В начале 60-х годов Шаламов жил напряжённо, ощущая, как он сам писал своему другу солагернику А.З. Добровольскому, свою «нужность жизни и людям».

Часто выступал в различных аудиториях, читал свои стихи. По этому поводу даже иронизировал: *«... все эти дела, куча новых именитых знакомств... всё это идёт в большом нервном напряжении…»*

О том, какое неизгладимое впечатление производил на окружающих Варлам Шаламов, вспоминала позже Ирина Емельянова: *«Помню Варлама Шаламова, возникшего на пороге Потаповского в брезентовом дождевике с рюкзаком за плечами и его необыкновенное, опалённое, сожжённое навеки колымскими ветрами лицо, его почти обугленные руки. Весь он, как живая память человечества о годах горя».*

Это был короткий, насыщенный впечатлениями от встреч, период. Вскоре Шаламов ограничит свои знакомства и станет едва ли не затворником.

В своих рассказах Шаламов практически никогда не упоминает кого-либо из писателей-современников, за исключением только одного Паустовского. О нём он пишет в двух своих рассказах, причем немалый интерес представляет контекст этих упоминаний.

Так, в рассказе «Визит мастера Поппа» читаем отрывок, посвященный Константину Паустовскому: *«... я жил в той же самой гостинице, близ содового завода, где в одной из комнат Константин Паустовский строчил свой «Кара-Бугаз». Судя по тому, что Паустовский рассказал о том времени, – тридцатый и тридцать первый годы, – он вовсе не увидел главного, чем были окрашены эти годы для всей страны, всей истории нашего общества. Здесь на глазах Паустовского проводился великий эксперимент растления человеческих душ, распространённый потом на всю страну и обернувшийся кровью тридцать седьмого года. Именно здесь и тогда проводился первый опыт новой лагерной системы – самоохрана, «перековка», питание в зависимости от результатов труда. Система, которая достигла расцвета на Беломорканале... здесь, именно здесь был решен вопрос, быть или не быть лагерям после проверки рублем и заработком... После опыта Вишеры – удачного, по мнению начальства, опыта, – лагеря охватили весь Советский Союз... Вот чего не увидел Паустовский, увлеченный своим Кара-Бугазом».*

Но следует обратить внимание на важный момент в творческих судьбах писателей: оба находились в разных жизненных ситуациях.

Шаламов пережил первый арест и отбывал срок на Вишере. Он наблюдал жизненные процессы как бы изнутри. Глаз его был проницателен в постижении действительности, глубок и остёр.

Паустовский в это же самое время переживал творческий взлет после длительных поисков собственного жанра и собственной интонации.

Жизненный опыт, среда, ситуации, масштабы – всё было различно. Их художнические «зеркала» по-разному отразили окружающее.

Однако представляет немалый интерес то обстоятельство, что из всей писательской пестрой на таланты среды 20–30–х годов Шаламов выделил только Паустовского. Нет сомнения, это было не случайно. Оказывается, он был хорошо знаком с творчеством писателя и следил едва ли не за каждой его новой публикацией. Отчего так?

В другом рассказе – «Галина Павловна Зыбалова» – автор вновь возвращается ко времени строительства Березниковского солевого комбината и опять упоминает имя Константина Паустовского, причём и здесь его суждения достаточно резки и категоричны, хотя контекст имеет иные нюансы. Читаем: *«Стройка эта ещё ждёт своего описания. Надежды на Паустовского не оправдались. Паустовский там писал и написал «Кара-Бугаз», прячась от бурливой, кипящей толпы в березниковской гостинице и не высовывая носа на улицу…»*

Шаламов убеждён в нравственной ответственности каждого пишущего, но особенно тех, кто обладает поэтическим видением мира. Это он не уставал повторять самым разным лицам. Вот отчего так жёстко звучат его слова о Паустовском, которого он считал поэтом по его мироощущению и мировосприятию. Это доказывают и другие строки Шаламова.

В августе 1955 года, вернувшись после колымских лагерей в Москву, он написал А.З. Добровольскому: *«Паустовский с «Беспокойной юностью» выступил напрасно. Это – перепевы Бабеля, не для его пера…»* Последняя фраза звучит несколько загадочно и рождает естественный вопрос: что же было для пера Паустовского? Возникает двусмысленность, оборванная фраза остаётся без продолжения. Слышен даже оттенок лёгкой досады – «не для его пера…»

В архиве Шаламова сохранилась рукопись под названием «Заметки о стихе», часть которой уже появилась в печати. В опублико-

ванных главах на нескольких страницах Шаламов пишет о Паустовском, чей писательский дар и манера письма, очевидно, не оставляли его равнодушным. Интонации написанного заметно отличаются от тех, что имели место в рассказах: *«Паустовский написал рассказ «Гекзаметр». Это – один из лучших его рассказов. Рассказ интересен тем, что доказывает, что писателя не оставляет мысль о происхождении стихов. И он строит соответственную гипотезу – яркую и оригинальную в данном случае…»*

Размышления о месте высокой Поэзии в духовной жизни человека – вот та «точка отсчета», которая, безусловно, сближала их внутренние миры. Как и Паустовского, Шаламова ни на минуту не покидали мысли о сущности и таинстве Поэзии, о ее назначении в жизни. Достаточно лишь вслушаться в отдельные суждения Шаламова о поэзии, написанные им в разные годы и по разным случаям: *«Я пытаюсь то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира, мира, к которому я так и не привык за семнадцать лет Колымы…»* И ещё: «*Природа и поэтическое слово – это последняя надежда человека».*

А вот поэтическое откровение, за которым еще столько невысказанного:

«Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых.
Покрытых рубцами морщин.
Сто жизней проживших сполна
Не мальчиков, а мужчин.
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.
Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин».

(1962)

Но не это ли исповедовал и Константин Паустовский? Так постепенно строки раскрывают глубинное сродство их душ. «Природа

и поэтическое слово» – источники вдохновенного слова прозы Паустовского, который сумел прожить так, что ни в единой мысли и строке не лукавил ни перед читателем, ни перед самим собой, как не лукавил и в жизненных непростых обстоятельствах.

Наиболее полно мысли о поэзии Паустовский высказал в своей знаменитой «Золотой розе», что может составить предмет отдельного разговора.

Второе упоминание Шаламовым имени Паустовского в статье «Заметки о стихах» звучит несколько неожиданно: *«Я совершенно согласен с Паустовским, что если бы в русской поэзии ничего другого и не было (речь идёт о вступлении Пушкина к поэме «Медный всадник» – С.Ш.), то русская поэзия всё равно существовала бы и гордилась собой»*.

Так возникает ощущение скрытого диалога, и даже переклички двух мастеров.

Судя по этому отрывку, Шаламов был пристрастным читателем «Золотой розы». Вспомним, как о Пушкине сказано у Паустовского в подглавке «Язык и природа»: «Северные белые ночи, летние ночи Ленинграда – это непрерывная вечерняя заря или, пожалуй, соединение двух зорь, вечерней и утренней. Никто не сказал об этом с такой поразительной точностью, как Пушкин:

«Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой её гранит.
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный.
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса».

Эти строки – не только вершины поэзии. В них не только точность, душевная ясность и тишина. В них всё волшебство русской речи. Если бы можно было представить, что исчезла бы русская поэзия, что исчез бы сам русский язык, а остались от него только эти несколько строк, то и тогда богатство и певучая сила нашего языка были бы ясны каждому». По мнению Паустовского, в Пушкине «собраны, как в магическом кристалле, все необыкновенные качества нашей речи».

А теперь вслушаемся в финал статьи Шаламова*: «Нужно доверие к собственной тайной силе, – пишет он, – большая свобода слова, когда нужное выскажется само, а ты только помогаешь кому-то другому – лесу, горе, траве…»* Но под этими словами вполне мог бы подписаться и Паустовский.

Варлам Тихонович был убежден, что «ощутить и оценить в деталях поэта может только другой поэт», и потому, быть может, он был сам так пристрастен к слову, оставленному глубочайшим лириком отечественной прозы, каким современники по праву считали Паустовского. Ему так же «кто-то помогал» писать столь вдохновенно о дожде и траве, о закатах и деревьях, запахах и той неуловимой магии, которую человек ощущает среди русской природы. Нет сомнения, что Шаламов прочитал в «Золотой розе» и предысторию создания «Кара-Бугаза.

Паустовский вспоминал: *«... я начал писать «Кара-Бугаз» в гостинице в Соликамске. Она помещалась в бывшем монастырском здании. В гостинице пахло XVII веком – ладаном, хлебом, кожами. По ночам сторожа в тулупах отбивали часы в чугунные доски. В мутном свете снегов белели древние алебастровые соборы времен «царствования Строгановых»...*

Он как бы существовал в совсем ином времени, и в это время умело переносил и читателя. Но особенно важно признание, каким заканчивает писатель эту подглавку. Он пишет: *«Когда я работал над «Кара-Бугазом», я думал главным образом о том, что многое в нашей жизни наполнено лирическим и героическим звучанием, которое можно выразить живописно и точно…»* И решению этой задачи он подчинил все свои помыслы, как бы не замечая окружающего.

Но вернёмся к статье Шаламова «Заметки о стихе», где в третий раз упоминается имя Константина Паустовского. Шаламов пишет: *«Многие, например, Паустовский хвалил стихотворение Бунина о*

Чехове – «Художник». Да, здесь удачно сформулирована чуть ли не главная мысль, развитая Буниным в «Жизни Арсеньева» и в «Лике». Но нельзя сравнивать это с «Художником» Блока…»

Иван Бунин посвятил Чехову стихотворение «Художник» в 1908 году, после смерти художника, мысленно с ним не расставаясь и живописуя свои печальные воспоминания:

«Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам.
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжёл.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога – как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!».

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его - как сизы
На жарком солнце траурные ризы.
Как жёлт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп.
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защёлкает, взовьётся от забора –
И ну плясать и стукать клювом в гроб!».

В груди першит. С шоссе несётся пыль.
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... всё прочее есть гниль…»

Александр Блок создаёт стихотворение совсем в ином ключе; он создаёт обобщённый образ Вдохновения:

«В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Лёгкий, доселе не слышанный звон.

Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Лёгкую, добрую птицу свободную.
Птицу, хотевшую смерть унести.
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка – стальная, тяжёлая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то весёлая.
Обруч качает, поёт на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять».

Напомним, что очередной свой срок Шаламов получил на Колыме по доносу за суждение об Иване Бунине, когда назвал его великим писателем, что было расценено как криминал. Надо ли говорить, сколь благоговейно относился к Бунину и его наследию Константин

Паустовский, который писал о нем неоднократно и одну из глав «Золотой розы» посвятил Бунину, Чехову и Александру Блоку. Есть, над чем призадуматься в скрещении имен и проекции их в строки, как Паустовского, так и Шаламова.

В ряду рассмотренных вопросов отдельные признания Шаламова о месте поэзии в его внутренней жизни звучат, словно исповедь. Он признается: *«Для меня никогда стихи не были забавной игрой. Я считал стихи беседой человека с миром на каком-то третьем языке, хорошо понятном и человеку, и миру, хотя родные-то языки у них разные…»*

И продолжает: *«Я понял, что писателя делает поэтический напор... как будто слова спасаются от пожара, возникшие от случайной причины где-то внутри, и вырываются, выбегают на бумагу…»* Все его признания находятся в интонационном ключе, сходном с мелодией Паустовского.

Небезынтересно и другое суждение Варлама Шаламова: *«Я никогда никого ни с кем не сравниваю. Я снимаю понятие масштабов. И как бы ни была грандиозна сила другого поэта – она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено виденное мной».*

Это высказывание, вероятно, поможет понять тайну сложнейшего «узла» имён. Александр Блок был для Паустовского и Шаламова высшим и несомненным авторитетом и совестью.

Почти в каждой строке Шаламова о Паустовском угадываются лёгкие нотки если не осуждения, то пристрастности человека, имеющего «право на суд», хотя Шаламов неоднократно утверждал, что *«человек не имеет права судить кого-либо в жизни…»*

Парадокс и внешний налёт противоречивости сопровождает слово Варлама Шаламова не один раз, когда прикасаешься к «кровоточащей» (слово самого писателя. – С.Ш.) прозе и стихам его, и к статьям, даже к письмам, особенно письмам к Солженицыну, Пастернаку и Н.Я. Мандельштам. Не замечая того, сам он «судил», и при том субъективно и резко.

Шаламов писал: *«Надежды на Паустовского не оправдались…»* Здесь возникает целый ряд вопросов: чьи надежды? На что именно? И почему свои надежды он возлагал именно на Паустовского?

По мнению Варлама Шаламова, *«писатели есть судьи времени»,* а в истинности писательского назначения судьбы Паустовского он, безусловно, не сомневался. Для современников поэт есть и должен

быть нравственным примером, как справедливо писал Шаламов, но разве Паустовский не был таким примером для многих поколений? Разве его произведения не направлены на созидание души каждого, кто брал его произведения в руки, кто задумывался над его словами?

Почти те же вопросы возникают при мыслях о судьбе Варлама Шаламова, чья верность нравственным идеалам испытывалась исключительно жестоко и мучительно.

Нет, они не антагонисты в едином потоке культуры и жизни. Различия жизненных и творческих (отчасти) позиций – суть внешнего, но «сердцевина» где-то там, на недосягаемой глубине, сходна.

Диалог предполагает два голоса. Сохранился ли голос Паустовского о Шаламове?

Ответ определят будущие разыскания…

И лишь в самое последнее время стало известно, что сохранилось письмо Варлама Тихоновича к Паустовскому, датированное 1 августа 1967 года... И это ли не свидетельство их жизненной связи?

Оба сумели сохранить достоинство Человека и Писателя незапятнанным, сохранить его, вопреки их непростому времени...

(Эта работа была завершена 15 июня 1994 г.).

Глава 4

На пересечении поэтических судеб *(Варлам Шаламов и Борис Слуцкий)*

В обширнейшем издании В.Т. Шаламова «Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела» (М., 2004) есть раздел «Под оком стукача».

Оказывается, Шаламов, уже освободившись из лагеря и ссылки, продолжал находиться под бдительным надзором органов, хотя реабилитации он добился намного раньше других – еще 18 июля 1956 года.

По этому поводу составитель и публикатор его работ И.П. Сиротинская замечает: «… предлагаемая вниманию читателей публикация являет собой новый литературный жанр: донесения осведомителей». Благодаря одному такому донесению стали известны подробности взаимоотношений Шаламова с едва ли не первым его рецензентом – поэтом Борисом Слуцким.

* * *

В Шаламовском сборнике (Вологда. № 3. 2002) в публикации С. Поцелуева приведены тексты ряда доносов осведомителей на Шаламова.

Приведем почти полностью текст донесения № 7 от 23 декабря 1957 года.

«…Слуцкий Борис, поэт, в своих стихотворениях пытается охаивать патриотические чувства советского народа в период Отечественной войны... встретился с Варламом Тихоновичем Шаламовым и его женой Ольгой Сергеевной Неклюдовой и был у них дома на Хорошевском шоссе, д. 10, кв. 2... В разговорах о литературе Шаламов рассказал, что вышла «интересная книга стихов Слуцкого «Память»…»

Когда И. (так зашифровано имя осведомителя и в данном случае свидетеля бесед Шаламова – С.Ш.) выразил свое мнение о том, что книжка эта вычурна и мелка по постановке стихотворной темы, *«Шаламов заявил, что то, что вошло в эту книгу, – это наименее интересное из всего, что Слуцким написано, что Борис Слуцкий – талантливый поэт, но из-за создавшихся в литературной политике обстоятельств, лишен возможности печатать свои лучшие стихи и читает их только в домах своих знакомых и по пьянке в ресторанах. По словам Шаламова, стихи Слуцкого «очень резки и остры». Сказал также Шаламов, что Слуцкий бывает у них дома, и довольно часто».*

* * *

Обратим внимание на дату. В 1957 году Варлам Тихонович Шаламов, как только стал жителем Москвы, сразу же начал налаживать творческие контакты с теми современными поэтами, которые ему представлялись наиболее интересными и талантливыми. И не удивительно, что в этом ряду есть имя Бориса Слуцкого, который заметно выделялся в поэтической среде, как самой личностью, так и своими стихами, ни на кого не похожими…. Стихи Слуцкого отмечены гражданственностью и разговорностью интонаций.

Интересна высокая оценка Шаламова, какую он давал стихотворениям Слуцкого. А ведь чаще всего он был исключительно суров, категоричен и немногословен в своих оценках. Тем примечательней его суждение о Слуцком как поэте.

«… А ведь он от младенчества харьковчанин»

Т. Жирмунская

(из стихотворения, посвященного Борису Слуцкому)

В 1961 году в издательстве «Советский писатель» тиражом в две тысячи экземпляров вышла первая книга стихов Шаламова под символическим названием «Огниво».

Одним из первых рецензентов на этот сборник был поэт, чья юность прошла в Харькове, замечательный мастер суровых строчек Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986). Он принадлежал к поколению поэтов, которое принято называть фронтовым.

Родился Слуцкий 7 мая 1919 года в Донбассе, в городе Славянске, но затем семья переехала в Харьков, в котором и прошли все годы его

юности. В Харькове он получил первое образование и прошел первую школу жизни. В Харькове жили его друзья детства, с которыми он не прекращал общения всю последующую жизнь и к которым не раз приезжал, будучи уже известным поэтом. Об этом рассказывают архивные материалы, которые бережно сохраняются в отделе редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В.Г. Короленко.

Примечательны его поэтические строчки о городе своей юности:

«Попадись мне машина времени!
Я бы не к первобытному племени
Полетел на костров его дым,
А в страну, где не чувствуешь бремени
Лет, где я бы стал молодым.
Вот он, Харьков полуголодный,
Тощий, плоский, словно медаль.
Парусов голубые полотна
Снова мчат меня в белую даль.
Недохватка, недоработка,
Недовес: ничего сполна, –
Но под парусом мчится лодка,
Ветром юности увлечена.
Харьков. Мы на велосипедах,
Этих вовсе еще не воспетых
Междувременья лошадях,
Едем на его площадях.
Харьков. Мы в его средних школах:
То вбиваем в ворота гол,
То серчаем в идейных спорах,
То спрягаем трудный глагол.
Харьков. Очереди за хлебом.
Достою ли? Достанется ли?
Но зато – под высоким небом,
Посреди широкой земли!
Плохо нам, но мы молодые.
Холодынь и голодынь
Переносят легко молодые,
Потому что легко молодым».

Это стихотворение поэта позже будет включено в антологию русской поэзии XX века под названием «Как использовать машину времени».

В 1937 году Слуцкий переехал в Москву, где сначала занимался юриспруденцией, затем поступил в Литературный институт им. М. Горького и окончил его в 1941 году. В том же году были опубликованы и первые стихи.

Отечественная война изменила все планы будущего поэта. Он уходит на фронт, надолго оставив поэзию. Начинает войну солдатом. После тяжелого ранения, оставшись на фронте, становится политруком. Слуцкий вернулся с фронта, увешанный наградами, инвалидом II группы, долго лежал в госпиталях, а потом долго не мог найти работу.

Вновь стал печататься с 1953 года в различных изданиях. Известны следующие прижизненные сборники его стихов:

- «Память» (1957),
- «Время» (1959),
- «Сегодня и вчера» (1961),
- «Работа» (1964),
- «Современные истории» (1969),
- «Годовая стрелка» (1971),
- «Доброта дня»(1973),
- «Неоконченные споры», (1978).

В 1984 году выходит последний его прижизненный сборник под символическим названием «Сроки». Особенно проникновенными были его размышления о призвании поэта, о жизни и смерти. Он занимался и переводческой деятельностью – переводил польскую, немецкую, английскую поэзию.

22 февраля 1986 года Слуцкий умер в Туле. В 1988 году был опубликован первый посмертный сборник его стихов «Вопросы к себе».

Все его стихи отмечены мужественной гражданственностью и неординарностью. Слуцкий показывал трагизм житейских будней и скрыто протестовал против идеологического диктата своей демонстративной прозаичностью стиля.

И хотя он был намного моложе Варлама Тихоновича Шаламова, к моменту написания рецензии на книгу «Огниво», Слуцкий уже был автором трех поэтических сборников, и его слово было довольно заметным в отечественной поэзии и культуре.

Свой отзыв он поместил в «Литературной газете», стремясь привлечь внимание широких кругов читателей к поэзии старшего товарища по цеху.

* * *

Приведу текст рецензии под названием «Огниво высекает огонь» с минимальными сокращениями. Борис Слуцкий писал: *«Книжица выпала из конверта, где ей было очень просторно. Я прочитал ее, перечитал, взвесил на ладони – она легко там поместилась. Ста граммов в книжице не было. Умножение на 2000 тираж и вычитание всяких обязательных, испорченных и затерявшихся экземпляров дало 10 пудов бумаги – один тючок средней величины. Вот и весь расход материала на полный тираж «Огнива» – первой и единственной покуда книги стихов Варлама Тихоновича Шаламова, итожащей более чем 30-тилетние труды талантливого поэта. В продаже я (неутомимый путешественник по кн. магазинам) эту книжицу не видывал. Отзывов о ней – она вышла в свет полгода назад – не читывал. Как тут не подумать: а не затерялся ли тючок в арктической необозримости книготорговских складов? Жаль было бы… Хорошая книга «Огниво». А даже если все 2000 экз. дошли до читателя? В какой пропорции состоят эти 2000 с млн. потребителей поэзии?*

Вот почему отпущенные мне столбцы я израсходую не на рассуждение об «Огниве», что рассуждать о текстах почти неизвестных даже книголюбам!

Я лучше покажу искры, которые высекает «Огниво» из камней и скал русского Севера – ему посвящена вся книга».

Слуцкий полностью приводит текст стихотворения «Память»(!) Он отмечает: *«… Очень это умно, точно. Кратко… и, следовательно – своевременно. Давно написаны эти стихи – задолго, скажем, до первых приступов к политехнизации, но живут и сегодня. Память радости былой, которая оставляет в мышцах тела труд – именно физический труд, мирный или ратный – она почти необходима для поэта. Без этого не поймешь многого».*

Помню, с какой печальной гордостью Н.А. Заболоцкий показывал мне чей-то строящийся в Тарусе дом и говорил: «А ведь я все строительные профессии знаю…»

100 лет тому назад Некрасов показывал читателям «Современника» почти никому тогда же неизвестного господина Ф. Т-ва… Полностью перепечатал 24 стихотворения Тютчева. Я и газета не решаются до конца следовать примеру великого поэта и великого открывателя талантов. Вместо 24-х стихотворений приведу только несколько строк. Вот как сказано о картографе:

«Картограф горы ловит в клетку,
Он землю ловко захлестнет
Географическою сеткой
Меридианов и широт».

Утро, рассвет заставили Шаламова сказать:

«Я выверить хочу часы
По розовому свету…
Тяжелой радужной росы
На листьях бересклета.
Я выверить хочу часы
По яростному свисту
Отбитой заново косы
В осоке серебристой,
По хриплой брани пастуха,
Продрогшего в тумане,
По клокотанию стиха
В трепещущей гортани».

Отвечая людям, обвинявшим Виктора Гюго: «И не сумел ты, дескать, вырасти, состарившееся дитя», Шаламов говорит:

«Пусть так. В волненьях поколения
Ты – символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда».

И в заключение, звуки, которые не могли слышать ни Тютчев, ни Баратынский – учителя Шаламова:

«Глубокие порезы
На ивовых корнях.
Ручей, как лист железа,
Грохочет на камнях…»

Слуцкий заключает: *«Я заканчиваю эту статью рекламным зазывом: требуйте в кн. магазинах книгу Шаламова «Огниво». Это хорошая книга. Требуйте! А когда в магазинах и библиотеках вам ответят отказом – требуйте у издательства доиздания этой и многих других неизданных книг».*

Заметим, Слуцкий немногословен. Его слово выношено и продумано. И цитирует он немного, но дважды категорически заявляет о том, что «Огниво» – *«хорошая книга»*…

И еще один штрих – он обращает внимание читателя на стихотворение Шаламова под названием «Память» далеко не случайно. Категория «памяти» в духовной жизни поэта особенно важна. Не случайно именно так был назван первый поэтический сборник самого Бориса Слуцкого. Сборник Слуцкого «Память. Книга стихов» был выпущен издательством «Советский писатель» в 1957 году. В него вошли стихи о Великой Отечественной войне, которые драматично и достоверно передавали фронтовой быт.

* * *

Уже после второй книги Шаламову предлагали свои рекомендации в Союз писателей достойные всякого уважения люди, в частности, известный литературовед и член-корреспондент АН СССР – Л.И. Тимофеев. Не остался в стороне и Борис Слуцкий. Как свидетельствует солагерник Шаламова по Колыме Борис Лесняк, *«в 1968 году Борис Абрамович Слуцкий в личной беседе говорил ему, что предлагал Шаламову свою рекомендацию в Союз писателей».*

Роковой эпизод в биографии

Несмотря на это, личное общение Шаламова и Слуцкого было все-таки мимолетным и непродолжительным, на что не могло не повлиять одно печальное обстоятельство.

В 1959 году Борис Слуцкий неожиданно для всех выступил против Пастернака во время скандала с «Доктором Живаго». Это

был его единственный постыдный и трагически необратимый поступок. В это время многие бывшие почитатели отвернулись от поэта.

Скорей всего, не остался равнодушным и Шаламов. Но самое главное, Слуцкий этого проступка сам себе не простил. Муки совести этого прекрасного, лишь однажды оступившегося человека, довели его до тяжкой душевной болезни.

* * *

Основными поэтическими струнами Бориса Слуцкого были солдатское мужество и бесстрашие правды. И эти качества не могли не сближать Шаламова со Слуцким, *«одним из самых талантливых поэтов фронтового поколения*», как справедливо отмечала современная критика.

Через много лет Борис Слуцкий написал горькие и печальные строки:

«Когда мы вернулись с войны,
Я понял, что мы не нужны.
Захлёбываясь от ностальгии,
От несовершённой вины,
Я понял: иные, другие,
Совсем не такие нужны.
Господствовала прямота,
И вскользь сообщалось людям,
Что заняты ваши места
И освобождать их не будем...»

Это ощущение собственной ненужности не раз переживал и Варлам Тихонович Шаламов.

По мнению Лидии Чуковской, *«Слуцкий был одним из самых трагических лириков двадцатого века».*

* * *

В книге вологодского писателя В.В. Есипова «Варлам Шаламов и его современники» (Вологда. Книжное наследие. 2007) приведена важная подробность к истории взаимоотношений Шаламова и Слуцкого: *«В 1961 году вышел сборник его стихов «Огниво», вызвавший*

высокую оценку многих известных поэтов. В мае 1962 года Варлам Шаламов участвует (редчайший случай!) в телевизионной поэтической передаче, организованной Борисом Слуцким на единственном тогда государственном канале».

Вряд ли бы согласился Шаламов на участие в подобной передаче, если бы приглашение исходило от кого-либо другого.

* * *

О том, что поэты общались между собой, частично рассказывает один документ. К сожалению, сохранилось лишь одно письмо Шаламова в адрес Слуцкого.

28 декабря 1962 года Шаламов написал ему по-деловому, как уже хорошему знакомому: *«Борис Абрамович. Вы рекомендовали мне С.С. Виленского, составителя альманаха «На Севере Дальнем». Я хорошо знаком с учреждением, которое он представляет. Мы встретились, за спиной Виленского сидят самые черносотенные фигуры издательского дела Крайнего Севера (Нефедов, Николаев и Козлов), которые не только «тащили и не пущали» в течение многих лет, даже десятилетий, до самого последнего дня глушили все, что могло хоть сколько-нибудь правдиво передать страшную историю Колымского края, даже отдаленный намек на правду. Они добились успеха – литература Колымского края свелась к нулю (исключая национальную литературу). Свели к нулю в качественном и количественном виде, отчасти потому эти господа обращаются ныне за помощью к столичным литераторам, к бывшим заключенным и т.п. В свое время обращался Луговский в этот альманах, встретил решительный отказ – кормушка была нужна для своих. В поведении своем, в отношении к литературе, редакция Магаданской области в лице Нефедова, Николаева и Козлова допускала и провокации, обычные для сталинских времен, но удивительные для 1957 года. В 1957 году, по косвенному предложению Козлова, я послал в альманах ряд стихотворений («Камень», «Слово к садоводам» – те, что вошли в «Огниво») и получил ответ, что стихи приняты и будут печататься в альманахе. Очередной альманах вышел – моих стихов там не было. Оказалось, что Нефедов, Козлов и Николаев передали эти стихи в партийные органы Магадана, и секретарь горкома Жарков читал их на краевой партийной конференции в качестве примера «вылазки» со стороны бывших заключенных. Не напечатанные,*

присланные в редакцию стихи!!! Такого рода подлое провокационное поведение господ Нефедова, Николаева и Козлова по тем временам не было, конечно, ни наказано, ни пресечено. Сейчас эти же господа обращаются ко мне с просьбой участвовать в их альманахе. Это ли не маразм? На приглашение Виленского я ответил отказом. Уважающий В. Шаламов».

Стиль и тон письма говорит об авторе, как человеке достаточно резком, бескомпромиссном и категоричном в своих суждениях. Но согласитесь, Варлам Тихонович имел на это моральное право.

Видно и другое – желание Слуцкого оказать Шаламову всемерную помощь, чтобы стихи его появлялись в разных изданиях. В поэтических кругах Слуцкий был известен не только как честный, умный, но и отзывчивый человек, неравнодушный к людским судьбам.

Судьба не щадила Варлама Тихоновича Шаламова ни в молодости, ни после освобождения, когда ему исполнилось 50 лет. Пробивать свое творчество на страницы изданий оказалось делом адски трудным. В литературе и в политике верховодили люди, которые снимали «сливки» и в годы «культа личности», и после него.

* * *

Тамара Жирмунская в своих воспоминаниях рассказывала, как, составляя в 1971 году круг авторов для «Дня поэзии», Борис Слуцкий настаивал на том, чтобы сборник получился «личностным». Он хотел, чтобы прозвучали поэтические голоса тех, кто был яркой личностью, но на страницы печати попадал нечасто. В ряду этих имен одним из первых он назвал имя Варлама Шаламова.

Слуцкий был чрезвычайно смел в своих суждениях, и однажды он сказал, искренне сетуя: *«Мы не посмели противопоставить силе ненависти силу любви, а у хладнокровного реализма не бывает силы».*

Борис Слуцкий обладал широким кругозором и был «обогащен» ужасным опытом военных лет. Он не мог спокойно наблюдать явления нравственного распада в обществе, которые становились очевидными буквально во всех средах. Ему была близка и понятна бесстрашная мысль Шаламова: *«Вот главная тема времени – растление, которое Сталин внес в души людей».*

Шаламов был близок Слуцкому по мироощущению, по стилю и поднимаемым в творчестве проблемам.

В 1964 году вышла в печати вторая книжка стихов Шаламова «Шелест листьев», притом, значительно бóльшим тиражом, чем первая. На эту книгу небольшой отклик и снова в «Литературной газете» напечатала Вера Инбер.

* * *

В 1967 году в издательстве «Советский писатель» вышла третья книга стихов В.Т. Шаламова под названием «Дорога и судьба». Как и в двух предыдущих, в этой книге ощущается неординарность Шаламова как поэта. Это были зрелые и мудрые стихи – плоды мысли, чувства, горького и трагического жизненного опыта.

1965–1968 годы были, можно сказать, «зенитом» в творческой судьбе Варлама Тихоновича. Он много писал прозы, которая позже стала известна как цикл «Колымских рассказов», но публикация его рассказов на родине оказалась менее удачной, чем его стихов. «Колымские рассказы» сначала узнал не российский, а западный читатель.

* * *

В воспоминаниях о Шаламове колымчанина Ивана Исаева «Первые и последние встречи» обращает на себя внимание следующая подробность. Когда вопрос о госпитализации Шаламова в 1979 году стал вплотную, Иван Исаев спросил у Варлама Тихоновича: *«К кому из писателей, из тех, кто хорошо к нему относится, обратиться за помощью и советом, то он назвал Наума Мара и Бориса Слуцкого. Но Слуцкого по телефону найти не удалось»*. К этому времени Борис Слуцкий сам был тяжко болен и почти не контактировал с людьми. Преданный его памяти историк литературы Болдырев писал по этому поводу: *«Слуцкого подрубили не фронтовые ранения, а душевные травмы; не нападки грибачевцев (к этому он относился философски – другого от них и не ожидал), – подрубила трагическая, самому себе не прощенная роль в истории с Пастернаком, а окончательно добила смерть жены; от э т о г о удара он так и не оправился»*.

* * *

Спустя десятилетие после смерти поэта Болдырев напечатал немало неопубликованных строчек Слуцкого. Он предварял их такими пронзительно звучащими словами:

«Бориса Слуцкого представлять не надо. Единственный, неповторимый звук его поэзии как раздался 15 августа 1953-го, когда в «Литературной газете» был напечатан «Памятник», так и не смолкал все последующие годы, а сейчас, после его смерти, зазвучал еще громче и значительнее. Из отличного поэта он становится явлением русской поэзии. И каждая публикация стихов и мемуарной прозы прибавляет новые важные штрихи к его творческому и человеческому портрету.

Он никогда не переставал писать стихи о войне, бывшей не только великим народным подвигом, но и главным делом его молодости. Только разве позже он делал это не так целенаправленно, как в пору, когда создавались его первые книги «Память» (1957) и «Время» (1959), когда его целью было сказать правдивое, точное, жесткое слово о труде, горе и славе этих четырех лет, резко отличающееся от тех равнодушно-радостных слов о победе, которыми убаюкивали общественное сознание в последние годы жизни Сталина. Позже пробитую им брешь в стене сусальной лжи о войне расширяли уже другие поэты и прозаики».

И закончил так**:** *«Может быть, как никто из русских писателей второй половины XX века Слуцкий постиг и выразил «образ и давление времени» (Шекспир). Это постижение выражено им в огромном многосмысленном, многофигурном, многоаспектном историческом витраже, рисующем историю советского общества и советского человека за полвека, созданном лирическими и балладными стихотворениями».*

* * *

Варлам Шаламов писал об отрицательном опыте лагеря, но без этого чудовищного опыта не было бы его великой прозы. Так, без опыта войны не было бы самой пронзительной лирики Слуцкого.

Стихи Бориса Слуцкого отмечены мужественной гражданственностью. Он правдиво показывает трагизм военных будней. Особенно проникновенны его размышления о призвании поэта, о жизни и смерти. Недаром отдельные его стихи постоянно ходили в Самиздате (см. отд. приложение).

(Эта работа написана в конце 1998 года и не опубликована).

Глава 5

На пересечении трудных дорог на Колыме

В «Колымских рассказах», рассказ «Курсы», занимает важное и особое место. Он повествует о Спасении и Преображении человека, о возрождении души после перенесенных, казалось бы, немыслимых страданий.

Один из его эпизодов непосредственно связан с судьбой харьковчанки, пережившей, как и автор, ГУЛАГ, но сохранившей в полной мере «душу живу». Речь идет об Ольге Степановне Семеняк...

«Курсы», по мнению самого автора, стали «спасением жизни, подлинной жизни души»... Шаламов лаконично формулирует суть спасительной тяги человека к знанию, вопреки всем тяжким условиям жизни. И Ольга Степановна оказалась в роли той, кто был призван научить.

Посвященный ей фрагмент рассказа состоит из двух частей. Вначале автор лаконично излагает основные моменты ее биографии, будучи строг и предельно документален. Он ощущает себя летописцем той судьбы, с которой печальной волей случая скрестилась и его собственная жизнь и судьба.

По мере того, как я вчитывалась в строки его рассказа, образ неведомой мне ранее землячки становился вполне зримым и живым. Значительным и важным было буквально каждое слово автора. Он писал: *«Ольга Степановна Семеняк, бывший доцент кафедры диагностической терапии Харьковского медицинского института, не читала лекций на наших курсах. Но мы проходили у нее практику. Она научила меня выстукивать, выслушивать больного. К концу практики она подарила мне старень-*

кий стетоскоп – это одна из немногих моих колымских реликвий. Ольге Степановне было около пятидесяти лет, ее десятилетний срок еще не кончился. На Украине оставались ее муж и двое детей (все погибли во время войны). Война кончилась, кончился и срок заключения Ольги Степановны, но ей некуда было ехать. Она осталась в Магадане после освобождения, На женском участке «Эльгена» Ольга Степановна провела несколько лет. Она нашла в себе силы справиться со своим великим горем. Ольга Степановна была человеком наблюдательным и видела, что в лагере только одна группа людей сохраняет в себе человеческий образ – религиозники, церковники, сектанты. В своей «кабинке» она дважды в день молилась, читала Евангелие, старалась делать добрые дела. Добрые дела было ей делать нетрудно. Никто не может сделать больше добрых дел, чем лагерный врач, но мешал характер – упрямый, вспыльчивый, заносчивый. На совершенствование в этом

направлении Семеняк не обращала внимания. Заведующей она была строгой, педантичной и персонал держала в ежовых рукавицах…»

Ее образ становился живым и близким. Последняя фраза отрывка отличается сдержанным стилем, как в служебных характеристиках. Практически нет авторских отступлений или ассоциаций, разве что – фраза*: «добрые дела было делать ей нетрудно».* Но вдумаемся, что стоит за этими словами... Делать добрые дела в условиях заключения, слежки, физических и моральных мук – это ли не выбор жизненной позиции и единственно возможного для себя поведения?

«К больным была всегда внимательна». - Но так ли уж часто такое отношение к больным имело место, тем более в ГУЛАГЕ?

В рассказах Шаламова героями часто были именно врачи. Однако поведение и поступки этих людей показывали их не всегда с лучшей стороны. Писателю довелось быть свидетелем чудовищных проявлений жестокости и патологического бессердечия. Шаламов вообще был убежден, что лагерный опыт – это отрицательный опыт жизни, и писал об этом неоднократно. Как правило, он оставлял за читателем право самому анализировать описанное.

Харьковчанка Ольга Степановна Семеняк относилась к категории тех немногих достойных людей, которые не растеряли изначаль-

ных качеств своей души – умения сопереживать и сострадать. И это несмотря на то, что она прошла жуткий лагерь «Эльген», о котором сохранились самые зловещие свидетельства.

Позже Евгения Гинзбург в своем «Крутом маршруте» напишет: *«Когда вспоминаешь плоский, серый, подернутый тоской небытия пейзаж Эльгена, то самым немыслимым, самым сатанинским измышлением кажутся в нем именно эти бараки с надписями «грудниковая группа»..., куда помещали Эльгенских детей, родившихся у заключенных женщин».*

Ольга Степановна была одной из тех, кто действенно помогал матерям-страдалицам. Она сохранила любовь к людям, природе, поэзии и, как свидетельствует Шаламов, особенным ее пристрастием была поэзия Александра Блока. И это не удивительно – ведь Александр Блок был кумиром того поколения интеллигенции, которому пришлось пережить «неслыханные мятежи» революции и гражданской войны, а вслед – испытания сталинскими лагерями.

Второй отрывок рассказа, где основным действующим лицом была врач из Харькова, не менее важен и для ее собственной биографии, и для постижения внутреннего мира автора. Краткий диалог вводит читателя в атмосферу переживаемого.

«После рабочего дня «студентов» кормили обедом в больничной раздатке. Семеняк сидела тут же, пила чай.

– А что вы читаете? - спросила она.

– Ничего, кроме лекций.

– Вот, прочтите, – она протянула мне маленькую книжечку, похожую на молитвенник. Это был томик Блока малой серии «Библиотека поэта». Дня через три я вернул ей стихи.

– Понравились?

– Да. Мне было совестно сказать, что я хорошо знаю эти стихи.

– Прочтите мне «Девушка пела в церковном хоре». Я прочел.

– Теперь – «О дальней Мэри, светлой Мэри». Теперь вот это... Я прочел «В голубой далекой спаленке».

– Вы понимаете, что мальчик умер.

– Да, конечно.

Умер мальчик, – повторила Ольга Степановна сухими губами и свела в морщины свой белый крутой лоб. Она помолчала…»

Измученная, но мужественная женщина, соприкасаясь с высокой поэзией, думала о своем неизбывном горе – разлукой с детьми, и ей было невероятно трудно смириться с выпавшей на ее долю жизненной мукой.

И, конечно же, выбор блоковских стихотворений у нее не был случайным. Автор позволяет домысливать и предполагать мотивы именно такого выбора. Благодаря поразительно точной памяти Шаламова, воссоздается тонкая атмосфера переживаний героини этого рассказа. Будучи матерью двух детей, Ольга Степановна была насильственно разлучена с ними, и стихи поэта лишь усиливали драматизм жизненной ситуации. И все-таки в этих переживаниях она сохранила стойкость, убеждения в необходимости веры, недопустимости злобы, разъедающей, словно ржавчина, душу. Именно об этом рассказывает следующий отрывок: *«Ольга Степановна открыла ящик письменного стола и вынула книжку, похожую на томик Блока. Это было… «Евангелие». Она тихо произнесла: «Прочитайте, особенно вот это – «К коринфянам» апостола Павла…»*

Шаламов неоднократно отмечал: *«... более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Растление охватывало души всех, и только религиозники держались…»*

Эту мысль он будет повторять в самых разных контекстах. Вряд ли пожелание харьковского доктора прочитать послание апостола Павла было случайным. Основной задачей апостола Павла было оказание действенной помощи заблудшим в пороках душам, вот отчего его советы обретают вневременное звучание. Он обосновывает необходимость веры и надежды в жизни каждого, кто послан в этот мир. Он формулирует постулаты бессмертного «гимна любви». Апостол Павел утверждал: «Есть один учитель – Христос. Одна вера, одно спасение через Крест и в приятии его и заключается подлинная мудрость». Зная этот текст, совсем иначе воспринимаешь многие слова в диалоге героев рассказа Шаламова. Иначе воспринимаются и страдания всех, кто безвинно страдал и погиб в лагерях и тюрьмах.

Ольга Степановна была убеждена, что каждый должен задуматься над смыслом жизни и смерти, хотя приход к вере крайне индивидуален. У каждого страдающего была своя мера пережитых потрясений. И каждый находился на своем уровне постижения смысла человеческого бытия.

Для Шаламова «религиозный выход» (это его выражение - С.Ш.) долго представлялся слишком «неземным» и невозможным в реалиях лагерной жизни. В то же время, пример самой Ольги Семеновны был убедителен и поучителен.

* * *

Библейские ассоциации почти постоянно присутствуют в «Колымских рассказах». Так, один из персонажей-двойников автора не случайно носит фамилию Крист. Евангельские темы часто присутствуют и в названиях рассказов: «Апостол Павел», «Прокуратор Иудеи», «Необращённый». Постоянный диалог со Святым Писанием является одним из характерных свойств, которые присущи русской интеллигенции.

Несмотря на декларирование и неоднократные заявления В.Т. Шаламова о его нерелигиозности, евангельские сюжеты постоянно тревожат автора и притягивают к себе. Пример тому рассказ «Необращённый» – один из ключевых рассказов. В нём повествуется о первых шагах фельдшера. Интересен его диалог с врачом. Целью сатанинского эксперимента было отнять у человека всё, что помогает ему оставаться человеком.

Писатель не уставал размышлять над тем, что же всё-таки не даёт определенной категории людей утратить Божественной искры, превратиться в нелюдей.

* * *

В середине 60-х он напишет одно из самых пронзительных стихотворений, которое невозможно разрывать на отдельные фрагменты и цитаты. Его нужно прочитать полностью:

«Лицом к молящемуся миру,
Гора выходит на амвон.
Пред этим каменным потиром
Земной отвешу я поклон.
Река отталкивает гору,
И веет запах снеговой.
И переполнены озера
Святой водою дождевой.

И в половодье, как в метели,
Взлетают пенные цветы.
Льняной растрепанной куделью
В меня швыряет с высоты.
А я, – я тут же на коленях,
Я с Богом, кажется, мирюсь:
На мокрых каменных ступенях
Я о спасении молюсь…»

Так неожиданно получает логическое завершение давний, длившийся во времени его диалог с врачом из Харькова. Их общение оставило в душе писателя глубокий, неизгладимый след.

Шаламов признал правоту Ольги Степановны, а иначе могла бы появиться строчка – *«Я с Богом, кажется, мирюсь…»?* Конечно, такое признание нелегко далось Варламу Тихоновичу. Оно выстрадано и родилось после пережитой муки, искромсанной в клочья жизни, после яростного гнева и неотступных дум о сущности и цене человеческой жизни.

Именно таким было едва ли не последнее слово Варлама Шаламова – творца «Колымских рассказов» и поэтических «Колымских тетрадей».

Еще раз о религиозности Шаламова

- Из письма Добровольскому – об иконах Рублева (начало марта 1956 года): *«Мне казалось, что не кисть художника удерживает образы Бога на стенах, а то великое и сокровенное, чему служила и служит религия. Эта ее строгая сила, моления десятков поколений, предстоявших перед этим алтарем, сила, приобретшая материальность, весомость, – сама без нас хранит эти храмы. Что десятки поколений молившихся сложили туда столько своего сердца каждый, что этой силы достаточно навечно».*

- А вот еще о Боге, религии, а заодно и о Льве Толстом – из письма Борису Пастернаку (январь 1954**)**: *«Я читывал когда-то тексты литургий, тексты пасхальных служб и богослужений Страстной недели и поражался силе, глубине и художественности их – великому демократизму этой алгебры души. А в корнях своих она*

имела Евангелие. Толстой понимал всеконечность Христа хорошо, стремясь со своей страшной силой поднять из той же почвы новые гигантские деревья жизни».

«И как же можно грамотному человеку уйти от вопросов христианства?». «И как же можно написать роман о прошлом без выяснения своего отношения к Христу? Ведь такому будет стыдно перед простой бабой, идущей ко всенощной, которую он не видит, не хочет видеть и заставляет себя видеть, что христианства нет».

- По глубокому убеждению И.П. Сиротинской, ощущение «мира» у В. Шаламова было ощущением человека, безусловно, религиозного.

Потому-то и была у него жажда увидеть, узнать пророка, *«живого Будду»,* как он говорил. Таким живым Буддой долгое время для него был Пастернак – *«Будда в поэзии и в человеческих своих качествах».*

- Из письма Шаламова Пастернаку от 12 августа 1966 года: *«Позвольте мне еще раз <...> сказать Вам, что я горжусь Вами, верю в Вас, боготворю Вас». <...> «Я никогда не писал Вам о том, что мне всегда казалось – что именно Вы – совесть нашей эпохи – то, чем был Лев Толстой для своего времени. <...> Да благословит Вас Бог».*

- Позже он признался в письме к Г. Демидову: *«Я хотел сделать из него пророка, но это мне не удалось». «Плащ героя, пророка и Бога был Пастернаку не по плечу».*

* * *

Но вернемся к сведениям о той, которая в лагере беседовала с ним о Боге.

Согласно «Справочной адресной книге Харькова за 1937 г.», Ольга Степановна Семеняк проживала на Павловке по Софиевской улице 15, кв. 2. Я была удивлена, что в Харькове и по сей день есть улица, название которой совпало с моим именем.

Когда я работала над первым вариантом этого этюда, то нашла и эту улицу, и этот дом.

Как указывают выписки из личного дела О.С. Семеняк, хранящегося в архиве КГБ по Харьковской области, она *«родилась в декабре 1901 г., работала врачом–консультантом Централь-*

ной Городской поликлиники. При обыске у нее было обнаружено Евангелие... Сыновей звали Юрий и Олесь. Старшему было 11 лет, младшему 8 лет. И еще была приемная дочь Маша 14 лет»... Эти сведения помогла отыскать член харьковского «Мемориала» Г.Ф. Каратаева, которой выношу свою благодарность за столь действенную помощь.

Скупы свидетельства времени, но они органично дополняют биографию харьковской героини Шаламова, который увековечил ее имя. Ведь недаром его называли «Вергилием колымского ада»…

Послесловие

1 декабря 2007 года на харьковском радио состоялось мое выступление о Шаламове и харьковчанах – его солагерниках в рамках мероприятий, посвященных 100-летию писателя.

22. 1. 2008 года произошел неожиданный разговор по телефону с… племянницей Ольги Степановны Семеняк**.** Ей 80 лет. Фамилия ее Покко. Ее мама - Александра Степановна была родной сестрой Ольги Степановны. Она живет с дочерью, которой 40 лет (поздний ребенок). Дочь зовут Светланой. Она родилась в 1968 году. Живут они на Холодной горе (Селькоровский пер. между улицами Карповской и Володарской).

В гости не пригласила! Племянница Ольги Степановны по специальности инженер–строитель. Речь достаточно косноязычна.

Удивительно, но о Шаламове ни от тети, ни от мамы вообще ничего не слышала! О том, что он написал о ее «тете Оле» - узнала только от меня.

О книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» тоже ничего не знает.

Тема ГУЛАГА в ней не отозвалась ни ассоциацией, ни комментарием (во всяком случае по телефону). Эмоциональности в восприятии того, о чем я ей рассказывала в ее голосе не было. Сам факт такого отклика меня очень взволновал, и я решила все-таки встретиться с ней.

В результате нашей беседы выяснились исключительно интересные биографические подробности об Ольге Степановне**.**

Ее сыновья:

Старший Олесь – погиб в 1944 году.

Приемная дочь Маничка была угнана в Германию.

Младший Юра уехал с отцом в Ташкент.

Муж О.С. после ее ареста уехал в Ташкент. Звали его Александр. Он не женился вторично. После своего освобождения она к нему приезжала, но сойтись они так и не смогли… (повторилась жизненная ситуация, которую пережил и В.Т. Шаламов с первой своей женой - С.Ш.).

Ольга Степановна вернулась в Харьков и одно время жила у сестры, но потом купила крохотный домик в пригороде - в поселке Жихарь… Она была арестована по так называемому «делу адвентистов». Члены этой общины потом ее и похоронили на Жихаревском кладбище. Своей вере она осталась верной до конца.

Дом, по ул. Софиевская 15 два года назад снесли. Сейчас на этом месте стоит 10-ти этажный дом. Племянница назвала даты жизни Ольги Степановны (1897-1977). Заметим, год рождения не совпадает с данными Г.Ф. Каратевой, которая указывает год рождения 1901.

Самым волнующим были фотографии, которые принесла племянница харьковского врача О.С. Семеняк.

Глава 6

Житие Георгия Демидова

В рассказе «Житие инженера Кипреева», В.Т. Шаламов рассказывает о другом харьковчанине. Своего героя он представляет так: *«Кипреев был инженер-физик из того самого Харьковского физического института, где раньше всего в Советском Союзе подошли к ядерной реакции. Там работал и Курчатов. Харьковский институт не избежал чистки. Одной из первых жертв в атомной нашей науке был инженер Кипреев».*

Вот отличительные качества Кипреева, которые счел необходимым отметить автор рассказа: *«Беда была еще и в том, что инженер не мог не изобретать, не искать научных технических решений в том хаосе лагерного быта, в котором он жил…»*

* * *

Они познакомились в больнице для «доходяг». Там из обломков старых деталей Кипреев собрал рентген-аппарат. Изобретатель был всеобщим любимцем, несмотря на свой кипучий нрав и взрывной характер. В порядке «научного опыта» инженер из обычного стекла пытался получить (и получил!) зеркало. Самую первую пробу он подарил Варламу Шаламову. Этот подарок писатель сохранял долгие годы. *«Зеркало со мной,* – пишет автор. – *Это не амулет. Приносит ли зеркало счастье – не знаю. Может быть, зеркало привлекает лучи зла, отражает лучи зла, не дает мне раствориться в человеческом потоке, где никто, кроме меня, не знает Колымы, и не знает инженера Кипреева…»* В конце читаем: *«Пят-*

надцать лет я искал инженера Кипреева. Посвятил его памяти пьесу – это решительное средство для вмешательства человека в загробный мир…»

Шаламов был уверен, что харьковский физик «сгинул на Колыме».

* * *

Но кто же был прообразом инженера Кипреева?

Давайте вновь обратимся к рассказу, который был написан Шаламовым в 1967 году и опубликован лишь 21 год спустя в журнале «Смена».

Общение Шаламова с харьковским физиком заставило писателя заново осмыслить такие вечные категории, как жизнь и смерть, достоинство и честь. Несмотря на напряженную упругость языка, рассказ менее лаконичен, чем другие произведения Шаламова, ведь обычно они занимают не более трех страниц. Стиль поражает чеканностью каждой фразы и глубокой афористичностью.

Даже само название рассказа глубоко символично. Если обратиться к толковым словарям, где даются различные трактовки понятия «житие», то прослеживаются удивительные сочетания: «жития святых» и «жития мучеников». В обоих случаях – это сведения о жизни подвижников духа. В одном из словарей понятие «житие» уточнялось так: «Это – источник кратких биографий мучеников, подвижников, святых на основе преданий очевидцев».

Шаламов, как автор – документалист и очевидец, подхватил давнюю традицию житийной литературы, основываясь на собственной судьбе и опыте гулаговца.

По свидетельству И.П. Сиротинской, первый вариант рассказа «Житие» Шаламов буквально прокричал ей еще до того, как записал на бумаге. По собственному признанию писателя, он большую часть «колымских рассказов» выкрикивал – столь мучительна была эта адова работа, которую и творчеством не сразу назовешь.

Пожалуй, ни об одном из своих героев он не написал столь восхищенно и тепло. И не удивительно, что после публикации (к сожалению, посмертной) родилось своеобразное эхо у читателей разных поколений.

В 1989 году на страницах журнала «Театр» была опубликована пьеса Шаламова «Анна Ивановна». Текст предваряла строка: *«Памяти Г.Г. Демидова».*

Посвящение позволило узнать настоящую фамилию харьковчанина, к которому столь благоговейно относился Шаламов. Именно Георгий Георгиевич Демидов послужил прообразом героя рассказа «Житие инженера Кипреева».

Замечу, как правило, Шаламов не менял имен и фамилий героев своих рассказов. (Когда вышел из печати один из первых однотомников шаламовской прозы, то оказалось, что Демидов был действующим лицом еще одного произведения – рассказа «Иван Федорович»).

Демидов был из когорты тех, кто пытался дать посильный отпор и не предать ни себя, ни других. В тексте пьесы, в отдельных признаниях главного героя слышны интонации, свойственные характеру, как самого автора, так и Демидова: «Бригадиром я быть не могу. Лучше умру. В лагере нет должности, нет работы подлее и страшнее, чем работа бригадира. Чужая воля, убивающая своих товарищей».

Сохранить себя и свою совесть, честь и достоинство, вопреки всем испытаниям – эту задачу ставил перед собой не только Шаламов, но и Демидов. Именно это обстоятельство делает их духовно близкими.

Эта пьеса, написанная еще в... 1963 году, помогла им найти друг друга, причем почти при каких-то необъяснимых обстоятельствах. Шаламов пишет: *«Очень хитрые узоры плетет судьба. А почему? Почему понадобилось столько совпадений, чтобы воля судьбы сказалась так убедительно».* И явно сетует: *«Мы мало ищем друг друга, и судьба берет наши жизни в свои руки»...*

Шаламов сохранил письма Демидова, которыми они обменивались после того, как разыскали друг друга в середине 60-х годов. Он сберег даже часть своих черновых набросков писем- ответов. Благодаря этому удалось уточнить и обстоятельства, и время написания рассказа «Житие…» Стало понятно, почему автор изменил фамилию действующего лица рассказа. На все были свои причины – произведение ведь было написано после их встречи в 1965 году, когда Шаламов разыскал Демидова.

Валентина Георгиевна Демидова (дочь Георгия Георгиевича) была свидетельницей этой драматически-горькой встречи, их споров о новой форме современной прозы, о досадном впоследствии расхождении (заметим, исключительно на творческой основе!) двух больных, старых и измученных товарищей по ГУЛАГу.

Демидов пережил Шаламова на пять лет…

19 февраля 1987 года Г.Г. Демидова не стало. Завершилась его многострадальная земная жизнь. Последние годы он напряженно занимался литературным трудом. Однако не увидел ни единой собственной строки напечатанной.

В архиве Георгия Демидова, ныне хранящемся в отделе редких изданий и рукописей библиотеки Короленко, находится небольшой по размеру клочок бумаги, на котором Демидов приводит стихотворные надписи в камерах. На другом листе он пишет о стихах заключенных, написанных кровью на лоскутах рубашек. Это кровоточащий документ... Ведь известно, что охранники, выполняя приказ начальства, следили за любыми проявлениями человеческого духа, и потому действовал запрет на бумагу, карандаш, тетрадь и книгу. Нарушение его строго каралось.

Демидов, как и Шаламов, выступает не только свидетелем и участником горьких событий, но и психологом-аналитиком, умеющим от разрозненных и частных фактов выйти на обобщения пронзительной силы и бескомпромиссной правды.

В 1988 году журнал «Юность» опубликовал воспоминания Шаламова (посмертно, как и все другие...), где можно прочитать выразительную строку: *«Демидов – один из самых достойных людей, встреченных мной на Колыме»*.

Зная суровый характер Шаламова и отсутствие склонности к панегирикам, его требовательность к себе и другим, такое признание многого стоит. Всего одна строка, но в контексте времени она звучала подобно Реквиему – печально и светло.

Слова вышли из подполья и обрели высший смысл, а были они посвящены ученому, физику, изобретателю, инженеру, а на склоне лет и писателю, Георгию Демидову, оставившему собственный след в духовном противостоянии тоталитарной системе.

* * *

Кипреев – фамилия, безусловно, символическая. Вероятно, она, образована от названия растения «кипрей», которое отличается особой живучестью и стойкостью. Фамилия передаёт одну из основополагающих черт героя. Кипреев жил по законам совести, и именно совесть не позволила ему пойти на сотрудничество с лагерным начальством.

В рассказе отчетливо прослеживаются две линии. Первая – сугубо документальная. В ней прослеживается хроника событий, указывается год – 1938 и место происходящих событий, упоминаются известные фамилии 30-х годов.

Рассказ Шаламова начинается с размышлений о жизни и смерти, причём как всегда автор сдержан и предоставляет читателю право самому оценить поведение героя. Все продумано и соответствует предмету описания – вопросу о жизни и смерти. Вообще в рассказах Шаламова значительное место занимают темы жизни, смерти, судьбы. Часто автор ставит прямой вопрос: как преодолеть жизненные обстоятельства? Или: В чём искать спасения?

Сталинская репрессивная машина прежде, чем уничтожить человека физически, растлевала его психологически. Так изощренно, и в таком масштабе это нигде и никогда не делалось. У тех, кого репрессировали, и у тех, кто репрессировал, отнимали души, жалость, просто человечность, и они до определенного момента фантомно мучили тех и других. Зеки делались еще более несчастными; охранники становились еще ожесточеннее. Умаление человечности было радикальным и тотальным.

Варлам Шаламов. «Что я видел и понял в лагере».

- *«Чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становился зверем через три недели – при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях.*
- *Понял, что дружба, товарищество никогда не зарождается в трудных, по-настоящему трудных – со ставкой жизни – условиях.*
- *Дружба зарождается в условиях трудных, но возможных (в больнице, а не в забое).*
- *Понял, что человек позднее всего хранит чувство злобы. Мяса на голодном человеке хватает только на злобу – к остальному он равнодушен.*
- ***Понял разницу между тюрьмой, укрепляющей характер, и лагерем, растлевающим человеческую душу.***
- ***Понял, что сталинские «победы» были одержаны потому, что он убивал невинных людей – организация, в десять раз меньшая по численности, но организация смела бы Сталина в два дня.***

• ***Увидел, что единственная группа людей, которая держалась хоть чуть-чуть по- человечески в голоде и надругательствах, это религиозники – сектанты почти все и большая часть попов.***

• *Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные.*

Увидел, каким веским аргументом для интеллигента бывает обыкновенная плюха.

• *Побои как аргумент почти неотразимы.*

• *Понял, что можно жить равнодушием. Понял, почему человек живет не надеждами – надежд никаких не бывает, не волей – какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения – тем же началом, что и дерево, камень, животное.*

• *И физические, и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса.*

• *Видел ледяной карцер, вырубленный в скале, и сам в нем провел одну ночь.*

• *Неудержимую склонность русского человека к доносу, к жалобе.*

• *Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя – это час растления.*

• *Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать. Научился «планировать» жизнь на день вперед, не больше.*

• *Понял, что воры – не люди».*

Свидетельство И. П. Сиротинской

• *«Жаль, что Варлам Тихонович не дождался ни постановки своей пьесы «Анна Ивановна», ни экранизации своей прозы. У него было, как мне кажется, сценическое чутье».*

(Замечу, пьеса писалась в память о харьковском физике Георгии Демидове).

• *«Слова вылетали под ударом невысказанных мыслей, чувств. «Все мои рассказы прокричаны…», – писал он мне в 1971 году. Так это и было.*

• *В момент рождения именно высокий эмоциональный накал не давал возможности контролировать поток. А потом он редко возвращался к записанному рассказу.*

Наверное, я была не права – ценность его прозы – в ее в первозданности чувства, мысли, в запечатлении самого момента проявления души.

- *Между ним и читателем нет даже едва ощутимой преграды отстраненности, нарочитости литературного стиля, что прямо вступает в поток непосредственного общения с его душой. Тут литературность, в самом деле, могла только мешать. А уж он ли не знал, не обдумал до тонкостей литературных приемов!».*
- *Было тогда светлое, счастливое время его жизни, тени Колымы отступили на время. Это лето 1968 года – июнь 1968 года он назвал лучшим месяцем своей жизни.*
- *После 1973 года прозы он писал совсем мало.*

Шаламов о своих рассказах

В 1971 году он написал: *«Рассказы мои представляют успешную и сознательную борьбу с тем, что называется жанром рассказа…. Пощечина должна быть короткой, звонкой…. Каждый мой рассказ это абсолютная достоверность. Это достоверность документальная…. Для художника, для автора самое главное – это возможность высказаться – дать свободный мозг тому потоку. Сам автор – свидетель, любым своим словом, любым своим поворотом души он дает окончательную формулу, приговор. И автор волен не то, что подтвердить или отвергнуть каким-то чувством или литературным суждением, но высказаться самому по-своему. Если рассказ доведен до конца, такое суждение появляется»*.

Эффект воздействия его прозы – в контрасте сурового спокойствия рассказчика, кажущегося спокойствия повествования и взрывного, сжигающего содержания. Именно таким рассказом и является «Житие инженера Кипреева.

О Г. Демидове* рассказывают документы

«*Демидов Георгий Георгиевич (1908–1987). В 1937 г. Демидов, тогда – доцент Харьковского университета, кандидат технических*

---

* Демидов Георгий Георгиевич (1908–1987) – инженер, физик, персонаж рассказа Шаламова «Житие инженера Кипреева». По словам Шаламова, один из лучших и умнейших людей, встретившихся ему на Колыме.

наук, был арестован по сфабрикованному политическому обвинению и пробыл 15 лет в колымских лагерях. После смерти Сталина он был реабилитирован, жил в Ухте, работал на заводе, а когда вышел на пенсию, поселился в Калуге. После освобождения он начал писать воспоминания. Его рукописи составляют много томов. Это три книги под общим названием «От рассвета до сумерек», трилогия «Повести о 37-м годе» и два сборника рассказов «Чудная планета» (о колымской каторге) и «Неволя музы». Демидов не размножал и не распространял свои произведения, но друзьям давал их читать. В Калуге 20 августа 1980 г. состоялся обыск у 72-летнего пенсионера Георгия Георгиевича Демидова. У него изъяли пишущую машинку, письма и книги, написанные им в течение 20 лет. Эти книги перекочевали в архивы КГБ».

Приложение

Оба они выжили, пройдя все круги колымского ада, и каждый сумел сохранить себя как яркую творческую и самобытную личность.

Переписка В.Т. Шаламова с Г.Г. Демидовым – это два отношения к жизни и творчеству. Это не поединок, а диалог в письмах, который раскрывает обоих ярко и глубоко, позволяя представить всю значительность их характеров.

Я читала эти письма еще до их публикации в печати, когда формировались архивные фонды «Памяти В.Т. Шаламова» и архивный фонд писателя Г.Г. Демидова в отделе редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В.Г. Короленко. Эти тексты органично дополняют написанный этюд.

1

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову

Варлам! Итак, и наш случай пополнил архив доказательств верности поговорки о разнице между человеком и горой. Правда, мы еще не сошлись, но, как кажется, надежно вошли в сферу взаимного тяготения. Надеюсь, что в оставшиеся до нашей встречи несколько недель мы не «нарежем дуба», раз уж продержались лет шестнадцать – семнадцать, хотя вероятность этого события и возрастает непрерывно. О том, что ты жив и работаешь в своей

области, я от кого-то знал, хотя этот «кто-то» и не мог, видимо, сообщить мне твоего адреса. В Москве находится М.Г. Варшавская, которую ты, вероятно, помнишь, Берта Ал-на Бабина, проведшая на Колыме больше полутора десятков лет (в Эльгене), по профессии тоже журналистка. Обо мне ты, вероятно, знаешь уже почти все. Конечно, я никуда не собираюсь отсюда, по крайней мере, до пенсии. Это вовсе не значит, что я удовлетворен своей работой, а, тем более, ее результатами. Просто теперь уж надо продолжать по инерции. А вот о тебе я пока что ничегошеньки не знаю. Где ты сотрудничаешь? В каком жанре пишешь? Каков твой путь после Колымы? Постарайся аннотировать все это еще до встречи. Таковая состоится, возможно, в июне. Постараюсь вырваться отсюда на несколько дней в вашу чертову град-столицу. Прежде я ненавидел Москву как синоним всякой неправды, и каждому, кто в нее отправлялся, дарил спички с предписанием зажечь Москву под ветер со всех четырех концов. Теперь, правда, сменил гнев на милость, тем более что число проживающих в Москве друзей увеличивается, и оставить их погорельцами у меня не поднимается рука. На днях там у вас скончался мой товарищ по Ухте, и я еще не оправился от ощущения несправедливости судьбы. Но, видимо, «наклад с барышом», по старой купецкой поговорке, действительно живут бок о бок. И вот я пишу тебе, Варлам Шаламов, фельдшер из хирургического…. Если знаешь о судьбах наших общих знакомых и друзей по Левому берегу, напиши пару слов и о них. Крепко жму руку. Г. Демидов. 6/V 65 г. Адрес на конверте, но я приведу его еще и здесь: Ухта Коми АССР, Севастопольская ул., 4, кв. 9. Демидову Георгию Георгиевичу.*

2

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову

Дорогой Варлам! Я оказался несостоятельным в своей попытке устроить себе командировку в Москву. Это не удалось в июне и вряд ли удастся в июле и августе. В летнее время на наших производствах всегда возникают напряжения из-за массовых и длительных отпусков. Кругом образуются прорехи, затыкать которые

* Бабина Берта Александровна была репрессирована – автор воспоминаний, опубликованных в сб. «Доднесь тяготеет». М., 1989.

удобнее всего теми, кто не предъявляет никаких лечебных путевок, путевок своих детей и жен, телеграмм от родственников, стареньких пап и мам. Наша неофициальная статистика, например, знает, что престарелые матери болеют и умирают почти исключительно в летний сезон. Теперь у меня остается только одна возможность увидеться с тобой и другими московскими друзьями: приехать к вам в сентябре. Тогда у меня будет отпуск, и я загуляю у вас недели на две, а, может, и больше. Вообще-то я дорожу отпуском как временем, когда можно беспрепятственно писать. А делаю это я всегда дома. Я опять начал баловаться писаниной. Один из здешних руководителей общества писателей Коми сказал, что я страдаю «чесоткой», которую, видите ли, надо прятать от людей. Он имел в виду, конечно, «писательский зуд» – понятие тоже не из высоких. Сам он – бездарный чиновник от литературы, один из экземпляров многотиражного издания современных булгариных. Мне трудно судить, насколько имеет смысл моя писательская работа. Вероятно, только на основе той, на которой мышь обязательно грызет что-нибудь, чтобы только сточить зубы. Надежды быть напечатанным у меня, конечно, нет никакой. Впрочем, нет и особой тяги к этому. И все же «гонорары» за писательскую работу я получаю. Неофициально в виде теплых писем от иногда совсем незнакомых людей и, конечно, в виде дружеских похвал. Мои официальные гонорары – это доносы, окрики, угрозы, прямые и замаскированные. И самое подлое – «товарищеские» обсуждения в узком литературном кругу. Наша здешняя литературная яма имеет, конечно, уездный масштаб. Но источаемая ею вонь качественно та же, что и от ямы всесоюзной. Мне что-то перестала писать Вера. Дуется, что ли? Правда, она прислала как-то моим соседям телеграмму с запросом: что со мной? Это непонятно. Я ей писал. Кстати, телеграмма была подписана: Вера, Валя**. Вторая из этих дам в тот же день связалась со мной по телефону часа на три раньше отправления телеграммы. Происходит явная организационная неразбериха дамского типа. Ты тоже что-то не пишешь. Ждешь письма от меня. Но тебе-то, небось, легче напи-*

---

* Линде Вера Михайловна – врач, знакомая Г.Г. Демидова по Ухте, где он жил после реабилитации.

** Гольцман Валентина Николаевна – знакомая Г.Г. Демидова по Ухте.

сать, чем мне. Я ж ведь, кроме прочего, и производственный план выполняю. В третьей декаде июня у нас стало тепло, даже жарко. Можно купаться и загорать, но время, время! Где его взять? Сейчас пишу серию «Колымских рассказов». Получается что-то плохо. Привет друзьям, знакомым и незнакомым. Пиши. Г. Демидов Прости неряшливость. Тороплюсь, как всегда. 30/V1 65 г.

3

В.Т. Шаламов – Г.Г. Демидову

Дорогой Георгий! У Веры Михайловны было воспаление легких. Торопливость, поспешность – привычка плохая и подлежит осуждению, впрочем, я на улицу Горького не ходил и не звонил, и ничего не знал, пока Вера Михайловна не поправилась. Я живу неподалеку и, если бы держался строгих правил этикета, знал бы о ее болезни, конечно. Расстояние Ухта – Москва не больше, чем 5 троллейбусных остановок: улица Горького – Ленинградское шоссе. Сентябрь так сентябрь. Я буду писать о твоем писательском долге – он не может быть забавой, мы поговорим при личной встрече. Ясно, во всяком случае, что запас знаний, наблюдений плюс и нравственная позиция в состоянии соединения встречаются не часто. Дело в том, что писатели – судьи времени, а не подручные, как думают теперь часто местные литературные вожди. Вонь литературной ямы местной, мне кажется, не должна тебя тревожить. Суть вопроса ведь в другом. Очень хотел бы прочесть твой рассказ о Колыме. Существует одна любопытная аберрация – все, кто из нашего брата берется за перо, начинают почему-то со следствия и, не добравшись до самого главного, до самого страшного, устают. Мы поговорим о прозе будущего. Это, мне кажется, будет проза, выстрадавшая свое право. Начинают с конца. Тебе надо избежать этой ошибки. Хотелось бы потолковать поподробнее, показать кое-что. Вот о чем хотелось бы поговорить. В рукописях, которые я видел, надо отсечь беллетризацию, литературность. Выйдет сильнее, но и так звучит хорошо. Я чуть не написал рассказ о тебе. Может быть, напишу еще. О телефонном звонке дочери твоей (это дочь, да?) я знаю от В. М. Фамилия хирурга,*

* Демидова Валентина Георгиевна – дочь Г.Г. Демидова, в настоящее время – в США.

который забыл про этап с отморожениями, – Рубанцев. Он одобряет доктора – одну из самых зловещих колымских фигур, на мой взгляд. Впрочем, Рубанцева я больше вряд ли увижу, я написал про него рассказ «Прокуратор Иудеи» на франсовский мотив. Сердечный привет. В. Шаламов.*

4

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову.

Дорогой Варлам! Я давно получил твое последнее письмо. Кажется, оно – самое содержательное и самое неразборчивое из всех, полученных мною от тебя. Разводить дискуссию в письмах, конечно, ни к чему. Скоро, надеюсь, мы встретимся. Да и возразить против главных твоих положений мне нечего. Вот разве, что «писатели – судьи времени» – выражение, требующее уточнения. Не всякий писатель может претендовать на такой титул. Я бы считал свою жизнь прожитой не зря, если бы был уверен, что буду одним из свидетелей на суде будущего над прошедшим. Но здесь, конечно, возникает много вопросов и сомнений. Что такое суд яйца над курицей? Выражение «балуюсь писательством» я, конечно, применил не всерьез, и нечего мне было по этому поводу читать мораль. Какое уж там баловство, если каждую секунду своего, очень небогатого, бюджета времени я трачу именно на это «баловство», терплю часто крупные неприятности и явно укорачиваю себе жизнь. Впрочем, не мне тебе говорить, что жизнь «премудрого пескаря» не стоит гроша ломаного, какой бы долгой она ни была. Твои нигилистические рассуждения о ненужности всего в литературе, что апеллирует к устаревшим эмоциям, мне были известны и прежде. Если не ошибаюсь, ты был поклонником Писарева. А сей последний громил даже Пушкина. Но при всей своей старомодности Пушкин остается Пушкиным. Я предвижу возражение: но ведь то Пушкин! Впрочем, был уговор – в письмах не дискутировать. Самое страшное в твоих возражениях – почерк, которым они будут написаны. Просить же его улучшить так же безнадежно, как просить заику не заикаться. Я это знаю по себе.

---

* Дактор Михаил Львович – начальник Центральной больницы для заключенных в пос. Дебин. Резко отрицательно описан Шаламовым в рассказах «Афинские ночи», «Курсы» и др. На Колыме его звали доктор Доктор.

Поэтому и перешел на машинопись. Пару-тройку «Колымских рассказов» я тебе привезу. Тебя они, вероятно, интересуют больше всего со стороны трактовки темы, которую разрабатываешь и ты. Это не совсем настоящий интерес, но уж ладно. Вера меня очень огорчила сообщением, что у нее в легких не совсем чисто. Как фтизиатр она всегда подвергается опасности. А эта опасность, помноженная на Веркин энтузиазм и редкостную неспособность устраивать жизнь, держит меня в постоянном страхе за ее здоровье. Сейчас у нее в гостях мой товарищ по работе и сосед по квартире. Очень бывалый человек. Жена у этого Б.С. здешняя. Она также по-настоящему пытливая и думающая баба. Таких становится все больше, и хотелось бы думать, что именно это обстоятельство и определит будущее мира. Надоела эта его проклятая стадия младенчества. Не инфантильно ли человечество по своей природе? Привет друзьям. Крепко жму твою руку. Г. Демидов. 21/VII 65 г.

5

В.Т. Шаламов – Г.Г. Демидову.

[1965 г.] Дорогой Георгий! Не скрою, меня покоробила фраза твоя о том, что я «разрабатываю» колымскую тему. Я прекратил бы переписку с любым, кто может применить такое выражение к тому, что мы видели. Тебе же на первый раз прощается по трем причинам: 1) нашему с тобой знакомству, 2) твоей биографии, 3) то, что ты не был на Колыме на золоте. Ты приехал уже к концу 1938 года, года исключительного, да и вообще Колыму без золота не понять, не почувствовать. Только разницей опыта можно объяснить это твое неудобное, неподходящее выражение. Никакой иронический тон, никакая условность, никакая аллегоричность недопустимы. Чем больше я занимаюсь – пишу с большой неохотой, не люблю отвечать на этот вопрос. Я исследую некие психологические закономерности, возникающие в обществе, где человека пытаются превратить в нечеловека. Эти новые закономерности, новые явления человеческого духа и души возникают в условиях, которые не должны быть забыты, и фиксация некоторых из этих условий – нравственный долг любого, побывавшего на Колыме. Кроме того, пытаюсь поставить вопрос о новой прозе, не прозе документа, а прозе, выстраданной, как документ.

Я не пишу воспоминаний и рассказов тоже не пишу. Вернее, пытаюсь написать не рассказ, а то, что было бы не литературой. Что касается Писарева, то я, конечно, умолкаю. Если приводится в действие столь тяжелая артиллерия. Не вдаваясь в тонкости и высоты, попробую на примере популярном разъяснить, в чем дело, суть моего совета, вернее, желания. Один мой знакомый написал две повести – «Оранжевый абажур» и «Фанэ-квас» (вернее Фонэ-квас, ибо Фонэ – прозвище от Афони). Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Разумеется, вольному воля. Материал слишком хорош, чтобы его портить по советам Белинского – удивительного догматика, человека, уверявшего, что стихи можно пересказать своими словами. Надеюсь, что это письмо еще более содержательное, чем предыдущее. И ты непременно поумнеешь. Не сердись. Твой В. Шаламов.*

P.S. О Пастернаке. Я знал Пастернака, встречался с ним, переписывался, говорил, дружил. При огромной одаренности, духовном и душевном богатстве в Пастернаке не было какого-то человеческого качества, которое сделало бы из него пророка. Я очень хотел сделать из Пастернака пророка, но ничего путного не получилось.

6

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову.

Дорогой Варлам! Получил я твое, уже сверх содержательное письмо и, прочтя оное, конечно, поумнел. Боюсь даже, что если содержательность твоих посланий будет нарастать в том же темпе, то они станут опасными для нашей переписки. Ты просишь меня не сердиться. Но кому могут понравиться докторальность, безапелляционность в наставлениях и разносный тон. Я, конечно, чувствую выстраданность утверждаемых тобой положений. Они вряд ли могут быть приняты полностью, как и всякая крайняя точка зрения, но в них, безусловно, содержится правильная мысль о необходимости пересмотра канонизированных уставов. Вопрос лишь в том, что можно предложить взамен? Какого черта ты окрысился на безобидное выражение «колымская тема»? С чего ты взял, что оно имеет иронический смысл, выра-

* Повести Г. Г. Демидова.

жает мою непочтительность к эпопее 38-го, да и прочих лет в их колымском варианте? И, наконец, за кого ты принимаешь меня самого? За придурка, прохлябавшего по поверхности колымской лагерной жизни где-нибудь в Дебине или подобном злачном месте? Разве тебе не известно, что на Колыме я именно с 38-го, правда, с осени. Что несколько лет я пробыл на Бутугычаге, что был и на золоте и что из 14-ти колымских лет на «общих» провел почти 10. Даже совершенно не способный к наблюдению и сопоставлению человек при этих обстоятельствах не может не постигнуть трагедийности этого «Освенцима без печей», выражения, за которое, среди прочего, я получил в 46-м второй срок. И этот суд в Магадане мог бы послужить тебе достаточным напоминанием о недопустимости обвинения меня в поверхностности и непонимании сущности Колымы. «Надо лично почувствовать». А я вот теперь хлопаю на машинке прежде всего потому, что не сгибаются сломанные в шахте пальцы. Вернее, не разгибаются. И постоянно болит на старости разбитый позвоночник. И дает себя знать заработанный в бытность «сухим» бурильщиком силикоз. Я десять раз «доходил» и дважды умирал от «переохлаждения». С кем ты меня спутал, Варлам? Признаюсь, я не люблю ироничного тона, основанного на чувстве превосходства. Превосходство в понимании тонкостей литературного ремесла у тебя надо мной, несомненно, существует, но это ведь вовсе и не мое ремесло. Надо удивляться не тому, что у меня получается так посредственно и стереотипно, а тому, что вообще что-то еще получается. И это «что-то», быть может, немного переживет меня и послужит сырьем для тех, кто будет счастливее и талантливее меня. Засим до свидания. Чего-чего, а уж своих опытов по «разработке», вернее, обработке своего колымского опыта, столь, по-твоему, бедного, я тебе не покажу.

Г. Демидов. 27/VII 65 г.

Чуть не забыл главного. Ты негодуешь на наших писателей, разрабатывающих тему «черных лет» за то, что они «начинают с конца». Ты прав. Это, действительно, – финал, то, о чем пишут. То же, что напечатали, лагерный эпос, это уже финал финалов. Если говорить обо мне, то я пытаюсь все же раскрыть в какой-то мере подлую механику «беззакония». За это на меня очень серчают те, у кого в пуху рыло. Они предпочли бы, если уж нельзя этого изобра-

зить как подвиг, чтобы оно изображалось в туманных, расплывчатых красках, под дурацким условным термином «культ». К сожалению, люди с рылами, густо облепленными пухом, все еще играют первую скрипку, фальшивя напропалую. И они-то и задают тон во всех областях нашей жизни. Ты, вероятно, хотел бы, как я, чтобы литература вскрыла социальные и исторические корни эпохи «культа». Здесь есть сложнейший аспект – психологический. Надо быть вторым Достоевским, чтобы осилить его. Но даже Достоевскому понадобилось бы время и гарантия, что тебя не постигнет участь Пастернака раньше, чем ты доведешь начатое до конца. Но тайного, что бы не стало явным, в истории не бывает.

7

В.Т. Шаламов – Г.Г. Демидову

Москва, 30 июля 1965 г.

Дорогой Георгий, вот с такого письма и надо было начинать, а не с балагурства в вопросах, где никаких шуток не может быть. Есть вещи, где всякие шутки, всякое балагурство противопоказаны, как для эпистолярного стиля, так и казенной литературы. Такой вопрос – Колыма. Господин Твардовский вздумал побалагурить в «Василии Теркине в аду» и потерпел полный провал. «Запомни и расскажи» – вот все, что требуется, все, о чем идет речь. За непрошеный совет прошу прощения. Я ненавижу литературу. В. Шаламов.

Ты понимаешь, в чем дело, Георгий, ни для кого твои вещи не послужат, если они не будут сделаны, выражены сильнейшим, своеобразнейшим образом. Ни для кого – ни для будущего, ни для современников. Работа над новой прозой как раз и рассчитана на будущее. Ни с кем я тебя не спутал, ты один из немногих людей на Колыме, которые оказали какое-то сопротивление времени. Но послушай меня, надо написать просто. Я, Георгий Георгиевич Демидов, был привезен на Колыму – остальное даст выстраданность и талант. О лагерях уже написано бесконечно много (в ЦК даже создан специальный отдел, чтоб контролировать эти рукописи). Я смотрел многие из них (в «Новом мире»). Тут дело таланта. Солженицын, опыт которого очень невелик, поднят наверх именно жадной силой времени. Я тебе хочу хорошего, а не плохого, и никакого ругательного стиля не позволил бы в ответе старому

товарищу. Я ведь сидел в 1929–1931 годах. Зимой 1938/39-го года я был арестован и отвезен в магаданскую тюрьму. Но не расстрелян. После этого восемь лет скитался от больницы до забоя, в 1943 году – новый срок в десять лет в спецзоне колымской – Джелгале. Затем три года опять больница – прииск. Доходил я много, много раз, и нет на теле у меня места, не отмороженного трижды и четырежды. В 1946 году я лежал в западной больнице, у меня ведь с новым сроком изменилась статья, и смертный приговор приобрел вполне «бытовой характер» – 58-10. С КРТД на фельдшерские курсы не допускали. 58-10 – пожалуйста. Только через два года работы в больнице пришел в норму. Вот тут-то мы и встретились. Так вот из всего этого времени ничего даже похожего на время с декабря 1937 по осень 1938 не было. Вот я почему и решил так напомнить 1938 год, в чем прошу прощения.

8

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову.

Дорогой Варлам!

Поздравляю тебя и твоих друзей с Новым годом. Особый привет Н.Я. [Мандельштам]. Сообщи мне, если можно, ее почтовый адрес. Я оставил тетрадь своих рассказов для тебя в Москве. Их до 1-го должна занести В. М. Будь к ним строг, но справедлив. Моя встреча с тобой и твоими друзьями, а теперь, наверное, и моими, очень укрепила веру в себя и в смысл продолжения жизни. Вообще-то этого мне здорово недостает. У нас здесь красивая зима. Это тоже поднимает настроение, хотя мне и жаль вас, москвичей, затоптавших русскую красавицу в слякоть тротуаров и мостовых. Жму руку. Г. Д. 24.12.65.

9

В.Т. Шаламов – Г.Г. Демидову. (1967 г.) .

Дорогой Георгий, вот тебе подарок, книжка Мандельштама. Издание этой книги (первой за сорок лет и теоретической работы редкостного значения и интереса) – событие в истории русской культуры. Надежда Яковлевна шлет тебе привет и вместе со всеми москвичами ждет окончания твоей работы и твоей службы, и твоего жизнеописания. В Москве «Разговор о Данте» продавался два часа. Пиши. Привет. В. Ш.

10

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову.

Дорогой Варлам!

В течение одного только месяца ты и Н. Я. порадовали меня дважды. Большое вам спасибо. Чернокнижники и лжецы сдают свои позиции с наивозможной постепенностью. Отсюда, конечно, и издание не Мандельштама-поэта, а Мандельштама – теоретика литературы. Но Солженицын прав. От веления времени не уйти. В то время как истина вечна, ложь, даже организованная в грандиознейшем масштабе, имеет свой исторический предел. О многом хочется поговорить. Я думаю, что в ноябре на праздники выберусь в Москву на неделю. Неуверенность, что мною у вас интересуются хотя бы просто как товарищем, у меня исчезла. А вообще, в этом отношении у меня обостренная чувствительность. Сказались бесконечные годы отверженности. В августе кончается мой «отпуск» – временное самоосвобождение от литературной работы. В сентябре продолжу работу над «жизнеописанием», как ты его назвал. Но, по существу, это некий «синтез» на основе собственной биографии. Прошу тебя передать прилагаемую записочку и мой низкий поклон Н. Я. Крепко жму руку. Что ты думаешь о молчании Максимовой? Г. Д. 14.VIII.67.*

11

Г.Г. Демидов – В.Т. Шаламову.**

Варлам Тихонович!

Откуда ты взял, что я напрашиваюсь на разговор с тобой по вопросам борьбы в мире «добра» и «зла»? Это ты завел подобный разговор в своем письме с позиций удивления и грусти по поводу того, что ни горький жизненный опыт, ни наставничество людей, более крепких умом и сильных духом, не помогли. И я остаюсь этаким иисусиком, верящим в конечную победу доброго и справедливого над жестоким и злым. Сюсюкающим слюнтяем, не способным понять, что не абстрактные моральные категории движут миром, а реаль-

---

* Видимо, Максимова Наталья Борисовна, работавшая медсестрой в Центральной больнице для заключенных в пос. Дебин.

** Письмо В.Т. Шаламова, на которое отвечает Г.Г. Демидов, не сохранилось.

ные, физические в основе, если хотите, факторы. И все это потому, что в письме к Н. Я. (к Н. Я. – заметь) я, кажется, употребил фразу, смысл которой в том, что хочется верить в конечную победу Правды. Я имел в виду не «Правду–справедливость», а «Правду–истину», т.е. неизбежное восстановление точной информации, несмотря на все попытки дезавуировать ее с помощью самых могущественных средств. И я даже косвенно извинился за применение устаревших, расплывчатых символов. И снова менторские вздохи по поводу плохой усвояемости подопечного сюсюкалы и невежды. Что это? Прямолинейность восприятия, доводящая его до примитивизма, или абсолютная уверенность в своей роли непогрешимого «ребе»? Плохо, когда собеседники находятся на слишком различных ступенях способности к пониманию и восприятию. Но еще хуже, когда один из них почитает другого дураком на основе поверхностных и предвзятых представлений. Вряд ли я хуже тебя представляю, что к чему и что почем. Когда-то Михайла Ломоносов говорил, что «... в дураках ходить не токомо у Вашего сиятельства, но и у самого Господа Бога не хочу». Не хочу быть глупее, чем я есть, и я. Угодно со мной разговаривать на равных – извольте. Не угодно – вольному воля. Кто-кто, а уж я-то дотяну как-нибудь до недалекого финиша в одиночку, как тянул бесконечное множество лет. В свете сказанного хлопотная для меня и связанная с потерей драгоценного времени поездка в Москву в ноябре отпадает. За пересылку письма Н. Я. благодарю. Ей – неизменный привет и наилучшие пожелания. Извини резковатый тон. Но я не люблю ни назиданий, ни оценок с высоты абсолютного превосходства. Я в таковое не верю. Ни в чье. Желаю здоровья. Г. Д. 23.08.67 г.

Они не могли забыть воспоминания о лагере. Им обоим было дано запечатлеть их в Слове.

* * *

Григорий Померанц позже скажет на конференции, посвященной 100-летию Шаламова: *«Один из путей к выздоровлению – память о жертвах сталинских застенков, разворачивание пружин страшного опыта в сердцах людей, обреченных Сталиным на многолетнее умирание, наподобие средневековой «тысячекратной казни».*

Но можно ли писать о чудовищном, не нарушая литературных канонов?

Об этом спорили между собой два колымчанина – Шаламов и Демидов.

Демидов считал возможным выбирать случаи, когда гибель заключенного становилась трагическим апофеозом. Шаламов возражал, что опыт Колымы не допускает катарсиса, очищения души страхом и состраданием.

Духовная смерть заключенных, мозг которых был иссушен голодом, часто опережала физическую смерть; люди в массе своей умирали сломленными, без сил подняться, с одной мыслью о куске хлеба.

Демидов доказал свою правоту делом. Уцелела пара его рассказов, где люди успевали что-то крикнуть перед смертью.

Но Шаламов тоже доказал свою правоту. Его новеллы похожи на показания свидетелей обвинения в процессе, который до сих пор не доведен до конца. Но свидетельства эти нетленны, и они еще будут выслушаны. Они остались в искусстве слова как стиль, достойный эпохи».

В заключение Г. Померанц сказал: *«У Демидова иногда заметно, что ему хочется что-то сказать, а повествование Шаламова как бы само собой сказывается. Это искусство особого жанра, жанра новеллы-свидетельства. Каждый рассказ – юридический документ, и каждый документ – образец новеллы. Их сдержанность в разговоре о неслыханном и чудовищном делает свидетельство еще сильнее. И когда автор теряет свою сдержанность и кричит – этот крик тоже свидетельство».*

Померанц приходит к обобщенному и верному выводу: *«Демидов уцелел на Колыме, но архив его был изъят, и только немногое опубликовано. Расхождения его с Шаламовым не очень велики. У них гораздо больше общего – в судьбе и в осмыслении ее. Эта общность связана с чертами того культурного слоя, который в 20-е годы еще не был полностью разрушен…»*

Свое выступление на конференции Г.С. Померанц назовет обобщенно: «Могила неизвестного зэка».

Еще одна солагерница Шаламова

От дочери Демидова Валентины Георгиевны я узнала, что в Харькове живет бывшая медсестра, которая хорошо знала и врача Елену Александровну Мамучиашвили, и Демидова, и Шаламова. Мне удалось разыскать ее и побеседовать с ней.

Наталья Борисовна Максимова. О ней в одном из писем и упоминал Демидов.

Мои впечатления от встречи**:** она заметно хромает. У виска большой шрам. Лицо запоминается сразу. Острый взгляд глубоко посаженных глаз. Неразговорчива. В речи вообще лаконична. Никаких фотографий нет, не сохранила!

Ее слова: *«Когда думаю о судьбе Вавочки (так она называла Варлама Шаламова, так называла его другая медсестра, ее подруга), то плачу. Он всегда носил с собой маленькую записную книжечку, в которую что-то часто на ходу записывал. Потом мы узнали от Е.А. Мамучиашвили, что это были стихи. Лицом он был суров и закрыт. Он был – полная противоположность Демидову, которого в больнице любили абсолютно все…»*

Глава 7

Неожиданные краеведческие страницы

1

Из показаний арестованного:

«*Один раз – примерно в июне–июле месяце 1935 г. Шаламов В.Т. был командирован редакцией в Киев–Харьков.*

По возвращении из командировки Шаламов, по словам заведующего редакцией Гусятинского А.И., очень хвалил бывшего директора Киевского индустриального института Ефимова – ныне разоблаченный как враг народа – троцкист.

Шаламов писал литературно-художественные очерки и новеллы (кроме работы в редакции «За промышленные кадры»), но тематика их была отвлеченной, рассказов на советские темы я у него не видал. Советской социалистической стройкой Шаламов не интересовался».

* * *

Так мелькнул слабый след того, что в 1935 году, до второго своего ареста, Шаламов посетил Харьков. С кем он встречался? Где остановился? Что записал, а может и опубликовал? К сожалению, вопросы, вопросы, вопросы…. Но так ли важно найти на них ответы?

Для меня гораздо важней сам факт, что Шаламов однажды в своей жизни ходил по тем же улицам, по тем же мостовым, что и я.

Справка

«Шаламов В.Т. работал в редакции журнала «За промышленные кадры» в качестве литературного редактора с 1.VIII. 1935 г. по 15.11.1936 г., был освобожден ввиду реорганизации журнала. Затем, в связи с уходом одного из наших старых сотрудников, принят вновь на его место с 20.III.1936 г.

Перед этим он работал в редакции журнала «За овладение техникой».

По заявлению сотрудников редакции, его рекомендовал б. начальник отдела втузов ГУУЗа НКТП профессор Красноперов Н.В., ныне работающий начальником отдела втузов ГУУЗа НКОП.

Вначале ему было дано эпизодическое поручение для проверки его деловых качеств (несколько очерков).

В его анкетных данных значилось, что он является сыном служащего-мещанина, родился в 1907 г., окончил школу II-й ступени в Вологде, далее учился в МГУ до 1928 г.

Затем работал 3 г. на Березниковском химкомбинате в качестве заведующего Бюро Экономики Труда, после чего в Москве в ряде журналов **(**«За ударничество», «За овладение техникой» и «Стахановец»**)**.

По его заявлению никаким административным и прочим взысканиям он не подвергался. Членом профсоюза состоял с 1926 г., членом партии и комсомола не был.

По справкам, которые наводили наши сотрудники в редакциях журналов, где он работал ранее, о нем никаких компрометирующих сведений не имелось.

В нашем журнале «За промкадры» он занимался главным образом вопросами физической культуры и художественной самодеятельности студенчества, текущим хроникерским материалом и литературной правкой статей.

Литературное ремесло он, видимо, изучил сносно, но работал как чиновник: аккуратно отсиживал часы, показывал достаточно ясно выраженное рваческое настроение – стремление за обычную служебную работу получить дополнительный гонорар, попытки получить прочий гонорар по наивысшим ставкам, что мы в применении к своим работникам обычно не делаем и т.д.

В результате этого произошло 2–3 крупные сцены, после чего я его из редакции уволил.

Он поступил в журнал «Стахановец», но журнал был чисто технический, и, когда у нас освободилась одна должность, он сам попросил вернуть его на работу в редакцию, и сотрудники редакции попросили меня возвратить его на эту работу.

Возвращение его на работу я обусловил достаточно жесткими требованиями иного отношения к работе, ликвидации всяких рваческих попыток и т.п.

В самой редакции он держался достаточно замкнуто.

В период кампании по подписке на заем я вынужден был очень долго говорить с ним о необходимости подписаться на действительный месячный заработок, от чего он все же уклонился и подписался лишь на тот минимальный оклад, который фактически равняется половине его заработка.

Очевидно, что человек жил двойной жизнью.

Я лично видел его только по службе, поручения давал чаще всего через заведующего редакцией, но и от своих прочих сослуживцев вторая его жизнь, видимо, была тщательно замаскирована. Во всяком случае, член партии т. Бочков, работающий в редакции, при моих периодических расспросах о настроениях сотрудников и т.д. точно также не может назвать никаких проявлений антисоветских настроений Шаламова.

Ответственный редактор журнала «За промкадры», член ВКП(б) с 1918 г. (подпись) Гр. Беляков. 19.IV.37 г.

(http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/113.htm)

Обратим внимание на дату этой справки.

Она говорит о многом, равно как и отдельные характеристики Варлама Тихоновича.

2

Однофамилец или дальний родственник?

Если заглянуть в «Памятную книгу Харьковской губернии на 1864 г.» (сост. Я. Голяховский), то можно узнать, что в городе жил некто по фамилии Шаламов.

И более того, дается краткая характеристика его деятельности: «коллежский асессор, архитектор губернской управы – Владимир Григорьевич Шаламов».

Так в цикле этюдов о Варламе Тихоновиче Шаламове появился новый сюжет и неожиданное направление историко-библиографического поиска.

Имел ли этот предок из рода Шаламовых хоть какое-нибудь отношение к вологодской ветви? И почему он жил именно в Харькове? И не просто жил, а трудился.

В середине 19-ого века не так много было профессиональных архитекторов. Что именно ему удалось построить? Каковы его даты жизни? Упоминание о нем в 1864 году позволяет предположить, что он родился, скорей всего, в 30-е годы 19 века…. А когда завершился его земной путь? Вопросы, вопросы, вопросы…

* * *

Поиск сведений об этом представителе фамилии Шаламовых дал скудные, но интересные результаты. Оказалось, он не все время был жителем Харькова.

Жизнь его завершилась в Петербурге, и в истории российской архитектуры он был известным архитектором Петербурга

В журнале «Петербургский юрист» (2006. № 11) автор статьи об истории здания юридического факультета петербургского университета Елена Емельянова писала:

«Факультету принадлежит здание бывшего полицейского управления, возведенное в 1882–1885 годах по проекту архитектора Владимира Григорьевича Шаламова (Большой проспект, 71)…» По ее убеждению, это здание «воплощает в себе неповторимый дух времени» и поражает глубокой продуманностью в необходимости наличия всех служб – от казарм для городовых и до квартиры смотрителя здания. На втором этаже располагались помещения мирового судьи и родильный приют.

80-е годы – это был уже качественно новый этап в жизни архитектора. Пора зрелых свершений…

Из другого источника узнаем: «Духовная семинария Петербурга была учреждена в 1869 году, но долго не открывалась. Только через 10 лет она заняла бывший дом столичного губернатора на Екатерингофском проспекте, 49, который по этому случаю был *переделан и надстроен арх. В.Г. Шаламовым.* В конце 1879 здесь была освящена каплица с тремя алтарями».

В справочном издании «Архитекторы: справочник «Единый художественный рейтинг» приведены даты жизни этого архитектора: «Шаламов Владимир Григорьевич (1836–1887).

* * *

В «Русском биографическом словаре» под редакцией Половцева о нем помещена краткая биографическая справка, из которой можно узнать немало.

Прожил он сравнительно недолгую жизнь – всего 50 лет, однако успел много. Рано начал профессиональную деятельность – когда ему едва миновало 20 лет.

По окончании среднего образования, В.Г. Шаламов в 1850 году поступил в строительное училище и через пять лет был выпущен «по первому разряду». Первоначально он был назначен в распоряжение инженера–генерала Кербедепа для производства изыскания и составления проекта железной дороги от Вильно до Ковно. Для молодого строителя это было чрезвычайно ответственное задание.

С 1867 по 1887 год он служил в ведомстве министерства внутренних дел. Ему пришлось работать на Украине – в Харькове, Змиеве, Житомире, а затем быть городским архитектором Петербурга.... В течение своей долгой службы городским архитектором Петербурга построил много частных и городских зданий. Он был действительным членом общества архитекторов. Умер 15 марта 1887 года в чине действительного статского советника.

Как видим, начав свою деятельность в Харькове скромным коллежским асессором, он дослужился до высокого государственного чина.

* * *

В списке ссылок есть указание на книгу профессора харьковского университета, протоиерея Тимофея Ивановича Буткевича, что представляется неожиданным поворотом в этом небольшом сюжете.

(Буткевич Т. И. Устройство и управление Римско–католической Церкви вообще, и в России, в частности. Харьков, 1916. С. 125–130).

Очевидно, речь могла идти о постройке каких-то культовых зданий в Харькове**.** Эту книгу еще предстоит разыскать, чтобы узнать, в каком именно контексте упоминается имя Владимира Григорьевича Шаламова.

* * *

Если обратиться к архитектурному и художественно–техническому журналу, который издавало СПб. общество архитекторов – журналу «Зодчий», то можно найти ряд дополнений к характеристике В.Г. Шаламова. Так, в 1880 году, в разделе «Хроника» обнаружилась небольшая заметка под названием «25-тилетний юбилей службы В.Г. Шаламова». Ее текст чрезвычайно интересен, и я приведу его полностью:

«17 июня с.г. небольшой кружок товарищей и ближайших сослуживцев архитектора и гражданского инженера Владимира Григорьевича Шаламова собрался за скоромным обедом, чтобы приветствовать его задушевным поздравлением с исполнившимся 25-тилетием его почтенной деятельности на поприще государственной и общественной службы».

Обратим внимание, что в данном случае отмечается также и общественное служение Шаламова. И далее: «Такое мирное и скромное празднество, без сомнения, важнее официальных торжеств, т.к. оно есть выразитель уважения беспристрастных ценителей юбиляра – его товарищей и сослуживцев… мы тем охотнее заносили настоящий случай в хронику, что всегда смотрели на этот почтенный обычай, как на одно из средств к установлению более тесного сближения между собратьями по искусству… готовы со своей стороны содействовать при каждом отдельном случае упрочению такого достойного способа ближайшего общения между членами СПб. Общества архитекторов».

Напрашивается сам собой вопрос: А было ли официальное признание заслуг юбиляра?

Ответа пока нет.

* * *

В 1879–1883годы как городской архитектор Васильевской и Петербургской частей города В.Г. Шаламов проводил работы по благоустройству улиц Петербургской стороны.

Назовем перечень домов, которые в Петербурге связаны с именем этого архитектора:

1. Здание римско-католической семинарии. Пр. Римского-Корсакова, 49. Перестройка. 1878.

2. Особняк А.М. Васильева. Большой пр. П.С., 42 – Стрельнинская ул., 2 – Колпинская ул.

3. Особняк и фабрика А.Л. Санисковского. Ждановская ул., 27. 1879.

4. Особняк А.И. Стратоновича. Английский пр., 56. 1879.

5. Жилой флигель. 13-я линия, 18, двор. 1879–1880.

6. Доходный дом. Бугский пер., 6, левая часть. 1881–1882.

7. Здание типографии А.С. Суворина. Ул. Чехова, 13. 1882–1883. (Надстроено).

8. Полицейский дом и пожарная команда Васильевской части. Большой пр. В.О., 71–73 – 21-я линия, 20. 1882–1884.

9. Производственный корпус завода Г.Г. Сименса. Наб. р. Смоленки, 6. 1883. (Надстроен).

10. Особняк Шуваловой. Косая линия, 3, левая часть. 1883. (Перестроен).

11. Жилой флигель. 24-я линия, 3–7, левая часть. 1884.

12.Дом Л.А. Перовского.

Историки города на Неве скрупулезно провели поиск по истории каждого дома. На первый взгляд, зачем этот сухой перечень названий улиц, зданий. Но, благодаря кропотливой работе историков архитектуры, стали видны реальные плоды профессиональной деятельности В.Г. Шаламова как городского архитектора в 70-е годы прошлого столетия.

* * *

Вблизи Большого проспекта Васильевского острова долгое время стояли небольшие деревянные домики и сараи. Только во второй половине XIX века начала быстро застраиваться эта часть города жилыми и промышленными зданиями. До нашего времени сохранилось несколько домов – № 3 (бывший особняк Шуваловой, 1880-е, *архитекторы В.Г. Шаламов,* А.А. Ашемур, Н.Ф. Беккер). В 1882–1884 годах по проекту архитектора В.Г. Шаламова, была построена в городе Дозорная вышка. Об этом факте сообщается в книге Кудашева Б.М. «По каналу Грибоедова». (Путеводитель. СПб., 1997).

* * *

На сайте города Житомира обнаружилась интересная подробность, связанная с именем инженера-архитектора В.Г. Шаламова.

Так, сообщается, что «с 1857 по 1874 годы по проекту петербургских архитекторов К.К. Рохау, Е. Жибера и *В.Г. Шаламова* в городе *построен православный Свято-Преображенский кафедральный собор*». Далее читаем:

«В те времена при хорошей погоде звон его колоколов был слышен на расстоянии 20 километров. Он до сих пор является действующим собором, а также памятником архитектуры государственного значения и считается крупнейшим в Украине по количеству верующих, которых может принять под свои купола».

Факты, раскрывающие деятельность В.Г. Шаламова как зодчего культовых зданий, представляют особый интерес.

* * *

Удивительно, но в журнале «Зодчий» за 1887 год почему-то некролога о В.Г. Шаламове не было, в то время как о других архитекторах подобные материалы появлялись неоднократно. Почему же не было некролога в данном случае? Загадка? Безусловно. К этому времени поменялся редактор-издатель, и может, это было причиной замалчивания имени В.Г. Шаламова? Кто знает….

Скудны, очень скудны, но в то же время весьма интересны обнаруженные сведения. Они указывают на слабый след, оставленный этой значительной личностью.

Архитектору удалось увековечить свое имя в построенных в разных городах по его проектам зданиях…

Неизвестны его родовые истоки, и то, что в юности он жил в Харькове, а в зрелые годы в Петербурге, еще не значит, что его предки не были связаны с Вологодской землей.

Архитектор Владимир Григорьевич Шаламов принадлежал к поколению деда Варлама Тихоновича Шаламова. В его судьбе немало неясностей и загадок.

О родовых корнях Варлама Тихоновича Шаламова

И.П. Сиротинская в 1994 году в журнале «Лад» писала: «Русское священство было поистине народной интеллигенцией – первые начатки грамотности, знаний, духовности несло оно народу». И далее раскрывала документы, связанные с предками Варлама Тихоновича.

Прапрадед писателя

Максим Харлампиевич Шаламов служил в Сретенском соборе (Мироносицком) Великого Устюга.

Корни рода уходят в глубь веков. Шаламовы служат во многих церквах Великого Устюга – церкви Симеона Столпника, Прокопиевском соборе, Сретенском...

Прадед

Иоанн Максимович Шаламов (1790–1849), *священник Васильевской церкви, Шасской волости, Устюжского уезда, в 50 километрах от Великого Устюга на реке Юг.*

Из клировых ведомостей Усть-Сысольского уезда установлено:

Дед

Николай Иоаннович Шаламов (1829–1910), дед писателя, *природою Шасской церкви Васильевской священника Иоанна Максимова сын. С 1867 года – священник Вотчинской Богородицкой церкви Усть-Сысольского уезда. Жена–Татьяна Андреевна, урожденная Мценикова, из духовного сословия.*

В Вологодских епархиальных ведомостях за 1911 г. № 1 помещен некролог на смерть Николая Иоанновича – «Венок на могилу доброго пастыря». С благоговением описывается «подвиг служения пастыря в зырянском краю», где он открыл школу, неустанно заботился о пастве, «чужой по языку», стал воистину «родным по вере». Это опровергает, кстати, версию В. Т. Шаламова о том, что его отец был «полузырянин», «полушаман»; только недавно сменивший бубен на кадило. Варлам Тихонович, как, увы, и все мы, не знал истории своего рода.

* * *

В некрологе «Венок на могилу доброго пастыря» посвященном отцу Николаю Шаламову написано: *«Ноября 3-го дня 1910 года, в 10 часов вечера, мерные удары колокола возвестили жителям села Вотчи о кончине 83-летнего старца-пастыря иерея Божия Николая Шаламова, который 43 года светил им тихим евангельским светом*

на святилище их приходской жизни, служа правилом веры и жизни христианской, являя нелицемерное воздержание учителя, образ кротости и любви ко всем своим пасомым.

Тяжел оказался подвиг пастырского служения в незнакомом краю и чужом народе. Нерадостны были первые впечатления по приезде к месту служения: обширный, неустроенный приход, разбросанность деревень, при полном отсутствии сносных путей сообщения, хотя и родной по вере, но чуждый по языку народ, полное невежество и темнота его, неустройства по храму. Сколько предстояло забот, труда, энергии, сколько душевной крепости, чтобы не пасть духом. Робкий человек растерялся бы при подобных обстоятельствах и, быть может, предался бы унынию. Но не таким был о. Николай. С первых же дней служения является у него мысль иметь в приходе школу. И вскоре он приводит ее в исполнение, открыв на свои трудовые скромные средства, в своем убогом домике школу грамоты. И долгие годы, вплоть до 1881 года, когда было открыто в селе земское училище, он преподает в ней безвозмездно начатки грамотности и христианского учения.

Немало забот он прилагает и к благоустроению приходского храма. С 1876 года по 1879 год он собирает пожертвования и строит каменную ограду вокруг храма с прекрасной железной решеткой и двумя входными воротами изящной архитектуры. С 1880 г. изыскивает средства и покупает в 214 пуд. благовестник, которого могучий звон разносился по дальним деревням прихода, возвещая им время молитвы. Через семь лет строит в теплом храме новый иконостас с хорошей резьбой и высокой позолотой. В последние же годы служения вещественным памятником неусыпной энергии и пастырской ревности является заново отремонтированный и расширенный каменный кладбищенский Стефановский храм.

После него не осталось никаких денежных средств, кроме скромного домика на церковной земле; какие были остатки, за покрытием необходимых расходов по хозяйству и дому, покойный употребил на воспитание детей в школе и дома.

Имя доброго старца-пастыря надолго будет памятно не только среди прихожан села Вотчи, но и других окрестных сел и деревень. Кто из его прихожан не вспомнит своего батюшку, который и в полуночный час, и в метель, и грозу, под дождем и снегом, по болотам и трясинам, без малейшего замедления, шел пешком за много верст утешить Св. Тайнами больных и умирающих?

Проводить своего почившего пастыря в вечную жизнь собрались все прихожане от мала до стара. Погребение о. Николая совершено 7 ноября при участии 3-х священников и 2 диаконов. По окончании божественной литургии сыном и преемником почившего сказано сердечное надгробное слово, а при отпевании задушевная речь о трудах покойного на зырянском языке священником Межадорской Введенской церкви.

Похоронен о. Николай в церковной ограде родного храма, где сам избрал он себе место почивать до общего воскресения».

Семья Николая Шаламова была большая. Жена его Татьяна Андреевна (Мусникова) тоже была из духовного сословия, дочь пономаря Яхренской Богоявленской церкви Никольского уезда. У них было шестеро детей. В молодости Татьяна Андреевна пережила сильное душевное потрясение, на ее глазах молнией убило одного из ее детей, и она долгое время страдала нервным расстройством.

Старшая дочь Ольга (1864 г.р.) вышла замуж за священника Николая Соколова, и жили они в с. Важкурья.

Дочь Мария (1873 г.р.) была замужем за священником Михаилом Поповым, который служил во Владикавказской епархии.

Дочь Елизавета (1870 г.р.) окончила курсы народных учителей и работала долгое время учительницей в с. Вотча.

Старший сын Тихон Шаламов (1868 г.р.) после окончания Усть-Сысольского духовного училища окончил Вологодскую духовную семинарию, служил священником на Кадьяке Алеутской епархии в Америке. В 1904 году вернулся в Вологду и служил священником в Софийском соборе.

Здесь у него родился сын Варлам, который стал известным писателем, автором «Колымских рассказов».

Дети Николая Шаламова породнились с детьми зырян.

Сын его Прокопий всю свою жизнь отдал служению на коми земле, прослужив в Вотчинском приходе до 1931 года.... Прокопием Шаламовым был составлен уникальный и единственный в своем роде труд «Церковно-историческое описание Вотчинского прихо-

да Усть-Сысольского уезда, Вологодской губернии», который был издан в г. Усть-Сысольске в 1911 году типографией «Следников и К°». В предисловии к этой книге он пишет: «Цель составления настоящей брошюры дать знать будущим членам приходской церкви и прихожанам о прошедших днях своей приходской церкви и прихода, а также дать краткое пособие для будущего историка православной церкви и русского царства».

Книга написана в прекрасном литературном и научно-исследовательском стиле. У автора чувствуется большая любовь к родному краю, к своим родителям.

Отец

«Священник Тихон Николаевич Шаламов (отец В.Т. Шаламова), священнический сын, родился 5 августа 1868 года при Богородской Вотчинской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской епархии.

Тихон Николаевич, рано уехав из дома для поступления в Вологодскую духовную семинарию, больше туда не возвращался. После семинарии он некоторое время был учителем церковно-приходской школы. Затем женился на коренной вологжанке из культурной учительской семьи (у Надежды Александровны Шаламовой, матери писателя, девичья фамилия была Воробьева).

Окончил курс в Вологодской духовной семинарии в 1890 году по второму разряду. Состоял учителем церковно-приходской школы (1890–1892 гг.). По представлению преосвященного Николая, епископа Алеутского и Аляскинского, назначен в Северо-Американскую епархию и рукоположен в священники 3 августа 1893 г. В 1894–1904 годах состоял законоучителем при Кадьякской церковно-приходской школе. В 1896–1904 гг. – смотритель и законоучитель Иоасафского приюта и школы мальчиков; смотритель и законоучитель Германовского приюта и школы девочек (1901–1904 гг.). А, кроме того – руководитель братства взаимопомощи, председатель общества трезвости. За труды на Аляске Тихон Николаевич был награжден золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества и представлен к ордену Анны 3-й степени. Тихон Николаевич возвратился в Вологду по собственному прошению в 1904 г. Был законоучителем Колесниковского приходского училища, 2-й женской гимназии, а с 11 сентября 1906 года перемещен на должность штатного священни-

ка в Софийский кафедральный собор. Имеет семью: жена Надежда Александровна 37 лет, сын Валерий 13 лет, дочь Галя 11 лет, сын Сергей 9 лет, дочь Наталия 7 лет, сын Варлам – 6 месяцев».

* * *

И.П. Сиротинская отмечает: *«Тихон Николаевич активно участвует в общественной жизни Вологды. Обладая незаурядным даром проповедника, он обращает его на утверждение основ нравственности, милосердия, просвещения, яростной борьбы с алкоголизмом, который считал «грозной опасностью» для русского народа. В годы войны он заботился о раненых и увечных воинах, о семьях погибших.*

В апреле 1917 года по инициативе Тихона Николаевича было разослано воззвание к православной пастве от имени вологодского духовенства: «Мир имейте между собою!» Увы, предупредить кровавую братоубийственную войну не удалось.

Гражданская война была крушением семьи Шаламовых. Полунищее существование бывшего священника, слепого и беспомощного... обыски, оскорбления.

Тихон Николаевич умер 3 марта 1933 года, как помечено в свидетельстве о смерти, «безработным» – не нужным оказалось обществу его служение, его честность, его знания».

.

Трагическая судьба дяди Прокопия

«Старожилы Вотчи сегодня помнят только одного Шаламова – **Прокопия, сына о. Николая,** брата отца писателя. Он прослужил в Вотче священником до 1929 года, а в 1930 году был «раскулачен», арестован и расстрелян «за антисоветскую пропаганду». На самом деле, как показывают архивные материалы, это было абсолютно бездоказательное обвинение.

Два клана Шаламовых, разделенных сотнями километров – в Вотче и в Вологде – повидимому, не общались».

* * *

Священник Прокопий, продолжая традиции своих предков, вступает в сан священника в 1899 году на место отца и служит в этом звании, так же, как и отец, 32 года – до своей трагической смерти.

Сравнивая его с предшествующими священниками Вотчинского прихода, можно сказать, что он отличался не только церковным служением. Это и большая исследовательская деятельность по сбору материалов по истории Вотчи и ее церковной жизни. Из наградных знаков и отличий он имел набедренник, серебряную медаль Красного Креста в память деятельного участия в Русско-Японскую войну 1904 и 1905 гг. и серебряную медаль на Владимирской и Александровской ленте в память 25-летнего существования церковноприходских школ. Несмотря на награды, он был скромным человеком.

* * *

Из воспоминаний бывшего учителя–пенсионера О.Т. Кушманова: *«Я учился в Велпоне с 1914 по 1918 год, школа размещалась в крестьянском доме. Прокопий Шаламов всегда в Велпон приезжал на своей белой лошади, у них было свое хозяйство, несколько коров, лошадь. Учился я вместе с дочерью священника Катей Шаламовой, она ничем не отличалась от всех остальных крестьянских детей, хотя была поповской дочерью, одевалась так же скромно, таким же был и ее брат Сергей».*

Но вот грянула революция.... В 1931 году священник Прокопий Шаламов был репрессирован.

Из протокола заседания комиссии по разбору кулацких жалоб при Облисполкоме 29 июня 1930 года, рассмотрена жалоба «служителя культа» Вотчинской церкви Шаламова П.Н. «Хозяйство отнесено к группе кулаков по признанию получаемого нетрудового дохода от служителя культа. Земельным наделом не пользуется. Решение комиссии: Считать не кулак, а служитель культа».

Из воспоминаний его дочери Е. П. Савушкиной:

«Увезли отца в 1930-м году, больше мы его не видели. По одним сведениям, его вместе с женой отправили на Соловки, по другим – расстреляли где-то недалеко от родных мест, заставив предварительно вырыть себе могилу – таков был циничный ритуал, принятый ОГПУ».

Эти слова недалеки от истины. В архиве ФСК РК хранится дело на Шаламова Прокопия Николаевича. В нем приведены такие сведения: «Имущество конфисковано в 1930 году, лоялен к Советской власти, был под следствием 1922 и 1925 годах, как подозреваемый в сокрытии или тормозе сдачи церковных ценностей».

* * *

Об этом сам он пишет: *«Виновным я себя не считаю ни в чем, под судом был в 1925 году, обвинялся в том, что будто бы тормозил сдачу церковных ценностей, по суду я был оправдан. Слухи о падении Советской власти и о том, что с падением Советской власти у коммунистов и колхозников будут выжигать на спине клейма, я не распространял. Против коллективизации сельского хозяйства я также не выступал и не агитировал. В части лесозаготовок я также не говорил ни одного слова. На заседаниях церковного совета иногда участвую, но это только по вызову церковного совета, а сам без приглашения ни разу не бывал. От членов церковного совета антисоветской агитации я не слышал. Больше по делу показать ничего не могу».*

Прокопия Шаламова арестовали 25 января 1931 года, в качестве обвиняемого был допрошен 19 января. В протоколе допроса, проведенного 20 января, он перечисляет своих детей, их у него было семеро. Из справки, выданной санчастью Сыктывкарского лагеря от 10 февраля 1931 года за № 918: «Дана сия з/к Шаламову Прокопию Николаевичу в том, что при освидетельствовании состояния его здоровья, оказалось, что он страдает склерозом сердца и острым малокровием. Начальник санчасти Чернявский».

Еще несколько слов из показаний о. Прокопия: *«Как пользовавшийся наемным трудом, я не отрицаю правильности моего раскулачивания, она меня не оттолкнула от политики власти, но я задет тем, что конфискацию провели ночью, в 2 часа ночи и унесли все имущество, которое куда девалось для меня неизвестно. Раскулачен был за невыполнение хлебозаготовки, которого не имел. 12.02.31 г.».*

* * *

Затем приводится акт о расстреле: «1931 г. мая 28 дня комиссия в составе, зам. нач. СПО Коми обл. отд. ОГПУ Колованина и уполномоченного ЭКО т. Савельева, сотрудника КО ОГПУ Казакова составила настоящий акт о нижеследующем: с/числа в 24 часа в местности «Дырнос дор» в полтора километрах от окраины города привели в исполнение постановление тройки ПП ОГПУ СК от 13.05.31 г.

«Каковые расстреляны, и трупы похоронены на месте, о чем и составлен настоящий акт».

И все... Ни могилы, ни знака, который бы указывал место захоронения, не сохранилось, но может быть кто-нибудь из старожилов города или родственники расстрелянных что-нибудь знают об этом?

* * *

Не менее трагическая судьба постигла и жену Прокопия Шаламова – Марию Александровну. Сведения о последних днях ее жизни также хранятся в архиве ФСК РК.

Из ордера на арест **Шаламовой М.А.** от 23 февраля 1937 года: «…Жена расстрелянного священника, проживающая в с. Кочпон, ул. Колхозная 11, на протяжении ряда лет имеет связь с ссыльным духовенством, систематически проводит, организует антисоветскую деятельность, устраивает нелегальные сборища членов группы у себя на квартире. По поручению актива группы, выполняет роль связиста с контрреволюционными элементами – церковниками Сыктывкарского, Сысольского и других районов и епископом Великоустюгским Питиримом, для чего в 1936 году специально выезжала в Устюг и выше упомянутые районы».

Обыск на квартире был проведен 24 февраля 1937 года. Изъято: 8 фотографий, писем с надписью Шаламовой – 1 пачка, крест серебряный с цепью – 1шт., маленькие иконки – 2 шт. В анкете отмечено: в 1930 году раскулачена как жена служителя культа. Постановили: меру пресечения избрать содержание под стражей в Сыктывкарской тюрьме НКВД по 2-й категории с 10 марта 1937 года.

Приобщено как вещественное доказательство: 1. Письмо Трусева к Шаламовой. 2. Письмо дочери Лидии Шаламовой, в котором сообщается о голоде в Рязани. 3. Письмо Федотовского, из которого видно, что Шаламова руководит работой по оказанию материальной помощи ссыльным. Два заявления Шаламовой на имя Великоустюжских епископов Николая и Питирима, которые изобличают ее в контрреволюционной деятельности. Постановление: «Выше перечисленные документы приобщить к настоящему делу, как вещественное доказательство, изобличающее Шаламову М.А. в к-р деятельности» 5 мая 1937 г. Подпись: Выжленцов.

И медицинская справка: «Шаламова М.А. – 55 лет страдает пороком сердца, неврозом сердца» 23 мая 1937 г.

* * *

Одно из писем Марии Александровны было опубликовано в газете «Вера» № 32 за 1991 год в статье «Будучи антисоветски настроены…»

Второе письмо Архиепископу Николаю публикуется впервые:

«ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ. Высокопреосвященнейшему Архиепископу Николаю.

От смиренной вдовы, бывшей жены священника
ШАЛАМОВОЙ Марии Александровны.

Прошение.

«В селе Вотче вверенной Вам епархии в церкви Рождества Богородицы с 1897 года мой покойный супруг, ныне скончавшийся или вернее лишенный жизни за славное имя Христово 1931 г. в узах темницы, был священником этого прихода. В течение 33-х лет я вместе с ним несла все невзгоды и радости приходской жизни, стараясь быть не только спутницей супругой жизни, но и сотрудницей всей его пастырской деятельности.

При последнем, предсмертном свидании с моим супругом в темнице о. Прокопий, так было имя ему, еще раз подтвердил и укрепил мою волю в прежде избранном мною пути следования за Христом. Это свое желание и благословение он подкрепил и, ныне я верю, подкрепляет своими молитвами и предстательством перед Богом.

С первого же момента после его смерти, когда горечь утраты еще были свежа в моей душе, я стала проводить в жизнь все то, о чем я дала внутренний обет перед Богом – стала служить всем невольным узникам Христовым, находящимся в нашем крае, от своих имений и от трудов рук своих.

Милостивый Господь, источник всякого добра, помогал мне всем потребным. Так во смирении и терпении и до сего дня тщусь быть полезной всем нуждающимся. Молитва и пребывание в храме Господнем сделалась необходимой потребностью моей души.

Мысль о монашестве, возникшая в моей душе еще накануне брака, все сильнее и сильнее крепла в моей душе, а ныне явилась неотложной потребностью моего сердца.

Поэтому-то я смиренно и припадаю к Вашим архипастырским стопам, раскрывая перед Вашим просвещенным взором тайники своей души, чтобы получить от вас молитвенное архипастырское благословение на начало нового монашеского пути.

21 сентября, в День отдания воздвижения креста Господня и памяти Димитрия Ростовского. Раба Божия Мария».

В приговоре к расстрелу от 13 сентября 1937 года говорится: *«Жена священника, расстрелянного за к-р деятельность, являлась активной участницей к-р фашистской группы церковников, именовавшейся «Священная дружина». Занималась сбором средств для оказания материальной помощи ссыльным духовникам, среди населения распространяла к-р клеветнические измышления о положении колхозников».*

Приговор приведен в исполнение 15 сентября 1937 года. Обоим, и мужу и жене, на момент расстрела было по 55 лет.

Паспорт и два фото Марии Александровны высланы дочери Савушкиной Е.П. в Ленинград в 1989 году. Она еще в 1947 году обращалась с просьбой о высылке свидетельства о смерти матери в органы КГБ.

* * *

Обобщив разные публикации, можно согласиться с заключением И.П. Сиротинской:

«В генах Варлама Тихоновича – служение святому делу, правде-истине и правде-справедливости. Только послужил он ей иначе».

Архитектор Владимир Григорьевич Шаламов мог принадлежать к дальним родственникам. Если предположить, что у прадеда Иоанна или у деда писателя – Николая Иоанновича был брат Григорий, то тогда сын Григория – Владимир Григорьевич вполне мог быть по мужской линии прямым продолжателем рода Шаламовых. Но это только предположение.

В судьбе этого представителя рода Шаламовых таится немало неясностей и загадок.

Глава 8

Сердечный отклик

Осенью 2006 года, в трудный момент моей жизни, я четко осознала, что мне Промыслом Божиим посылается реальная помощь свыше. Я обрела мощную духовную поддержку, особенно после того, как познакомилась с последними изданиями, появившимися уже в начале XXI века:

- В. Шаламов. «Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела». (М., 2004.)
- М. Юдина. «Вы спасетесь через музыку. Литературное наследие». (М., 2005).
- М.В. Юдина. «Высокий стойкий дух». Переписка. (1918–1945) (М., 2006).

Личность Юдиной я «открывала» для себя заново. Вся жизнь Марии Вениаминовны Юдиной была подобна *«лучу иного бытия»*. В этом я убедилась, читая разные свидетельства о ней и ее деятельности, о ее величественном, неповторимом облике и том впечатлении, какое она производила на своих современников.

О книге «Дорога и судьба»

В год своего 60-летия Варлам Тихонович Шаламов пережил тихую, но в тоже время, горькую радость после выхода в свет небольшого сборника его стихов под символичным и емким названием «Дорога и судьба».

Конечно, как это не банально звучит, у каждого поэта всегда своя дорога и своя судьба, и с этой точки зрения, название сборника емкое и глубоко выношенное, что сразу даже и не осознаешь. В аннотации, обращенной к современному читателю, редакция объясняет: *«Дорога и судьба» – третья книга стихов В. Шаламова. Поэзия В. Шаламова привлекает глубоко заложенным в ней философским началом, достоверностью наблюдений, «взвешенностью» слова…. Большинство стихов новой книги поэта было опубликовано в периодике».*

Тираж новой книги стихов Шаламова по тем временам был немаленький (10000 экземпляров), но в то же время, гораздо меньше тиражей книг тех поэтов, чье имя было на слуху.

Листая страницу за страницей, я обратила внимание на ее художественное оформление. По всему было видно, что каждое стихотворение отзывалось в душе художника своей струной, и потому так проникновенны заставки и концовки.

Художником этого прижизненного издания Шаламова выступила дочь известного поэта-переводчика старшего поколения Сергея Шервинского – Анна Шервинская. Книга вышла с суперобложкой, на которой было помещено фото автора.

Очевидно, ее причастность к выходу в свет этой книги была не случайной. Она стала плодом их краткого творческого общения.

Чувство радости у автора все-таки перекрывало горечь и досаду. Эту радость ему хотелось разделить с другими. С кем же именно? Он дарил эту книгу многим, но далеко не всем своим знакомым, а только тем, кого считал творческими личностями. Но было у него и чувство непреходящей горечи оттого, что многие стихотворения из-за цензурных препон вообще не вошли в этот сборник, другие же были напечатаны в урезанном варианте.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…»

О том, что книга В. Шаламова находила живой отклик у читателей, свидетельствует ряд сохранившихся писем в его адрес, написанных почти в одно и то же время.

1

Варлам Тихонович писал дочери поэта Вадима Андреева – О.В. Карлайль-Андреевой: *«Дорогая Ольга Вадимовна. Мой сборник еще не вышел, когда Вы были в Москве, и я не мог вручить книгу Вам лично. Посылаю «Дорогу и судьбу» – почтой и прошу принять ее с добрым сердцем. С уважением и симпатией. В. Ш. Ольге Вадимовне Карлайль с глубокой симпатией и уважением».*

На это письмо быстро пришел ответ следующего содержания: *«Женева. 7 августа 1967 года. Дорогой Варлам Тихонович, мы получили Вашу книгу. На этот раз она дошла отлично. Спасибо! Новая книга хороших стихов – большая радость для Вадима и для меня. Мы оба ее читаем. С книгой надо пожить некоторое время, вчитаться в нее. Нам уже попались две подборки ваших стихов в журнале «Юность», и не без удовольствия видели ваш портрет. Среди стихов мне очень понравились: «Я иду, отражаясь в глазах москвичей» и «Не удержал усилием пера».*

Встретила и стихи, напечатанные в «Юности» – «Цветка иссушенное тело» и «Баратынский»... мы думаем поехать в Москву будущим летом или весной, и тогда, надеюсь, будем встречаться с вами». Далее следует интересная по своему содержанию приписка Вадима Леонидовича Андреева: *«Дорогой В.Т. мне очень нравятся Ваши стихи, прежде всего потому, что они не берут за шиворот – внешне они – ох как спокойны, а ведь уйти от них нельзя.*

Нравятся они мне потому, что они сильны не внешней, а внутренней силой. Целый ряд стихотворений ваших стали «моими» – о великой неизбежности рыбьего нереста вы рассказали прекрасно, о стланнике, о «вписанном круге» (которому я не верю), иные строчки уже бормочу как «свои»:

«Нет участи слаще,
Желанней конца.
Чем пепел, стучащий
В людские сердца».

Я еще не сжился, а только сживаюсь с Вашей книгой – каждый день открываю новое и мне близкое: вот сегодня открыл

«Тополь» и неожиданные в своей жестокости слова – «в окне вдруг стало чересчур светло – я догадался: совершилось зло».

Зло от света – повторяю – неожиданно, жестко – и верно.

Спасибо за Вашу книгу. Крепко, крепко обнимаю Вас. Всей душой Ваш. Вадим Андреев».

В этом отзыве характеристики понравившихся строчек Шаламова вполне конкретны. Надо полагать, это письмо доставило автору несколько приятных минут истинного удовлетворения. Ведь эти слова написал не кто-нибудь, а сын Леонида Андреева, да к тому же поэт.

2

25 августа 1967 года на книгу откликнулся художник Владимир Григорьевич Вейсберг (1924–1985). Он написал Шаламову: *«Приношу извинения, что с большим опозданием – я не был в Москве – отвечаю на Ваш замечательный подарок…. Хочу сказать Вам, что я являюсь Вашим почитателем. Вы один из немногих русских литераторов, оставшихся верным искусству правды».* В этом кратком отзыве особенно проникновенно звучит последняя фраза. С этим художником его познакомила Н.И. Столярова – человек, которого очень почитал сам Шаламов.

3

В начале сентября 1967 года автор книги воспоминаний о ГУЛАГЕ под названием «Крутой маршрут» Евгения Семеновна Гинзбург (1906–1977) ответила Шаламову. В лагере Евгения Гинзбург под влиянием нового духовного опыта до конца излечилась от большевизма. Она перешла в католичество и, оказавшись на свободе, решилась создать книгу о лагерной жизни на Эльгене.

Она тоже написала В. Шаламову благодарственное письмо, в котором обращают на себя внимание следующие признания: *«… застала в почтовом ящике нечаянную радость – вашу книжку. От всего сердца благодарю Вас. Предвкушаю сегодняшний вечер, когда я останусь одна и смогу в нее углубиться…*

…мне близки Ваши стихи, я искренне рада им… и так хочу дождаться того дня, когда вдруг вот так же неожиданно выну из почтового ящика книжку Вашей замечательной прозы…»

4

24 августа 1967 года в парижском издании газеты «Русская мысль» появилась статья поэта Георгия Адамóвича, о существовании которой Шаламову стало известно несколько неожиданно. Статью по праву можно считать еще одним непосредственным откликом на последние стихи Варлама Тихоновича. О ней он узнал от критика Олега Михайлова.

Вот фрагмент отзыва Г. Адамовича: *«Сборник стихов Шаламова – духовно своеобразных и по-своему значительных, непохожих на большинство теперешних стихов, в особенности стихов советских, – стоило и следовало бы разобрать с чисто литературной точки зрения, не касаясь биографии автора. Стихи вполне заслужили бы такого разбора и, вероятно, для самого Шаламова подобное отношение к его творчеству было бы единственно приемлемо. Но досадно это автору или безразлично, нам здесь трудно отделаться от «колымского» подхода к его поэзии. Невольно задаешь себе вопрос: может быть, хотя бы в главнейшем, сухость и суровость этих стихов есть неизбежное последствие лагерного одиночества, одиноких, ночных раздумий о той «Дороге и судьбе», которая порой выпадает на долю человека? Может быть, именно в результате этих раздумий бесследно развеялись в сознании Шаламова иллюзии, столь часто оказывающиеся сущностью и стержнем лирики, может быть, при иной участи Шаламов был бы и поэтом иным? Но догадки остаются догадками, и достоверного ответа на них у нас нет…»*

5

На поэтический сборник «Дорога и судьба» откликнулась и современная критика. Так, в «Литературной газете» 31 января 1968 года была напечатана рецензия молодого критика Олега Николаевича Михайлова. Свою публикацию он назвал многозначительно: «По самой сути бытия». О предыстории появления рецензии критик позже вспоминал: *«В 1967 году в вышедшей в издательстве «Знание» брошюре «Любят ли ваши дети поэзию?» я не только дважды уважительно процитировал шаламовские стихи…. Конечно, брошюрка моя о поэзии была элементарной, не вдавалась в тонкости стиха, и*

адресована была «просто читателю». Я послал ее Шаламову вместе с рецензией эмигрантского поэта и критика Георгия Адамовича на его книжку стихов «Дорога и судьба», напечатанной в парижской «Русской мысли». В зарубежье уже гремели шаламовские «Колымские рассказы», и Адамович так и назвал свой отзыв: «Стихи автора «Колымских рассказов».

* * *

22 декабря 1967 года Шаламов откликнулся на присланную брошюру и написал Михайлову: *«Дорогой Олег Николаевич. Сердечно Вас благодарю за Вашу книгу. Книга разумна, полезна и серьезна. Несколько универсальна, пожалуй. О стихах написано необычайно мало. Асеев, Маяковский писали ведь вовсе не о стихах. Благодарю за страницы 25, 55, 74. Особенно тронут упоминанием «Очерков преступного мира». А как мне получить копию Вашей рецензии на «Дорогу и судьбу»? Нельзя ли ее столкнуть в бурные волны самотека? От всей души благодарю Вас за рецензию Адамовича. Ваш В. Шаламов».*

* * *

Олег Михайлов позже вспоминал*: «К тому времени в редакции «Литгазеты» лежала и моя рецензия – «По самой сути бытия». Но главный редактор А.Б. Чаковский все тормозил ее».* Наконец, вопреки всем тормозам, рецензия появилась 31 января 1968 года.

О. Михайлов достаточно критически отнесся к собственным строчкам. По этому поводу он писал: *«Она была не в пример скромнее и скованнее отзыва Георгия Адамовича. Приходилось говорить полунамеками, осторожно обходя «лагерный опыт» автора там, где парижский поэт, напротив, обращал на него внимание, останавливался и «заострял»…*

Прислушаемся к голосу рецензента: *«…Благодаря нравственной наполненности, серьезности содержания, выверенности слова и насыщенности жизненным трудным опытом – благодаря всему этому произведения Шаламова обладают в избытке той «учительной» силой, которая драгоценна всегда, а в наши дни, когда так много говорится о духовном формировании человека, в особенности».*

Рецензент в своих суждениях был несколько категоричен. Он писал: *«Стихи Шаламова – для вдумчивого чтения. В них есть своя особенная мысль о мироздании, о жизни, о совершенстве природы: «У деревьев нет, у зверей уродов нет…»*

В этой стройной и прекрасной иерархии природы, какое место отведено человеку? В человеке Шаламов видит раньше всего родство всему сущему, близость к птице, к облакам и звездам и данное северному стланику, что терпеливо и стойко пережидает долгие холода тундры. Сила жизни у стланика равнозначна для поэта силе человеческого духа, выстаивающей наперекор тяжким невзгодам».

Особенно примечательны следующие слова рецензента: *«Спор, который ведется поэтом – не по мелочам, не по «разночтению», а по самой сути бытия…. Недаром его Аввакум, в достаточной степени отошедший от своего исторического прообраза восклицает:*

«Наш спор – не церковный
О возрасте книг,
Наш спор – не духовный
О пользе вериг.
Наш спор – о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать».

Как отважные водители фрегатов устанавливали в открытом море точный курс по недвижным звездам, так человек, по мысли поэта, должен направлять свою жизнь по абсолютным ценностям, бескомпромиссно руководствуясь истиной.

Шаламов открывает в человеческой душе такие запасы стойкости, нравственной прочности и мужества, которые предвещают безусловное, конечное торжество над всяческим злом на земле. Это ощущение победы звучно нарастает в его стихах, в поэзии, в неугасимом творчестве видит он подтверждение своему выношенному оптимизму».

Не будем забывать время, когда были написаны эти строки. Они многого стоят…. Позже Олег Михайлов объяснял: *«Мне же поневоле приходилось переводить все в иную, «оптимистическую плоскость».*

Спустя десятилетия О. Михайлов пришел к убеждению, что: *«как прозаик Шаламов был все-таки много выше, чем поэт, хотя стихи его отмечены несомненным и оригинальным даром и звукописью, и силой мысли».*

* * *

2 февраля 1968 года Шаламов прислал ему развернутое послание, где выразил ясно и твердо свое кредо – кредо гражданина и художника. Его ответ чрезвычайно интересен: *«…Благодарю вас за рецензию в «Литературной газете». Формула ваша отличается от концепции Адамовича (автор готов «махнуть рукой на все былое»).*

... я вижу в моем прошлом и свою силу, и свою судьбу, и ничего забывать не собираюсь. Поэт не может «махнуть рукой» – стихи тогда бы не писались. Все это не в укор, не в упрек Адамовичу, чья рецензия умна, значительна, сердечна и – раскованна.

Сборник стихов – не роман, который можно перелистать за ночь.

В «Дороге и судьбе» есть секреты, которые открываются не сразу. Да еще 20-тилетней давности. Непоправимый ущерб в том, что здесь собраны стихи – калеки, стихи – инвалиды (как и в прошлых сборниках)».

Последние определения удивительно тонко передают трепетное отношение Шаламова к собственным поэтическим текстам, как к живым и страдающим существам. Его откровенные признания частично приоткрывают творческую мастерскую поэта. Читаем далее: *«…«Аввакум», «Песня», «Атомная поэма» («Хрустели кости у кустов»), «Стихи в честь сосны» – это куски, обломки моих маленьких поэм. В «Песне», например, пропущена целая глава важнейшая и в конце не хватает трех строф.*

В других поэмах ущерб еще больше, а «Гомер», «Седьмая поэма» и к порогу сборника не подошли.

Нарушением единого тона сборника было включение стихов, написанных на Колыме в 1949 и 1950 годах: «Чучело», «Притча о вписанном круге» и еще несколько из моих архивных тетрадей. Но лучше было включить эти стихи, как след настроений тех лет и как доказательство, как трудно на Колыме было складывать буквы в слова.

В свое время Пастернак был против «Чучела» и понял все только при личной встрече».

Далее поэт открывает часть «секретов», содержащихся в сборнике: *«В сборнике есть два «прозаических» стихотворения («Прямой наводкой» и «Гарибальди»), заменившие старые стихи о Цветаевой. Я написал более тысячи стихотворений. А сколько напечатал? 200–300? – отнюдь не лучших… я пишу всю жизнь, но несколько сот стихотворений утрачено (как и несколько десятков рассказов).*

Сохранившиеся стихи 1937–1956 годов «Колымские тетради» – их 6 – смею надеяться – страницы русской поэзии, которых никто другой не напишет». Заметим, что «Колымские тетради» в полном варианте увидели свет лишь в... 1994 году, благодаря титаническому труду И.П. Сиротинской.

И завершает это письмо важное признание Шаламова как тонкого мастера и художника слова: *«…Теперь о поэзии мысли. Мне представляется крайне важной эмоциональная сторона дела, чувства, которые исследуют стихом и только стихом в пограничной области между чувством и мыслями, составляющие суть, на мой взгляд, творческого процесса».*

Так, знаменитая тютчевская строчка – «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» в данном контексте наполнилась напряженным и разноплановым смыслом.

Удивительное самораскрытие

Еще 26 июня 1967 года по поводу выхода в свет книги «Дорога и судьба» В.Т. Шаламов написал И.П. Сиротинской. С ней он делился своими самыми сокровенными признаниями. Это поразительно доверительные строки: *«… книжка моя вышла, она и к дню рождения успела, хотя это чистая случайность – издательство ведь не знает моего дня рождения.*

Эта книжка получше прежних, но лучше за счет старых стихов 10–20-ти летней давности, к тому же претерпевших всяческие сокращения, урезки.

«Аввакум» и «Стихи в честь сосны» – сокращений предельных, а из «Атомной поэмы» напечатана одна тридцатая часть, только вступление («Хрустели кости у кустов»).

«Песня», наименее пострадавшая и то в 5-ти, а не в 6-ти главах. (Нет «Я много лет дробил каменья, не гневным ямбом, а кайлом»!).

И три строфы сняты в конце этой маленькой поэмы. Так что большой радости книжка эта мне не доставила…, писать об этой книжке не будут – я ведь не вхожу ни в какие группы…. 60-тилетие свое я, всю жизнь занимавшийся стихами и прозой, встречаю вот с каким итогом».

Эти признания заметно приближают к нам Шаламова как человека весьма тонкого и ранимого. Они показывают, насколько остро все воспринимала его тонко чувствующая и не огрубевшая от лагерной жизни душа.

Сердечный отклик

В эпистолярном наследии известной пианистки, философа и духовной писательницы, человека широчайшей эрудиции Марии Вениаминовны Юдиной (1899–1970) сохранилось письмо, обращенное к Варламу Тихоновичу Шаламову. Этот документ опубликован в 2004 году в «Новой книге воспоминаний, переписки и следственных дел В. Шаламова».

Для меня текст ее письма подобен вспышке молнии, озарившей мою душу. На жизненных перекрестках встретились два таких дорогих для меня имени. Судьбы этих ярких личностей я воспринимаю чрезвычайно остро и давно уже не отстраненно.

Мне близко признание М.В. Юдиной в том, что она видит себя «звеном в единой цепи», если мерить жизнь в историческом масштабе. Этот чрезвычайно емкий и многозначный образ осознала и я, поскольку тоже являюсь своеобразным *«звеном»* в той цепи, которая соединяет духовное Прошлое и Настоящее.

Приведу текст письма Юдиной в адрес Варлама Тихоновича Шаламова почти полностью: *«Москва, 12 июля (29 июня) 1967 года. (Святых и Всехвалимых Первоверховных Апостолов Петра и Павла).*

Дорогой, глубокоуважаемый Варлам Тихонович!

*Великое Вам спасибо за стихи, за память обо мне, грешной, за надпись. Стихи – великолепны, многие – **неожиданны**, ярки, самобытны, везде, везде – Божия правда…»*

Далее Мария Вениаминовна приводит особенно поразившие ее строки:

«От казни до казни
Спокойно иди…»

«И иго мне благо,
И бремя легко…»

«Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет…»

И природа, природа, тварность и София – Премудрость…»

Особенно интересна такая подробность в её письме: *«Кстати – пишу, увы, с опозданием, но сегодня и День ангела Приснопамятного о. Павла (Александровича) Флоренского, – «Певца» Софии... Еще и еще благодарю Вас за все,* ***дорогой*** *поэт*!». (Слова выделены М.В. Юиной – С.Ш.).

В глубокой и напряженной внутренней жизни она ни на минуту не забывала о кратком, увы, духовном общении с отцом Павлом Флоренским.

Это письмо написано в 1967 году, т.е. спустя 30 лет после гибели П. Флоренского. Но для Юдиной он по-прежнему оставался Учителем и Собеседником.

Далее Мария Вениаминовна предельно откровенно признается Шаламову: *«Опаздываю я везде и во всем: и мне выпадает нелегкая доля осуществлять лишь малую долю мне данных возможностей в искусстве, насыщая таковые, скажем, теологическими размышлениями, – ибо толпой, стеной высятся на моем пути неисчислимые долженствования именно «света чужих страданий»…*

Очевидно, это признание могло прозвучать как непосредственный отклик на текст письма Шаламова. Во всяком случае, слова Юдиной вызывают такое ощущение, будто между ними продолжается естественный, некогда начатый диалог. По тону письма видно, что В.Т. Шаламов относился к тому кругу людей, которые были близки ей по мироощущению.

Мария Вениаминовна Юдина отличалась поразительной отзывчивостью и бескорыстным служением тем людям, кто страдал и

был гоним. Этому можно не только удивляться, но и благоговейно восхищаться, если принять во внимание, в какое время она осуществляла эту действенную и многолетнюю помощь людям. Юдина постоянно за кого-то хлопотала и посильно помогала – духовно и материально – семьям репрессированных друзей, в том числе, и семье Флоренского.

Заканчивается письмо Юдиной строчками ее любимого поэта Бориса Пастернака.

«Значит, так мне на роду написано, и надеяться, что: *«Другие по живому следу – Пройдут твой путь за пядью пядь…»*

Пройдут ли?… Да хранит Вас Пресвятая Владычица и Заступница наша, Преблагословенная Богородица, Лоза Истинная, Высшая Небес... Глубокий Вам поклон! Простите. Искренне Ваша М. Юдина».

Последняя фраза свидетельствует о Юдиной, как о глубоко верующем человеке, что также выделяло ее в среде российской интеллигенции того времени. В своей вере она была бесстрашна и непоколебима.

Поразительно, как тонко Юдина уловила потаенно звучавшую ноту неистребимой и глубокой веры Шаламова (правда, он не раз открещивался от религии, но вера и религия – суть вещи разные, хотя и взаимосвязанные).

В условиях колымских лагерей только высокая стойкость духа Шаламова позволила ему сохранить свою личность. Только Промысел Божий сохранил его творчество, состоявшееся вопреки всем ужасам реальной жизни.

На перекрестках века судьбы Шаламова – Пастернака – Юдиной гармонично пересекаются.

Вся ее жизнь была как «луч иного бытия»

«Бетховенский дух реет надо мною».
М.В. Юдина

Мое знакомство с «житием» Марии Вениаминовны Юдиной убедило в правильности понимания того, что каждое Время рождает людей, чья жизнь «как луч иного бытия», как проявление Вечности и вневременных ценностей Жизни вообще.

И если астрономическое время связано с какими-то биоритмами человека, его растительной жизнью, и потому неизбежно ведет к смерти, то существует и духовное время.

Память человека о Господе и его любви позволяет надеяться на временность кончины и на жизнь в посмертии. Стоит только задуматься об этом, и сознаешь, сколько незавершенных дел было, есть и останется после твоей физической смерти. И тогда особенно поучительным становится пример твоих духовных собеседников. Сколько доброго успела сделать М.В. Юдина в пределах дарованного ей времени жизни!

Время, дарованное тебе лично, нельзя позаимствовать у другого. Его можно наполнить любовью и служением Господу и людям. Так всю свою жизнь поступала Мария Вениаминовна Юдина, в чем убеждают самые разные документы и свидетельства. Она стала для меня примером того, как время собственной жизни можно и должно наполнить непреходящими ценностями, о которых так часто забываешь в повседневном быту.

Можно предположить, что Варлам Тихонович, хотя и был наслышан о Марии Вениаминовне Юдиной, но полностью масштаб ее личности ему так и остался неизвестен.

Оба принадлежали к одному поколению. Оба испытали в жизни немало тягот и горестей. Оба были абсолютно цельными и мужественными натурами.

Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970) была фигурой вполне легендарной и не только в музыкальном мире и сфере фортепианного исполнительства XX века.

Во всех своих проявлениях – творческом, духовном, жизненном – это была личность целеустремленная и сильная. Ее богатейший духовный мир был наполнен активным творчеством. Всем, кто встречался с ней по жизни, она запоминалась *«лица не общим выраженьем».*

Юдина поражала буквально всех своих современников… Высота интеллектуального и духовного поиска привлекала к ней и вызывала искреннее уважение выдающихся деятелей культуры.

Почитали ее и отдельные священнослужители, такие, например, как митрополит Антоний Сурожский, протоиерей Всеволод Шпиллер, протоиерей Александр Мень.

Отец Александр так писал о своих встречах с М.В. Юдиной: *«Мы с ней подружились. Она была, несмотря на свои причуды, ис-*

ключительно умна. Я уж не говорю о том, что это была женщина огромного музыкального таланта, это не мне судить, но ее игра поражала даже профанов. Она приезжала ко мне в Тарасовку и мы часами гуляли вокруг церкви. Нередко мы с ней ходили по требам. Странная это была пара: 30-ти летний священник и женщина с палкой, в кедах, в черном балахоне, похожая на старого немецкого музыканта, выходца из какого-то другого века».

О ее характере отец Александр вспоминал: «Характер у нее был порывистый и экзальтированный, но ум ясный и тонкий. Говорить с ней было одно удовольствие, потому что мысль ее была живой, ясной, полной искр. Она все понимала с полуслова, всем интересовалась, была, как говорят, «молода душой». Увы, я забыл, о чем мы говорили, хотя тем было много. Сама она рассказывала о Пастернаке и других своих друзьях».

Отцу Александру удалось создать вполне зримый портрет М.В. Юдиной.

Эти свидетельства дополняют строчки воспоминаний духовной дочери отца Александра. Нина Фортунатова приводит фрагмент, который касается непосредственно Юдиной.

Читаем: *«Про М.В. Юдину Батюшка говорил, что она проповедует и своей жизнью, и своим исполнительством. Все её пластинки входили в план «катехизирования музыкой».*

Истинный масштаб ее личности открылся современникам не сразу…. С юных лет музыка для Юдиной представляла не только богатейший источник вдохновения, но и вечную загадку. Музыка была божественным призванием, а жизнь – образцом христианской любви к людям, любви неисчерпаемой.

Сочетать веру и познание, Церковь и культуру можно только в духе Любви и осознании всеединства. К такому именно синтезу Мария Вениаминовна Юдина и стремилась всю свою жизнь, именно это она утверждала в своем творчестве. Современники дружно отмечали, что ее исполнительское искусство отличалось присутствием какого-то всеобъемлющего смысла. Кстати, слово *«смысл»* было одним из любимых ее слов. Каждое исполнение было наполнено постижением *смысла музыки*. Этому она учила и своих многочисленных учеников. Её искусство уводило душу человека как в мир евангельский, так и общечеловеческий. В музыке она мыслила поэтическими, художественными образами и ассоциациями.

В разнообразии ее обширного репертуара обнаруживалось, как художественное, так и философское чувство Времени. При всем ее органическом устремлении к будущему, жила в ней и вечная преданность классическому прошлому.

По свидетельству ее биографа А. Кузнецова, в ее игре ощущался *«удивительный магнетизм»,* который составлял характерную особенность искусства М.В. Юдиной.

Она умела властно приковывать к себе внимание слушателей и подчинять их своей творческой воле. При всей природной одаренности, Юдина не считала ее достаточной для формирования взрослой личности музыканта. Мария Вениаминовна постоянно работала над собой, и неудивительно, что была она энциклопедически образованным человеком.

Юдина была не только великим музыкантом, но и мыслителем в самом широком понимании этого слова. В этом убеждает все ее литературное и эпистолярное наследие, которое лишь недавно нашло свою дорогу к читателю.

Такие люди, как Мария Вениаминовна, как Варлам Шаламов, Борис Пастернак, отец Александр Мень подобно Атлантам, *«держали на плечах»* свою эпоху, не раз приближавшуюся к бездне.

Евгений Борисович Пастернак, с которым Марию Вениаминовну связывала особая духовная близость, доставшаяся ему как бы в наследство от отца, как-то справедливо посетовал: *«Нам смертельно не хватает таких людей, и нашей стране без таких личностей не выйти из глубокого кризиса».*

Любимыми словами Марии Вениаминовны были: *«Почерпнем мужество из сострадания и растворимся в людях…»* Этому девизу в своей жизни она следовала неукоснительно, и потому всегда сострадала страждущим. «Груз жизни» не мог затмить ее духовную силу. Главным в человеке и музыканте Юдина считала его духовное начало.

Вернемся к духовным истокам Марии Вениаминовны и основным вехам ее биографии. Ключевыми словами в ее творческой судьбе были труд и культура, вдохновение и напряженная мысль.

По свидетельству современников, Юдина с юности и до конца дней в своем поведении была подлинно бесстрашна и, казалось, не только искала опасностей, но и была психологически готова к мученическому венцу. Ее крестной матерью была музыкант Евгения

Оскаровна Тиличеева, урожденная Оттен (1893–1980). Судьба уготовила ей трудные испытания. Е.О. Тиличеева была репрессирована и провела 19 лет в лагерях и ссылке, но духом осталась крепкой и не сломленной. В своих воспоминаниях о крестнице она напишет: *«Для нее была не только характерна склонность мыслить и воспринимать все явления жизни синтетически, сама личность М.В. была биографически воплощенным синтезом... мировоззрения и профессионального призвания…»*

Смешно сказать, но недоброжелателям Марии Вениаминовны мерещилось, что в ее игре было нечто «бесовское». Как правило, слухи такого рода распространяли те, кто становился своеобразной жертвой ее прямоты и непримиримости. Такими выпадами обычно старались ее уколоть и бросить тень на веру, которую она без страха и с достоинством пронесла через всю свою незапятнанную жизнь, начиная с момента крещения в девятнадцать лет.

Искусство М.В. Юдиной отличалось предельной ясностью мысли и совершенством воплощения, но отнюдь не все ее современники понимали и ценили это, скорее напротив, быть может, именно в силу таких причин она и подвергалась гонениям и унижениям. Юдина была убеждена, что любая сфера человеческой деятельности без религиозных корней является, безусловно, пустой.

Она родилась в Невеле. В детстве была любима и счастлива; в 13 лет уехала в Петербург, где поступила в консерваторию. Преподавать Юдина начала в 1922 году, через два года после начала длинной и счастливой исполнительской карьеры.

В 1920-е годы музыкальные старушки говорили, что Юдина «что-то подкладывает в рояль», такой у него был неземной звук.

Уже в 1923 году ей было присвоено звание профессора консерватории.

В 1930-е и 1940-е годы Юдина преподает в Московской консерватории, а затем в Институте им. Гнесиных.

Она любила Бетховена страдающего, драматического, трагичного, ибо, по собственному признанию, и сама чувствовала *«тяготение к трагическому и скорбному»*.

Однажды она кому-то призналась: *«Бетховенский дух реет надо мною»*.

Она умела «чувства передать в суровой простоте» и умела приобщить других к музыке.

Ее игра для многих была самым сильным художественным впечатлением за всю жизнь….

Финал ее яркой творческой и подвижнической жизни был закономерным: постоянные замалчивания в прессе и трудности с получением концертного зала для выступлений.

В условиях советской действительности личность М.В. Юдиной была явлением исключительным.

С редкой прямотой и бесстрашием она всегда и везде высказывала свои взгляды, оказывая огромное влияние на учеников и на многих людей, входивших в круг ее общения. Она очень любила выражение Гете: «кто в слезах свой хлеб не ел», тот не жил полнокровной жизнью…. Но особенное внутреннее родство было у нее с духовными импульсами Баха.

В начале 1950-х годов Мария Юдина стала жить на окраине Москвы в деревянном старом доме, где могла играть, никому не мешая.

Очень часто Мария Вениаминовна играла по ночам, чтобы днем ходить в церковь. Таким поведением возмущала своих соседей. Она мешала им спать, и некоторые из них стали на нее жаловаться. Она всегда вела чрезвычайно аскетический, и можно сказать, нищенский образ жизни. Юдина с молодости ходила очень скромно одетой. Никаких особых материальных запросов у нее никогда не было.

Однажды она написала Борису Пастернаку: *«Здесь тишина невообразимая. Вижу закаты и восходы, иней, слышу ветер и птиц. Топлю печь и порою таю снег для питья и мытья... Благодарю Провидение каждый день, ибо окружена молодыми душами... Начались уже занятия с моими обожаемыми студентами».*

О бытовых условиях в этом письме проскальзывают такие подробности: *«Я всё же устала топить печку, а весною в бури – ничем не упраздняемый дым. Вечно чинить разрушающиеся ступени, рамы, крышу, кустарный водопровод, летом запасать 12 кубометров дров, ездить на машине для любого необходимого персонального разговора к своему секретарю, платить за это грандиозные деньги, тратить часы, дни и недели на борьбу со стихиями – вместо изучения партитур!».*

Переписка М. Юдиной и Б. Пастернака поразительно интересна. Точные емкие фразы Б. Пастернака перемежаются с предельно

искренней, эмоциональной и содержательно развернутой живой речью писем М. Юдиной. Это вполне самостоятельная тема.

Как музыкант и педагог М.В. Юдина резко выделялась на общем фоне преподавателей Консерватории. И всю жизнь она оставалась *«полу-опальной». Ей всегда было «тесно» в рамках одного только исполнительства. К философскому осмыслению жизни и искусства она тяготела с молодости, и это проявлялось в ее игре. Вот почему игра Юдиной была отмечена редкой мощью и духовной энергией.*

Мария Вениаминовна Юдина вызывала зависть у коллег и чиновников от музыки. Трижды ее изгоняли из высших учебных заведений. Избавлялись от нее по одним и тем же мотивам: религиозность, независимость взглядов, поклонение студентов.

Следует напомнить, что эти же обвинения выдвигались против нее и в конце 20-х годов, в период ее деятельности в качестве профессора Ленинградской консерватории, а после Отечественной войны – с тем же «диагнозом» ее уволили из Московской консерватории, которой она отдала столько сил, здоровья и времени.

Нам могут показаться поразительными, надуманными обвинения, выдвинутые против Юдиной присутствовавшими «профессорами». Но если вспомнить время, в которое она жила, то ее жизнестойкость, верность принципам и духовным убеждениям вызывают уважение и не могут не восхищать.

Слово «профессор» в своем исконном значении означает «наставник». Это было *единственное звание*, которым она гордилась, заслуженно получив его на 21 году своей жизни. Это звание было естественным, органичным именно в сочетании с ее именем.

М.В. Юдина ни разу не посрамила этого звания, хотя ее лишали его трижды. Она вполне осознанно определила свой особый *«способ выживания».* Она любила повторять друзьям: *«Дух сильнее материи».*

Она была человеком исключительного христианского мужества, человеком отзывчивого и горячего сердца…. Вот почему ее жизненный путь так поучителен и памятен.

Просматривая записные книжки Шаламова, можно встретить упоминание о *«юдинских панихидах»,* т.е. о тех случаях, когда на панихидах ушедших друзей, и не только друзей, Юдина непре-

менно играла в их честь свои любимые фортепьянные произведения, даже переложения фрагментов Баховских месс и «Реквиема» Моцарта.

В. Шаламов записал после смерти Анны Ахматовой 31 марта 1965 года:

«… трусливый болельщицкий вечер памяти Ахматовой в МГУ. Юдинские панихиды и то стоят больше, производят более боевое впечатление, более воинствующее…»

В таком контексте видна позиция поэта к тому, что по велению сердца делала Юдина.

* * *

Не раз, перечитывая текст ее письма в адрес Шаламова, я открывала для себя все новые и новые нюансы и даже целые пласты, прикасаясь к духовно наполненному миру Марии Вениаминовны. В письме Юдина цитирует особо полюбившиеся строчки, но они не из одного, а из разных стихотворений поэта. Повторю их еще раз.

«От казни до казни
Спокойно иди...»

«И иго мне благо,
И бремя легко...»

«Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет...»

Многое проясняется, когда вчитываешься в полный текст тех стихотворений, фрагменты из которых Юдина выделила особо.

1

«Стихи – это стигматы
Чужих страданий след.
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенья будут
Или поверят в рай.
Простят или забудут…
А ты – не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет*,*
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт».

Двустишие, которое особо выделила Юдина, в контексте всего стихотворения звучит особенно пронзительно, звучит как напутствие, как завет…

Стихотворение Шаламова «Аввакум в Пустозерске» можно считать программным и особенно важным во всем его поэтическом наследии. Это своего рода и его кредо, и его скрытый автопортрет. И не удивительно, что именно в этом тексте Юдина выделила строчки, особо созвучные ей самой.

2

«Не в бревнах, а в ребрах
Церковь моя.
В усмешке недоброй
Лицо бытия.

… мне рушили веру
В дела старины,
Без чести, без меры,
Без всякой вины.

И гнали на плаху,
Тащили в тюрьму,
Покорствуя страху
В душе моему.

Наш спор – не церковный
О возрасте книг.
Наш спор – не духовный
О пользе вериг.

Наш спор – о свободе,
О праве дышать,
О воле господней
Вязать и решать.

И аз, непокорный, читая псалтырь
В Андроньевский черный
Пришел монастырь.

... Не слушай соблазна,
Что бьется в груди,
От казни до казни
Спокойно иди.

... Я – узник темничный:
Четырнадцать лет
Я знал лишь брусничный
Единственный цвет.

Но то не нелепость,
Не сон бытия,
Душевная крепость
И воля моя.

Закованным шагом
Ведут далеко,
Но иго мне благо
И бремя легко…

Серебряной пылью
Мой след занесен,
На огненных крыльях
Я в небо внесен.

Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая.
Я с неба вернусь.

... Нет участи слаще,
Желанней конца.
Чем пепел, стучащий
В людские сердца…»

Поразительны строки, которые особенно задели ее за живое. Они содержались в тех стихотворениях В. Шаламова., которые для него самого были программными, и потому крайне важными. Юдина уловила их глубинную и сокровенную суть, которая особенно была ей близка и созвучна.

Удивительное сплетение имен содержится в воспоминаниях одной из самых преданных учениц пианистки – Марии Дроздовой: *«В мае 1960 года нам стало известно, что Мария Вениаминовна отстранена от занимаемой ею должности штатного профессора. Для всех для нас, ее учеников, было большим горем лишиться нашего любимого учителя!».*

И далее: *«Юдина являет собой именно тот тип личности, который есть часть мифа уже современной России. Сама ее жизнь – сильнейший аргумент в том, что Варлам Шаламов назвал «наш спор о свободе».*

Присутствие их имен в сознании мемуаристки именно в таком контексте представляется вполне закономерным. М. Дроздова вспоминала и о том впечатлении, какое на нее произвело знакомство с библиотекой Юдиной. Она писала: *«... для меня знакомство с библиотекой М.В. представляло особый интерес еще и потому, что я видела в ней отражение духовных потребностей пианистки. Я знала, что эти книги – любимые, необходимые и вечно живые собеседники большого художника. Здесь был Пушкин, которого она знала буквально наизусть, часто цитируемый ею Тютчев, также нередко цитируемый Достоевский, Блок, чрезвычайно близкий М.В. Современники и друзья М.В. Юдиной – Пастернак, Ахматова, Заболоцкий, горячо любимые ею. Античные авторы, перед вечной*

мудростью которых М.В. преклонялась, трагедии Шекспира, в которых «не может быть… радости, всё горько и печально»…

М. Дроздова с восхищением заключает: *«Мария Вениаминовна ценила шекспировские трагедии за очищающее действие страданий, выраженных в них. Здесь же – Шиллер. Его баллады М.В. Юдина особенно любила. Герои их – люди смелой отваги, они верят в истинность своих убеждений…. А рядом с этими книгам соседствовали сборники весьма ценимых ею поэтов наших дней – А. Яшина,* ***В. Шаламова****, Е. Евтушенко, рассказы Паустовского, А. Платонова».*

Нет ничего удивительного, что в ряду *«весьма ценимых»* ею поэтов присутствует и Варлам Шаламов. Немаловажно и то, что все эти книги в ее библиотеке были с дарственными надписями.

Заветный автограф

В течение ряда лет Мария Вениаминовна Юдина пополняла свой довольно обширный архив в отделе рукописей бывшей Ленинской библиотеки. А после ее кончины в архив поступила оставшаяся часть писем, рукописей и книг с автографами.

В справочном издании – «Записки отдела рукописей ГБЛ» (№ 34. 1973) приведен подробный перечень материалов, поступивших в архивный фонд Юдиной в 1970 году, т.е. уже после ее смерти (ф. 527).

В числе 80-ти ее корреспондентов приведено также и имя Варлама Тихоновича Шаламова. А помимо этого, указываются книги с дарственными надписями от писателей, ученых и музыкантов, при этом называется и книга Шаламова. Но, какая? Думается, это был его третий поэтический сборник.

Эти скупые сведения свидетельствуют о том, сколь бережно относилась Юдина ко всему, что было некогда написано рукой Варлама Тихоновича.

Благодаря тому, что М.В. Юдина сохранила письмо Шаламова и книгу с его дарственной надписью, можно более полно осознать текст ее ответного письма.

28 июня 1967 года Шаламов прислал ей заказную бандероль с третьим сборником его стихов и запиской следующего содержания:

«Дорогая Мария Вениаминовна!

Болезнь не позволяет мне лично привезти Вам «Дорогу и судьбу». Прошу принять почтой с добрым сердцем. С уважением В. Шаламов».

За этим текстом стоит история их личного знакомства, и, быть может, общения (пусть краткого) и чрезвычайно почтительного отношения поэта к пианистке.

У Марии Вениаминовны был чрезвычайно широкий круг знакомых среди деятелей отечественной культуры. Из них, прежде всего следует назвать Бориса Пастернака, Николая Заболоцкого, Н.Я. Мандельштам, Ф. Вигдорову. Не исключено, что кто-то из них и познакомил ее с В.Т. Шаламовым.

Короткий текст, но звучит он так многозначно, так емко и пронзительно.

На сохранившемся экземпляре книги «Дорога и судьба» читаем: *«Дорогой Марии Вениаминовне – обломки Колымских тетрадей с глубоким уважением и благодарностью за все то настоящее, что внесено и вносится Вами в нашу жизнь. В. Шаламов»***.**

Осмелюсь еще раз повторить фрагмент ответного письма Юдиной: *«Опаздываю я везде и во всем: и мне выпадает нелегкая доля осуществлять лишь малую часть мне данных возможностей в искусстве, насыщая таковые, скажем, теологическими размышлениями, – ибо толпой, стеной высятся на моем пути неисчислимые долженствования именно «света чужих страданий»…*

Теперь ее сердечный отклик становится более понятным. И пусть диалог этих двух поразительных личностей прозвучит во Времени, перед лицом подлинной Жизни и Истории, откликаясь в душах уже иных поколений.

(Малый вариант вошел в сборник материалов конференции, посвященной 100-летию Шаламова**).**

Глава 9

Приглашение к размышлению

Вчитываясь в тексты, некогда созданные В.Т. Шаламовым, однажды я натолкнулась на его признание: *«Одиночество с книгами – это не одиночество».*

Но ведь это и моя мысль: я никогда не чувствовала себя одинокой и только исключительно потому, что со мной на протяжении всей жизни было общение с Книгой. Я даже заслужила прозвище – «книжной пчелы», которое мне самой очень нравится.

Во всех моих сюжетах, статьях и книгах всегда присутствует обилие цитат, и это только потому, что, познакомившись с тем или другим текстом, я уже не могла с ним расстаться. К нему хотелось приобщить другого человека. Замечу, не навязать, а именно приобщить, отдать, подарить с пожеланием обратить внимание.

Завершая этот цикл этюдов, я приглашаю читателя к размышлению и сопереживанию над теми текстами, которые мне бесконечно дороги.

Шаламову принадлежит несколько афоризмов о роли книги в духовном мире человека, и каждое такое его высказывание глубоко пережито и даже выстрадано, если вспомнить, что десятилетиями он был лишен свободного общения с книгой.

В очерке «Слишком книжное» он приходит к заключению**:** *«Книги – это наше лучшее в жизни. Это – наше бессмертие».*

И еще: *«Книги – это вода, которой поят по очереди уставших от жизни пешеходов…»*

Очень пронзительно звучит и другое его признание: *«Книги – это тот мир, который не изменяет нам…»*

Подписываюсь под каждой его мыслью. В завершение я сделала своеобразную подборку дорогих моему сердцу текстов, собранных из различных источников.

Читатель! Мозаика повествования подошла к концу. И можно надеяться, что твоя интуиция, чувство сопереживания и ощущение сопричастности ожили в прикосновении к большому и прекрасно-беспокойному наследию Александра Блока, Константина Паустовского, Бориса Слуцкого и Варлама Шаламова. Все они остро чувствовали то несказанно высокое, что было и остается в поэзии.

При всей несопоставимости их судеб и масштабов, они были наделены единым даром духовной наполненности. Более всего роднит их скрытое соотнесение собственной судьбы с Вечностью. История не прощает беспамятства.

Прежде, чем будет закрыта последняя страница этой книги – пусть еще раз зазвучат выстраданные истины Поэта, завещанные всем нам.

Голоса их авторов звучат мощно и строго.

Малая поэтическая антология Варлама Шаламова

1

Сумеешь, так утешь
И утиши рыданья.
Увы! Сильней надежд
Мои воспоминанья.

Их ворон бережет
И сам, поди, не знает,
Что лед лесных болот
Вовеки не растает.

Под черное стекло
Болота ледяного
Упрятано тепло
Несказанного слова.

2

Где жизнь? Хоть шелестом листа
Проговорилась бы она.
Но за спиною – пустота,
Но за спиною – тишина.

И страшно мне шагнуть вперед,
Шагнуть, как в яму, в черный лес,
Где память за руку берет
И – нет небес.

3

Памяти А. Ахматовой

О, муза плача...
Стихотворения, посвященные
Анне Ахматовой. – М., 1991. – С. 116–117.

Труп еще называется телом, –
В лексиконе, доступном для нас, –
Там, где люди в казенном и белом,
С неземным выражением глаз...

Трое суток старухой бездомной
Ты валялась в мертвецкой – и вот
Поднимаешься в синий, огромный,
Отступающий небосвод.

Распахнут подземелье столетья,
Остановится время – пора
Выдавать этой шахтною клетью
Всю добычу судьбы – на гора.

И чистилища рефрижератор,
Подготовивший тело в полет, –
Это Пушкинский будто театр,
Навсегда замурованный в лед.

Вот последнее снаряженье:
Мятый ситцевый старый халат –
Чтоб ее не стеснились движенья
В час прибытия в рай или ад.

И обряд похоронного чина –
И нарушить обряда не сметь,
Чтобы смерть называлась кончина,
А не просто обычная смерть.

И нужна ли кончина поэту,
Заказных панихид говорок,
Заглушающий выкрики света
От обугленных заживо строк.

Трое суток старухой бездомной
Ты валялась в мертвецкой – и вот
Поднимаешься в синий, огромный,
Ускользающий небосвод.

4

Как Архимед, ловящий на песке
Стремительную тень воображенья,
На смятом, на изорванном листке
Последнее черчу стихотворенье.
Я знаю сам, что это не игра,
Что это смерть... Но я и жизни ради,
Как Архимед, не выроню пера,
Не скомкаю развернутой тетради.

5

Уйду с поляны,
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.
Роса холодная течет
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.
Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.
Заплакать? Но такой вопрос
Решать не надо.
Текут потоком горьких слез
Все реки ада.

6

Потухнут свечи восковые
В еще не сломанных церквах,
Когда я в них войду впервые
Со смертной пеной на губах.
Меня несут, как плащаницу,
Как легкий шелковый ковер.
И от врачей, и от больницы
Я отвращу свой мутный взор.
И тихо я дышу на ладан,
Едва колебля дым кадил.
И больше думать мне не надо
О всемогуществе могил.

7

Я видел все: песок и снег,
Пургу и зной.
Что может вынесть человек –
Все пережито мной.
И кости мне ломал приклад,
Чужой сапог.
И я побился об заклад,
Что не поможет Бог.
Ведь Богу, Богу-то зачем
Галерный раб?
И не помочь ему ничем,
Он истощен и слаб.
Я проиграл свое пари,
Рискуя головой.
Сегодня – что ни говори,
Я с вами – и живой.

8

Инструмент

До чего же примитивен
Инструмент нехитрый наш:
Десть бумаги в десять гривен,
Торопливый карандаш –
Вот и все, что людям нужно,
Чтобы выстроить любой
Замок, истинно воздушный,
Над житейскою судьбой.
Все, что Данту было надо
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лед.

9

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

10

Для биопсии

Пусть лежит на столе.
Недоступная переводу.
Не желая звучать на чужом языке,
В холод речи чужой оступаться, как в воду,
Чуть не в каждой душевной строке.
Тайны речи твоей пусть никто не раскроет.
Мастерство! Колдовство! Волшебство!

Пусть героя скорей под горою зароют:
Естество превратят в вещество.
Не по признаку эсхатологии
Всевозможнейших Страшных судов –
Пусть уходит ручьем по забытой дороге:
Как ручей, без речей и цветов.
Пусть изучат узор человеческой ткани,
Попадающей под микроскоп.
Где дыханье тритон сохраняет веками
Средь глубоких ущелий и троп.

(1981.
Последняя прижизненная публикация!)

11

16.06.1976.

Миллионы прослушал я месс,
Литургий, панихид и обеден.
Миллионы талантливых пьес.
Так что опыт мой вовсе не беден.

Говорят, драматург – демиург!
Я таким сообщеньям не верю.
Не искал и не звал среди пург
Среди бешенства белого зверя.

Совершив многолетний пробег
В леденящем дыханье движенье,
Не прибег к покровительству Мекк
И подобных сему учреждений.

Я сражался один на один
С этим белым, клокочущим зверем,
И таким я дожил до седин,
До подсчета последним потерям.

(В сб. Возвращенье.
Вып. 1. М.,1991. стр.276.)

12

Лицом к молящемуся миру
Гора выходит на амвон.
Пред этим каменным потиром
Земной отвешу я поклон.

Река отталкивает гору,
И веет запах снеговой,
И переполнены озера
Святой водою дождевой.

И в половодье, как в метели,
Взлетают пенные цветы,
Льняной растрепанной куделью
В меня швыряют с высоты.
А я – я тут же, на коленях,
Я с Богом, кажется, мирюсь:
На мокрых каменных ступенях
Я о спасении молюсь.

(Журнал Московской
патриархии. 1994. № 2).

13

Отвали этот камень серый,
Загораживающий путь,
И войди в глубину пещеры
На страданья мои взглянуть.
Ржавой цепью к скале прикован
И похожий на мертвеца.
Этой боли многовековой
Не предвидится и конца.

Наши судьбы – простые маски
Той единой, большой судьбы.
Сказки той, что, боясь огласки,
Приковали к скале рабы.

14

Поэты придут, но придут не оттуда,
Откуда их ждут.
Предместья всю жизнь дожидаются чуда,
И чудо на блюде несут.

Оно – голова Иоанна Предтечи,
Безмолвная голова.
Оно-немота человеческой речи,
Залитые кровью слова.

А может быть, той иудейской царевне
Не надо бы звать палачей?
И в мире бы не было их задушевней,
Задушенных этих речей.

Но слово не сказано. Смертной истомой
Искривлены губы, и мертвый пророк
Для этих детей, для толпы незнакомой
Сберег свой последний упрек.

Та клинопись накрепко врезана в кожу,
И буквы- морщины лица.
И с каждой минутой всё четче и строже
Черты на лице мертвеца.

15

Не дождусь тепла – погоды
В ледяном саду.
Прямо к Богу черным ходом
Вечером пойду.

Попрошу у Бога места,
теплый уголок.
Где бы мог я слушать песни
И писать их мог.

Я б тихонько сел у печки.
Шевелил дрова.
Я б выдумывал без свечки
Теплые слова.

Тают стены ледяные,
Тонет дом в слезах.
И горят твои ночные
Влажные глаза.

(Знамя. 1993. № 1.)

16

Вернись на этот детский плач,
Звенящий воем вьюг,
Мой исповедник, мой палач,
Мой задушевный друг.

Пусть все надежды,
Все тщеты, скользящие с пера,
Ночное счастье – только ты
До раннего утра.

Прости мне бедность языка,
Бессилие мое,
И пребывай со мной, пока
Я доскажу свое.

(Знамя. 1993. № 5.)

17

Приподнятый мильоном рук.
Трепещущих сердец –
Колючей проволоки круг,
Терновый мой венец.

Я всё еще во власти сна-
Виденья юных лет…
Тому виною не луна,
Не лунный мёртвый свет.

Но еле брызжущий рассвет,
Грозящий новым днем –
Ему и места даже нет
В видении моем.

18

Но разве мертвым холодна
Постель,
И разве есть
У нас какая-то вина,
Пятнающая честь…
Любой рассказ наш – сборник бед,
Оставленный в веках,
Как зыбкий, слабый чей-то след
В глухих песках.
И чей-то опыт, чей-то знак в пути мерцал
Мерцал в пути, как некий флаг,
Средь мёртвых скал.

19

(Последние стихи. – Лит. обозрение. 1989. № 8.)

Мозг работает мой,
Как и раньше, –
Мгновенно.
Учреждая стихи
Неизменно.

3 октября 1980 г.

20

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

21

Откинув облачную крышку,
Приподнимают небосвод.
И ветер, справившись с одышкой
Из моря солнце достает.

И первый луч скользит по морю,
И птицу белую зажжет,
И поднимаясь выше в горы,
Гранита вытирает пот…

Ведь только длинный ряд могил –
Мое воспоминанье,
Куда и я бы лёг нагим,
Когда б не обещанье.

Допеть, доплакать до конца
Во что бы то ни стало,
Как будто в жизни мертвеца
Бывало и начало…

22

Я – жизни маленькая веха,
Метёлка, всаженная в снег,
Я – голос, потерявший эхо
В метельный, леденящий век.

С горластым бытом в перепалке
Мне не случалось никогда
Зубрить природу по шпаргалке –
И в этом вся моя беда.

Меня мороз дирал по коже,
И потому в своей судьбе
Я всё придирчивей и строже
И к нашим ближним, и к себе.

23

Похолодеет вдруг рука,
И кровь с лица мгновенно схлынет,
И смертная дохнет тоска
Тяжелой горечью полыни.
Я умолкаю. Я клянусь,
Беззвучно шевеля губами,
Что я еще вернусь! Вернусь!
Еще вернусь сюда – за вами.

24

Мне не сказать, какой чертою
Я сдвинут с места – за черту.
Где я так мало, мало стою,
Что просто жить невмоготу.

Здесь не людское. Здесь – Господне.
Иначе как, иначе кто
Напишет письма Джиоконде,
Засунет ножик за пальто.

И на глазах царя Ивана
Сверкнет наточенным ножом.
И те искусственные раны
Искусства будут рубежом.

И пред лицом моей Мадонны
Я плачу вовсе не стыдясь.
Я прячу голову в ладони,
Чего не делал отродясь.

Я у себя прошу прощенья
За то, что понял только тут,
Что эти слезы – очищенья,
Их также «катарсисом» зовут.

(Тетрадь Ф. Сучкова. Самиздат).

1

Откровения Варлама Шаламова

- Жизнь бессмертна только благодаря искусству. Искусство – это бессмертие жизни...
- Когда солдатчина, военщина начинает править миром, мне кажется, что если это пойдет так дальше – будет третье пришествие и начнется история нового второго христианства...
- Разумного основания у жизни нет. Вот это доказывает наше время. Что толку в человеческом опыте?
- Допрос – это борьба двух воль: следователя и обвиняемого.
- Побои – средство обнажения нравственного начала мира.
- Злость – последнее из человеческих чувств.
- На дне каждого человека скрыт подлец и трус…
- Чувство злости – последнее чувство, с которым человек уходил в небытие, в мертвый мир.
- Никакая дружба не заводится в очень тяжелых условиях, и очень тяжелые условия вспоминать никто не хочет.
- Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись.
- Мы не знаем, что стоит за Богом, за верой, но за безверием мы ясно видим – каждый в мире чего стоит. Поэтому такая тяга к религии, удивительная для меня, наследника совсем других начал.
- Отношение к женщине – лакмусовая бумажка всякой этики.
- Душа превращена в прах допросами, а тело изломано непосильной работой…
- Человеческое, смешное, нежное обнаруживается в людях внезапно…
- Совет, может и хорош, но обязательно плох тем, что это – чужой совет.
- «Ближний» не облегчит твою душу, а сорок раз продаст тебя начальству…
- Для решений нужна логика. Логика – это оправдание, оформление, объяснение.

- Человек должен принимать решение чувством и не слишком верить разуму.
- Я никогда не искал лучшего от хорошего в течение всей своей жизни.
- Что меняется оттого, что все знаю, все предвижу? Всю жизнь свою я не могу заставить себя называть подлеца честным человеком или говорить противоположное тому, что думаешь.
- Для меня никогда стихи не были забавой и игрой. Я считал стихи беседой человека с миром на каком-то третьем языке, хорошо понятном и человеку, и миру, хотя родные-то языки у них разные.
- Я пытался то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира, мира, к которому я так и не привык за семнадцать лет Колымы…
- Одиночества я никогда не боялся. Считаю одиночество оптимальным состоянием человека.
- Жить поэту очень трудно и только глубочайшая вера в справедливость своих идей, вера в свое искусство заставляет жить и работать, создавая новые вещи, год от года все большей силы, глубины и художественной деятельности.
- Мне думается, никогда еще в истории русской поэзии не было такого трудного времени для искусства, когда смещены понятия, когда старые слова наполнены новым иным, фальшивым и при том меняющимся смыслом, когда читатель и поэт, как читатель, полностью дезориентированы этой фальшивостью понятий. Чрезвычайно трудно и не по мотивам личной гордости, славы, что ли, не сбиться с дороги.
- Первоначальный творческий толчок исходит именно от формы, когда нет еще ничего ясного, определенного. Дело художника – именно форма...
- Нравственный авторитет собирается по капле всю жизнь...
- Нравственная содержательность есть отличительная черта русской литературы...
- Иоанн Златоуст умел управлять всеми тайнами человеческой души вперед на тысячелетия. Я читывал когда-то тексты литургий, тексты пасхальных служб и богослужения Страстной недели и поражался силе, глубине, художественности их – великому демократизму этой алгебры жизни...

- Достоевский представляется мне совершенным образом писателя, как такового, более совершенным, чем Толстой, хотя может быть, не таким вешним и всеобъемлющим...
- Искусство – проповедь. Истины искусства более долговечны, чем научные истины.
- Литература никак не отражает свойства русской души, никак не предсказывает, не показывает будущего.
- Внутренним является попытка разгадать себя на бумаге, вывороти из мозга и осветить какие-то дальние его уголки.
- В мозгу ничего не стирается… тут все зависит от напряжения воли… управления памятью не существует.
- Я понял, что писателя делает п о э т и ч е с к и й напор… как будто слова спасаются от пожара, возникшие от случайной причины где-то внутри и вырываются, выбегают на бумагу…
- Я никогда никого ни с кем не сравниваю, я снимаю понятие масштабов. И как бы ни была грандиозна сила другого поэта – она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено, виденное мной.
- Я поздно понял, что в глазах современника оценка поэта, писателя неизбежно другая, чем у потомков…
- Помимо таланта, литературных достоинств, живой поэт должен быть большой нравственной величиной…
- Поэзия – это личный опыт, личная боль и в то же время боль и опыт поколения…
- По тем дорогам, по которым прошел большой поэт – уже нельзя ходить.
- Поэзия – это душевный опыт. Я понял, что дело в в и д е н и и мира.
- Чеховские слова насчет однозначности новизны и талантливости верны. Их потом повторил Пастернак: «Талант – единственная новость, которая всегда нова».
- Творческий процесс – э т о скорее процесс отбрасывания, отбора молниеносных, проходящих в мозгу сравнений, мыслей, образов и слов, вызванных рифмой и аллитерацией.
- Страдание вечно само по себе, мир почти не меняется со временем в основных своих чертах – в этом ведь сущность бессмертия Шекспира…. Именно страдание человека есть коренной предмет искусства, есть сущность искусства, его неизбывная тема.

- И само творчество – это ведь и есть лечение душевной раны…. То, чего ищу в жизни, то, что в какой-то мере пытался выразить в стихах, обязывает меня беречь совесть….
- Я верю давно в страшную силу искусства, силу, не поддающуюся никаким измерениям.
- Стихотворное напряжение – это опущен повод, когда конь сам найдет дорогу в таежной темноте….
- Мой рассказ – документ – тоже импровизация. И все же он остается документом, личным свидетельством, личным пристрастием.
- Новизну материала я считал главным и единственным качеством, дающим право на жизнь. Новизну истории, сюжета, темы, новизну мелодии.
- В моем понимании искусства нет ничего мистического, что потребовало бы особого словаря. Сама многозначность моей поэзии и прозы – отнюдь не какие-то теургические искания.
- Думать о том, что стихи могут иметь познавательное значение – это оскорбительно невежественная точка зрения.
- Поэзия неизмеримо сложнее социологии, сложнее «да» или «нет», прогрессивного человечества, сложнее некрасовских стихов.
- Действительный контекст стихотворения непереводим.
- Наука, искусство и поэзия – миры несходные. Это параллели, которые не пересекаются.
- Поэзия непостижима.
- Я глубоко убежден, что ощутить и оценить в деталях поэта может только другой поэт…
- Поэтическая система не выдерживает однозначной расшифровки…
- Поэзия всегда лична, индивидуальна и только тогда она поэзия. Чувства богаче слов и мыслей, и именно поэзии дано сказать больше, чем может сделать логика, ограниченная правилами использования слов.
- Логика часто не знает силы интонации, не понимает, что такое поэтический напор, лирический поток….
- Я глубоко убежден, что искусство – это бессмертие жизни…. То, чего не коснулось искусство, умрет рано или поздно.

- Сама проза – материал для лучшего понимания стихов.
- Всякое книжное любительство содержит в себе элемент очищения.
- Природа и поэтическое слово – это последняя н а д е ж д а человека. Память об этом сохранил….
- Я, как Тургенев, не люблю разговор о смысле жизни, о бессмертии души. Считаю это бесполезным занятием….
- Стихотворение, как таковое, никогда не могло быть просто песней. На нем всегда лежала нагрузка какого-то освещения мира, какого-то пророчества, если угодно…
- Нужно доверие к собственной тайной силе, большая свобода слова, когда нужное выскажется само, а ты только помогаешь кому-то другому – лесу, горе, траве….
- В поэзии должно быть все известно заранее до того момента, когда поэт взял перо в руки. Иначе для чего писать стихи? Не будет ни находок, ни неожиданных открытий. Это – обязательное условие подлинности стихотворения – тоже свидетельство свободы.
- Озарение вдохновения – это вершина наибольших удач, открытий. Поэт смотрит на себя как на инструмент познания мира. Природа пишет его пером.
- Я себе верю – чужого у меня в стихах нет.
- В поэзии, как и во всяком искусстве, – новизна чувств, новизна выражения – главное, а подражательность убивает талант.
- Подражать в поэзии нельзя.
- Пока не найдено свое – воздержись от печатания. Оставайся любителем поэзии.

Из письма В. Шаламова Пастернаку:

«Ваше посещение больного Пришвина – чудесно. И так это и должно быть. Он хотел Вас видеть. Он звал Вас, далекого в жизни, казалось бы, от него человека. А п о с т о л ь с к о е е с т ь в ж и з н и к а ж д о г о б о л ь ш о г о п о э т а, и это ведь чувствуют люди….

2

Истины Александра Блока

- Испытание сердца гармонией не есть занятие спокойное и обеспечивающее ровное и желательное для черни течение событий внешнего мира…
- … Демонизм есть сила. А сила – это победить слабость…
- … Человек несчастен в силу своей бесконечности. Как он ни старается, а все же может заключить эту бесконечность в конечном…
- … Все не жизнеспособные сходят с ума; все паучье, плотское, грязное – населяется вампиризмом…
- И что стоит нам открыть в себе Бога? Для нас же и «угрюмство» должно «множить красоту».
- … в с е, чего человек хочет н е п р е м е н н о сбудется, а если не сбудется, то и желания не было, а если сбудется «не то», то разочарование только кажущееся. С б ы л о с ь именно то… (разрядка А. Блока – С.Ш.).
- … одиночество, пока оно остается ч у в с т в о м, – томит и нежит, и думать не дает, и рукой манит. А потом вдруг оно становится из чувства – з н а н и е м и тогда оно крепит и на узде держит, и заставляет опять с е б я же черпать. «Черпай, черпай, пока не иссохнет гортань, а если выживешь – силу узнаешь» (разрядка А. Блока – С.Ш.).
- … относительно мистики я знаю, что она реальна и страшна, и что накажет меня…
- … жить на свете и страшно, и прекрасно…
- … в душе у меня есть темный угол, где я постоянно один, что иногда в такие времена, как теперь, становится тяжело…
- … городские отношения людей между собой ложны и безысходны…
- … «Одичание» которое у всех на языке, – факт, в большей степени совершившийся.
- Есть люди, в которых сразу – как бы десять поколений, а то и того нет.
- … Поэзия имеет свою правду, как и свой язык…

• … я никогда не хотел лгать, в том числе, и тогда, когда говорил о масках, разумея под маской не то, что под нею видит вульгарный взгляд.

• … страшно играть масками и подмостками. Можно пойти на такую игру, только зная с уверенностью, что после нее уже не проснешься…

• … скоро прийдет время, когда у всех нас сожмется сердце перед одним и тем же…

• … я все больше верю в будущее, чем меньше в личное, тем больше в общее.

• ценность моя – проблематическая…

… мы правильно сжигаем жизнь, ибо ничего от нас не сохранит «играющий случай»…

• чем хуже жить – тем лучше можно творить, а жизнь и профессия несовместимы…

• мне суждено постоянно исходить из себя, это – натура.

• … работа – лучшее лекарство; при своей постылости, которая есть во всякой работе, в ней же есть нечто спасительное…

• … чувствовать себя сносно можно только в периоды забвения об окружающем… (Знаки А. Блока – С.Ш.).

• … вся жизнь людей во всем мире есть, по-моему, какая-то чудовищная грязная лужа…

• … кому не одиноко? Всем тяжело. Переносить эту тяжесть помогает только обладание своей атмосферой, хранение своего круга и чем шире круг, чем больше он захватывает, тем более творческой становится жизнь.

• … когда в авторе нет «человека», стихи – один пар…

• … душа непоправимо устает и стареет от стужи…

• … Именно «литератор» есть человек той породы, которому суждено всегда от рожденья до смерти волноваться, ярко отпечатлевать в своей душе и в своих книгах все острые углы и бросаемые им тени. Для писателя – мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок… ничего «утомительнее» писательской жизни и быть не может…

• Главное – не суетиться около больших дел, в противном случае около них заведутся неправды, обиды, полуискренние речи…. Пусть всякий человек, какими может и хочет путями (а пути у всех разные), побеждает зверство (уродство) – и го-

сударственное, и интеллигентское, и народное, и душевное, и телесное. Зверство повсюду есть… (Знак А. Блока – С.Ш.).

- … форма – плоть идеи.
- … для настоящих книг всегда жду несуетных часов…
- … могущество нервных болезней состоит в том, что они, прежде всего, действуют на волю и заставляют перестать хотеть излечиться.
- … Приходится прибегать к работе, чтобы вернуть ритм, а других средств пока нет.
- … чтобы не сбиться, надо не торопиться, не нервничать…
- … усталость точит и гнездится проклятая не в теле и не в душе, а где-то между телом и душой…
- … Все самое нужное в жизни человек делает **с а м,** через **с е б я** и через большее, чем он сам (любовь, вера). (Знаки А. Блока – С.Ш.).
- … В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойный побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей.
- … жизнь моя по тысяче причин так сложилась, что мне очень трудно быть с людьми, за исключением немногих, что я смотрю на жизнь, что называется мрачно (хотя сам я не считаю своего взгляда мрачным).
- … Я знаю при этом, что дело мое, которое я делаю (худо ли, хорошо ли – я сам, как ты уже знаешь, вовсе не доволен собой), требует, чтобы я был именно таким, а не другим.
- … требую от жизни – или безмерно, чего она не дает, или уже ничего не требую…
- … Вся современная жизнь людей есть **х о л о д н ы й у ж а с,** несмотря на отдельные светлые точки, ужас надолго непоправимый.
- … несмотря на все, что было, что есть и что будет, она (жизнь – С.Ш.) исполнена чудес и прекрасна…
- … чем лучше я буду делать свое одинокое дело, тем больший оно принесет плод…
- … люди все более или менее – трусливы, подлы, сыты, корыстны. Все быстро пропитывается хамством и самодовольством…
- … гордость в том, чтобы отмахиваясь от дряни, вечно наползающей, делать то, на что способен или к чему призван…

• … в жизни происходит непрестанное чудо: сегодня мы плачем, а завтра – нам будет светло и легко…

• … в детях – самое священное…

• … Человек, осознавший одиночество или хотя бы придумавший его себе, – более открыт душой и способен воспринять, может быть, чего другой не воспримет…

• … не откроем сердца – погибнем…

• … я **должен** найти в себе силу, терпенье и жертвенность мастера… (Знак А. Блока – С.Ш.).

• … То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воль, которое носит имя человеческой души, именно оттого носит это радостное (да, несмотря на всю «дрянь», в которой мы сидим) имя, что оно все обращено более к будущему, чем к прошедшему… (Знаки А. Блока – С.Ш.).

• … самая трудная часть жизни – середина ее…

• … как ни бедны мои стихи, я выражаю в них лучшее, что могу выразить…

• … как важно «согласие воль, вкусов, темпераментов»…

• … Ночью я проснулся в ужасе («опять весь старый хлам в книги»). Но – за что же «возмездие»? В том числе, за недосказанность, за полуясность, за медленную порчу. Кто желает понять, поймет лучше, вчитываясь во все подряд…

• … строя моей души я не могу изменить… необходимо пройти назначенный путь разочарований, боли и гнева…

• … Жизнь складывается глупо, неприятно, нелепо и некрасиво. Редкие дни бывает хорошо, все остальное – бестолково, противоречиво и мелочно.

• Поэты интересны тем, чем они отличаются друг от друга, а не тем, в чем они подобны друг другу. И так же центр тяжести всякого поэта – его творческая личность, т.е. сила подражательности всегда отрадно пропорциональна силе творчества.

• Пока не найдешь действительной связи между временным и вневременным, до тех пор не сделаешься писателем, но и кому-либо и на что-либо, кроме баловства, нужным. (Знак А. Блока – С.Ш.).

• Стержень, к которому прикрепляется все многообразие дел, образов, мыслей, завитушек – должен быть; и должен он быть – вечным, неизменяемым при всех обстоятельствах.

- Человек есть будущее… нет будущего, значит, нет человека. (Знак А. Блока – С.Ш.).
- <…> кто прозорлив хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя пускаться налегке, а нужно иметь хоть в зачатке «Во имя», которое бы освещало путь и питало творчество…
- Душа настоящего человека есть самый сложный и самый важный, и самый живучий музыкальный инструмент.
- Для того, чтобы принимать участие в «жизнетворчестве»… надо воплотиться, показать свое печальное лицо.
- Главное – не терять крыльев, присутствие духа. Страшно хочу мирного труда, но окрыленного, не проклятого.
- <…> сознательно иду по своему пути, мне предназначенному, и д о л ж е н идти по нему неуклонно (разрядка А. Блока – С.Ш.).
- Мир движется музыкой, страстью, пристрастием, силой.
- Я хочу, чтобы зерно истины, которое я, как один из думающих, мучающихся и т.д. интеллигентов несомненно ношу в себе – возросло, попало на настоящую почву и принесло п л о д – пользу (разрядка А. Блока – С.Ш.).
- Для писателя – мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок. Таков он для Толстого и для Достоевского. Оттого – нет ни минуты покоя, вечно на первом плане «раздражительная способность жить высшими интересами» (слова Ап. Григорьева). Ничего «утомительнее» писательской жизни и быть не может.
- Последнее отчаяние мне слишком близко и оно рождает во мне последнюю искренность.
- Мастер – тот, кто ощущает стержень всего своего творчества и держит ритм в себе.
- Одиночество преодолимо ритмами действительной жизни – страстью и трудом.
- Самоосуждение строгое только к благу <…> из такого самоосуждения рождается новый человек.
- Трудно ходить, чтобы ветер не унес, и чтобы болото не затянуло.
- В стихах и прозе – в произведении искусства – главное: дух, который в нем веет…
- Жизни и страсти без долга нет.

• Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды…

• Хорошо писать и звездные и беззвездные стихи, где только могут вспыхнуть звезды или можно их самому зажечь…

• То, что я сделал подлинного, сделано мной н е з а в и с и м о, т.е. я зависел только от случайного… (разрядка А. Блока – С.Ш.).

• Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому что ее окружает и оформливает новое…

• Только – полет и порыв! Лети и рвись, иначе – на всех путях гибель…. Лишь тот, кто так любил, как я, имеет право ненавидеть. И мне – быть катакомбою. Катакомба – звезда, несущаяся в пустом синем эфире…

• … Искусство с воздействиями какой бы то ни было власти несовместимо.

• … Человеческая совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но у м и р а ю щ е г о и разлагающегося в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь. Обратно: под игом насилия человеческая совесть умолкает, тогда человек замыкается в старом; чем наглее насилие, тем прочнее замыкается человек в старом… (разрядка А. Блока – С.Ш.).

• … За уродливое пристрастие к «малым делам» история мстит историческим нагромождением событий и фактов.

• … мы вступили явственно в эпоху совсем новую, и новые людские отношения: понятия, мысли, образы пока еще в большинстве не поддаются определению…

Мне чуются иногда впереди великие надежды и великие прегрешения, и все-таки – свет, свет и радость…

3

Константин Паустовский о заветном

• Есть в каждом сердце струна. Она обязательно отзовется на слабый призыв прекрасного...

• Дни волнуют меня потому, что в них цветет какая-то высшая радость, словно я пришел из другого мира: так все ново – и молчание белых полей, и лица, и встречи, и думы...

- Жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека.
- Можно все изменить в природе, преобразовать при условии сохранения основного неизменного закона радости жизни.
- Легко погубить свою душу, растоптать ее, загрязнить тем морем злобы и грубости, которые хлещут вокруг...
- Интуицию я представляю себе как способность по отдельной частности, по подробности, по одному какому-либо свойству восстановить картину целого.
- Кто не испытал волнения от едва слышного дыхания спящей молодой женщины, тот не поймет, что такое н е ж н о с т ь...
- Дело художника рождать радость…
- Нельзя терять чувство призвания. Его не заменить ни трезвым расчетом, ни литературным опытом.
- **Если молния – замысел, то ливень – это воплощение замысла. Это стройные потоки образов и слов. Это – книга.**
- Сердце, воображение и разум – вот та среда, где зарождается то, что мы называем культурой…
- В любой области человеческого знания заключается бездна поэзии.
- Воображение заполняет пустоты человеческой жизни.
- Поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную действенную свежесть.
- Главное в том, что проза, когда она достигает совершенства, является по существу подлинной поэзией…
- Поэзия берет в плен, пленяет и незаметным образом, но с непреодолимой силой возвышает человека, когда он действительно становится украшением земли, или как простодушно, но искренне говорили наши предки «венцом творения»…
- Человек, живущий «по сердцу», в согласии со своим внутренним миром – всегда созидатель, обогатитель и художник.

4

Стихи Бориса Слуцкого

Память

Я носил ордена.
После – планки носил.
После – просто следы этих планок носил,
А потом гимнастерку до дыр износил.
И надел заурядный пиджак.
А вдова Ковалева все помнит о нем,
И дорожки от слез – это память о нем,
Сколько лет не забудет никак!
И не надо ходить. И нельзя не пойти.
Я иду. Покупаю букет по пути.
Ковалева Мария Петровна, вдова,
Говорит мне у входа слова.
Ковалевой Марии Петровне в ответ
Говорю на пороге: – Привет! –
Я сажусь, постаравшись к портрету – спиной,
Но бессменно висит надо мной
Муж Марии Петровны,
Мой друг Ковалев,
Не убитый еще, жив – здоров.
В глянцевитый стакан наливается чай,
А потом выпивается чай. Невзначай.
Я сижу за столом,
Я в глаза ей смотрю,
Я пристойно шучу и острю.
Я советы толково и веско даю –
У двух глаз, у двух бездн на краю.
И, утешив Марию Петровну, как мог,
Ухожу за порог.

* * *

Начинается расчет со Сталиным,
И – всерьез. Без криков и обид.
Прах его, у стен Кремля оставленный,
Страх пускай колеблет и знобит.
Начинается спокойный,
Долгий и серьезный разговор.
Пусть ответит, наконец, покойник,
Сумрачно молчавший до сих пор.
Нет, не зря он руган был и топтан.
Нет, не зря переменил жилье.
Монолог обидчивый закончен.
Хор народа говорит свое.

* * *

Нам черное солнце светило,
Нас жгло, опаляло оно,
Сжигая иные светила,
Сияя на небе - одно.
О, черного солнца сиянье,
Зиянье его в облаках!
О, долгие годы стоянья
На сомкнутых каблуках!
И вот – потемнели блондины.
И вот – почернели снега.
И билась о черные льдины
чернейшего цвета пурга.
И черной фатою невесты
Окутывались тогда,
Когда приходили не вести,
А в черной каемке беда.

* * *

А темный, а белый, а серый
Казались оттенками тьмы,
Которую полною мерой
Мы видели, слышали мы.
Мы ее ощущали.
Мы ее осязали.
Ели вместе со щами.
Выплакивали со слезами.

Моральный износ

Человек, как лист бумаги,
Изнашивается на сгибе.
Человек, как склеенная чашка,
Разбивается на изломе.
А моральный износ человека
Означает, что человека
Слишком долго сгибали, ломали,
Колебали, шатали, мяли,
Били, мучили, колотили,
Попадая то в страх, то в совесть,
И мораль его прохудилась,
Как его же пиджак и брюки.

* * *

Всем лозунгам я верил до конца
И молчаливо следовал за ними,
Как шли в огонь во Сына, во Отца,
Во голубя Святого Духа имя.
И если в прах рассыпалась скала,
И бездна разверзается, немая,
И ежели ошибочка была –
Вину и на себя я принимаю.

Бог

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того – иного, другого,
По имени Иегова...
Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко, – мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом.
С богом почти что рядом.

Хозяин

А мой хозяин не любил меня –
Не знал меня, не слышал и не видел,
А все-таки боялся, как огня,
И сумрачно, угрюмо ненавидел.
Когда меня он плакать заставлял,
Ему казалось: я притворно плачу.
Когда пред ним я голову склонял,
Ему казалось: я усмешку прячу.

А я всю жизнь работал на него,
Ложился поздно, поднимался рано,
Любил его. И за него был ранен.
Но мне не помогало ничего.
А я возил с собой его портрет.
В землянке вешал и в палатке вешал –
Смотрел, смотрел, не уставал смотреть.
И с каждым годом мне все реже, реже
Обидною казалась нелюбовь.
И ныне настроенья мне не губит
Тот явный факт, что испокон веков
Таких, как я, хозяева не любят.

1954

5

М.В. Юдина. В начале пути. Невельский дневник (1916–1918)

В дневнике 1916–1918 годов, в этом уникальном документе, самой М.В. Юдиной процесс обращения в православие описан подробно и очень эмоционально.

25 ноября 1917 года датированы такие строки:

«Боже мой. Господи, как благодарю Тебя за то, что примешь меня в лоно Своей Церкви! Аминь»; через несколько дней: «Вчера впервые была на Богослужении. Кажется, я приду к Христианству окончательно: хочу этого. Я в церковь первый раз иду. Я Божьей благодати жду. Я верю и надеюсь. Господи помилуй! Аминь». Здесь же целые списки «религиозных» стихов Вяч. Иванова и Вл. Соловьева и фрагменты из «Столпа и утверждения Истины» П. Флоренского и сочинений Бл. Августина. Дневник отразил ее живой религиозный опыт и заканчивается датой 4 февраля 1918 – временным прощанием с Leo (Л.В. Пумпянским) и такой сентенцией: «Безмерное спасибо великому роману, влившему силу в мое усталое сердце. Нужно быть добрым. Нужно любить всех. Нужно согревать людей, не нужно жалеть себя. Всюду, где можешь, твори благо. Тогда забудешь свои скорби.

Охвати всех, «seid umschlungen, Millionen» («обнимитесь, миллионы» – слова из «Оды к Радости» Ф. Шиллера, использованные Бетховеном в финале 9-й симфонии – Ред.). Вот чего я должна от себя добиваться: доброты, простоты, скромности, труда, деятельности, продуманности... Я хочу показать людям, что можно прожить жизнь без ненависти, будучи в то же время свободным и самобытным. Да, я постараюсь стать достойной внутреннего голоса своего».

- Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, что есть и другие дороги.

Но чувствую, что мне доступен лишь этот. Все божественное, духовное впервые явилось мне чрез искусство, чрез одну ветвь его – музыку. Это мое призвание! Я верю в него и в свою силу в нем.

- Я должна вечно и неизменно идти по пути духовных созерцаний, собирать себя для просветления, которое придет однажды. В этом смысл моей жизни здесь. Я – звено в цепи искусства.
- Каждый человек должен оправдать свой личный путь. Моя вера в исключительность и высоту искусства оправдывает его.
- В конце концов, мы все – люди – придем к одному, к жизни в духе, к иному плану бытия, но придем разными путями: один через искусство, другой через альтруизм, третий, может быть, через любовь. Каждый иначе; столько путей, сколько людей.

И именно в этом многообразии, ведущем к абсолютному единству – вся красота и глубина жизни человечества. И в этом же его боль. **12. 11. 1916. Пгд.**

- … произведения искусства такие же звенья в мировой цепи, как и явления природы.

28. 06. 1917.

- Видела облака белые, как утренняя молитва. Они тихо светились изнутри. Они неподвижно стояли над монастырем.

7. 08. 1917.

- …«только мысли клялся я без чести, только духу верен навсегда». И я последую этому завету.
- Любить нужно все, но вечно прикованной нужно быть лишь к Богу своему. Опять становится светлее.

• Господи, дай мне силы и света! Господи Боже, дай мне силы на подвиг здесь!

… Господи, Боже мой Великий! Помоги мне найти правду и решение, угодное тебе!

Сентябрь 1917.

• Искусство лишь путь, лишь звено. Конечная цель внутренних путей – вера, а общая – воскресение.

• Вера из проповеди Взывание и искание Господа. Нахождение и постижение. Хвала и прославление.

• … О молю Тебя за всех страдающих. Жду света Твоего, о Господи!

• О, Господи, Боже мой! Благодарю Тебя! Душа все дальше уходит, рассеивается. Дух получает силу и крепость…

• … все должны быть во Христе. Частное благочестие не есть осуществление Царства Божьего.

• О, Господи! Не можешь не благословить труд духовный. Он во имя Тебя, ибо Ты же создал в человеке дух, жаждущий истины. Аминь.

• Господи, Боже мой! Неужели свершится благо величайшее и примет меня вера в святую ограду?

• Господи, как я хочу света Твоего, как изнываю во тьме!

• … смирение, смирение и смирение. Это начало богопознания… Господи! Прости!

• Да не возобладает человек! Избави от лукавого и не введи в искушение!

• Впервые во мне – одинокой и гордой – тоска по ответной душе, по воле твоей я лишилась свободы… я должна быть одна перед тобой, о, Господи, Боже мой!

23. 12. 1917.

• … да, я буду трудиться, я буду одинокой и сильной, но любви в моей жизни больше не будет. Я умру с этим печальным образом в душе….

11. 01. 1918.

• Труд и молитва – жизни залог до могилы! Больше правды, больше труда, вдохновения, мысли!

• Смирение заключается в том, чтобы быть незамеченным людьми, чтобы не выходить из круга, предназначенного тебе самой жизнью…, следовательно, свыше…

• Да будет один Дух нашей вечной живой связью!.. нужно согревать людей, не нужно жалеть себя.

• Всюду, где можешь, твори благо. Тогда забудешь свои скорби…. Вот чего я должна от себя добиваться: доброты, простоты, скромности, труда, деятельности, продуманности… я хочу показать людям, что можно прожить жизнь без ненависти, будучи в то же время свободным и самобытным. Да, я постараюсь стать достойной внутреннего голоса своего.

16. 2. 1918 (последняя дата записи).

• … вот она, молодость! Смутно и радостно на душе, а дух молчит. Я хочу любви, но за нею я вижу что-то другое, – слияние с природой. Я раствориться хочу в любви, чтобы этим восстановить связь с миром. Нет, не то. Я не понимаю ничего, хочу только солнца, солнца вечернего, теплого, тихого солнца!

• А хорошо одиночество! Тишина, покой, сосредоточенность. Высоко над жизнью я живу, смотрю на нее издали, с примиренным благословением!

(Из книги: М.В. Юдина. Вы спасетесь через музыку. Литературное наследие. – М., 2005).

6

Прозрения Виктора Франкла

В 2004 году в России вышел перевод книги Виктора Франкла под названием «Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере**.** А еще раньше в 1990 году вышла другая его книга: «Человек в поисках смысла». (М.: Издательство «Прогресс»).

Завершая свой цикл о Шаламове, я вновь перечитала эти удивительно мудрые книги. Они многое помогли мне понять как в поведении, так и в творчестве Варлама Тихоновича. Как жаль, что он не знал об этих книгах. Но мне чудится: диалог между ав-

тором и Шаламовым все равно существует, просто нам не дано его услышать. Виктор Франкл по праву считается одним из величайших духовных учителей человечества в XX веке. Актуальность идей Виктора Франкла определяется уникальной встречей масштабной личности с обстоятельствами места, времени и образа действия, которые придали этим идеям столь громкий резонанс.

Он умудрился прожить долго, и даты его жизни (1905–1997) – вобрали в себя XX век почти без остатка. Он пережил их всех, пережил в обоих смыслах этого слова, – не только оставшись в живых, но и претворив свои переживания в книги и публичные лекции. Он принадлежал к тому же поколению, что и Шаламов, родившийся в 1907 году.

Виктор Франкл, так же, как и Варлам Тихонович, испытал на себе весь трагизм столетия.

Время жизни, обозначенное датами 1942–1945 годы, – это годы пребывания Франкла в нацистских концлагерях. Это время нечеловеческого существования с мизерной вероятностью остаться в живых.

Почти любой, кому посчастливилось выжить, счел бы наивысшим счастьем вычеркнуть эти годы из жизни и забыть их как страшный сон. Но Франкл как психолог, еще накануне войны в основном начал работать над своей теорией стремления к смыслу, как главной движущей силы поведения и развития личности. И в концлагере эта теория получила беспрецедентную проверку жизнью.

Наибольшие шансы выжить, по наблюдениям Франкла, имели не те, кто отличался наиболее крепким здоровьем, а *те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого жить*. У самого Франкла было, ради чего жить; в концлагерь он взял с собой рукопись книги с первым вариантом учения о смысле, и его заботой было сначала попытаться сохранить ее, а затем, когда это не удалось, – восстановить утраченный текст**.**

Кроме того, до самого освобождения он надеялся увидеть в живых свою жену, с которой он был разлучен в лагере, но этой надежде не суждено было сбыться – жена погибла, как и практически все его близкие. В том, что он сам выжил, сошлись и случайность, и закономерность. Случайность – что он не попал ни в одну из команд, направлявшихся на смерть, направлявшихся не по какой-то конкрет-

ной причине, а просто потому, что машину смерти нужно было кем-то питать. Закономерность – что он прошел через все это, сохранив себя, свою личность, свое «упрямство духа», как он называет способность человека не поддаваться, не ломаться под ударами, обрушивающимися на тело и душу.

Выйдя в сорок пятом на свободу и узнав, что вся его семья погибла в горниле мировой войны, он не сломался и не ожесточился. В течение пяти лет он выпустил дюжину книг, в которых изложил свое уникальное философское учение, психологическую теорию личности и психотерапевтическую методологию, основанные на идее стремления человека к смыслу. Стремление к смыслу помогает человеку выжить, и оно же приводит к решению уйти из жизни, оно помогает вынести нечеловеческие условия концлагеря и выдержать тяжелое испытание славой, богатством и почетом.

Виктор Франкл прошел и те, и другие испытания и остался Человеком с большой буквы, проверив на себе действенность собственной теории.

* * *

«Упрямство духа» – это его собственная формула. Дух упрям, вопреки страданиям, которые может испытывать тело, вопреки разладу, который может испытывать душа. Франкл ощутимо религиозен, но он избегает говорить об этом прямо, потому что он убежден: психолог и психотерапевт должны суметь понять любого человека и помочь ему вне зависимости от его веры или отсутствия таковой.

Духовность не исчерпывается только религиозностью. *«В конце концов,* – говорил он в своей московской лекции, *– Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет».*

Первый вариант книги «Психолог в концлагере»… был надиктован им за 9 дней, вскоре после освобождения, и вышел в 1946 году анонимно, без указания авторства.

В конце жизни Франкл дважды побывал в Москве, выступал в Московском университете. Он встретил чрезвычайно горячий прием. Его мысли легли на благодатную почву, и сегодня Франкл воспринимается русскоязычным читателем скорее как свой, а не как чужестранец.

* * *

Предоставляю слово Виктору Франклу, сделав своеобразный конспект для своих и не только своих размышлений над прочитанным и пережитым текстом:

«Психолог в концлагере» – таков подзаголовок этой книги. Это рассказ больше о переживаниях, чем о реальных событиях. Цель книги – раскрыть, показать пережитое миллионами людей. Это концентрационный лагерь, увиденный «изнутри», с позиции человека, лично испытавшего все, о чем здесь будет рассказано. Причем речь пойдет не о тех глобальных ужасах концлагерей, о которых уже и без того много говорилось (ужасах столь неимоверных, что в них даже не все и не везде поверили), а о тех бесконечных «малых» мучениях, которые заключенный испытывал каждый день. О том, как эта мучительная лагерная повседневность отражалась на душевном состоянии обычного, среднего заключенного.

Следует заранее сказать, что то, о чем будет здесь говориться, происходило преимущественно не в больших, широко известных лагерях, а в их филиалах, отделениях. Однако известно, что именно эти небольшие лагеря были лагерями уничтожения. Здесь будет рассказано не о страданиях и гибели героев и мучеников, а скорее о незаметных, безвестных жертвах концлагерей, о массах тихих, незаметных смертей.

Зачем я рассказываю обо всем этом? Каков вообще смысл этой книги? Ведь уже опубликовано достаточно фактов, рисующих картину концлагеря. Но здесь факты будут использованы лишь в той мере, в какой они отразились на душевной жизни заключенного; психологический аспект книги посвящен переживаниям как таковым, внимание автора направлено на них. Книга имеет двоякий смысл в зависимости от того, кем будет ее читатель.

Тот, кто сам был в лагере и испытал то, о чем идет речь, найдет в ней попытку научного объяснения и истолкования тех переживаний и реакций. Другим же, большинству, требуется не объяснение, а понимание; книга должна помочь понять то, что пережили заключенные, что с ними происходило. Хотя процент выживших в лагерях ничтожен, важно, чтобы их психология, их своеобразные, часто совсем изменившиеся жизненные установки были понятны окружающим. Ведь само по себе такое понимание не возникает. От бывших заключенных часто приходилось слышать: «Мы неохотно рассказы-

ваем о наших переживаниях. Тому, кто сам был в лагере, не надо ничего рассказывать. А тот, кто не был, все равно не сможет понять, чем все это было для нас и чем еще осталось».

Апатия, внутреннее отупение, безразличие – эти проявления второй фазы психологических реакций заключенного делали его менее чувствительным к ежедневным, ежечасным побоям. Именно этот род нечувствительности можно считать необходимейшей защитной броней, с помощью которой душа пыталась оградить себя от тяжелого урона.

Пинки и удары можно было получить в лагере по малейшей причине, да и вовсе без причины. Пример: на стройке, где я работаю, пришло время раздачи хлеба. Мы выстраиваемся в очередь, в затылок друг другу. Человек, стоявший за мной, вероятно, немного отступил от прямой линии. Хотя с точки зрения дисциплинарной это не было нарушением (ведь стояли мы там, где положено), это чем-то не понравилось конвоиру, возможно, оскорбило его чувство симметрии. Во всяком случае, я не мог иметь представления о том, что происходит у меня за спиной и что думает конвоир. И меня просто ошеломили два внезапных сильных удара по голове. Только тогда я увидел, что возле нас стоит конвоир, и он пустил в ход дубинку.

Причиняемая побоями телесная боль была для нас, заключенных, не самым главным (точно так же, как для подвергаемых наказанию детей). Душевная боль, возмущение против несправедливости – вот что, несмотря на апатию, мучило больше.

Возвращаясь к апатии как главному симптому второй фазы, следует сказать, что это – особый механизм психологической защиты. Реальность сужается. Все мысли и чувства концентрируются на одной-единственной задаче: выжить! И вечером, когда измученные люди возвращались с работ, от всех можно было слышать одну фразу-вздох: ну, еще один день позади!

Заключенные настолько страдали от истощения, что, само собой, в центре тех примитивных влечений, к которым «регрессировала» душевная жизнь в лагере, находилась у них потребность в пище. Понаблюдаем за группой заключенных в тот редкий момент, когда бдительность надзирателей немного ослабла и можно перекинуться парой слов. Они немедленно заговорят о еде! Кто-то станет расспрашивать стоящего рядом, какие у него были любимые блюда.

Затем они начнут обмениваться рецептами блюд и составлять меню тех праздничных обедов, на которые они пригласят друг друга, когда освободятся и вернутся домой. И они буквально не смогут остановиться до тех пор, пока один из заключенных – тот, кому это поручено, – не возвестит (чаще шифром, например, выкриком какой-нибудь цифры): конвоир идет!

И вдруг меня пронзает мысль: ведь сейчас я впервые в жизни понял истинность того, что столь многие мыслители и мудрецы считали своим конечным выводом, что воспевали столь многие поэты: я понял, я принял истину – только любовь есть то конечное и высшее, что оправдывает наше здешнее существование, что может нас возвышать и укреплять! Да, я постигаю смысл того итога, что достигнут человеческой мыслью, поэзией, верой: освобождение – через любовь, в любви! Я теперь знаю, что человек, у которого нет уже ничего на этом свете, может духовно – пусть на мгновение – обладать самым дорогим для себя – образом того, кого любит. В самой тяжелой из всех мыслимо тяжелых ситуаций, когда уже невозможно выразить себя ни в каком действии, когда единственным остается страдание, – в такой ситуации человек может осуществить себя через воссоздание и созерцание образа того, кого он любит. Впервые в жизни я смог понять, что подразумевают, когда говорят, что ангелы счастливы любовным созерцанием бесконечного Господа.

Уход в себя означал для тех, кто был к этому способен, бегство из безрадостной пустыни, из духовной бедности здешнего существования назад, в собственное прошлое. Фантазия была постоянно занята восстановлением прошлых впечатлений. Причем чаще всего это были не какие-то значительные события и глубокие переживания, а детали обыденной повседневности, приметы простой, спокойной жизни. В печальных воспоминаниях они приходят к заключенным, неся им свет. Отворачиваясь от окружающего его настоящего, возвращаясь в прошлое, человек мысленно восстанавливал какие-то его отблески, отпечатки. Ведь весь мир, вся прошлая жизнь отняты у него, отодвинулись далеко, и тоскующая душа устремляется вслед за ушедшим – туда, туда… Вот едешь в трамвае; вот приходишь домой, открываешь дверь; вот звонит телефон, подымаешь трубку; зажигаешь свет… Такие простые, на первый взгляд до смешного незначительные детали умиляют, трогают до слез.

Те, кто сохранил способность к внутренней жизни, не утрачивал и способности хоть изредка, хоть тогда, когда предоставлялась малейшая возможность, интенсивнейшим образом воспринимать красоту природы или искусства. И интенсивность этого переживания, пусть на какие-то мгновения, помогала отключаться от ужасов действительности, забывать о них. При переезде из Аушвица в баварский лагерь мы смотрели сквозь зарешеченные окна на вершины Зальцбургских гор, освещенные заходящим солнцем. Если бы кто-нибудь увидел в этот момент наши восхищенные лица, он никогда бы не поверил, что это – люди, жизнь которых практически кончена. И вопреки этому – или именно поэтому? – мы были пленены красотой природы, красотой, от которой годами были отторгнуты.

Волю к юмору, попытку видеть хоть что-то из происходящего в смешном свете, можно рассматривать, как род искусства жить. Возможность такой позиции обусловлена еще и тем, что жизнь в лагере была полна контрастов, которые высвечивали определенную относительность страданий. Своеобразное «заполнение» человеческой души страданием можно было бы сравнить с тем, что происходит, когда в какое-нибудь помещение попадает газообразное вещество. Как бы велико ни было это помещение, газ равномерно заполняет весь его объем. Так и страдание заполняет всю душу, овладевает всем сознанием, независимо от того, велико оно или мало. Выходит, что страдание может быть относительным, как, впрочем, относительна и радость. Ведь человеку подчас бывает достаточно и совсем малого, чтобы буквально прийти в восторг.

Счастье – это когда худшее обошло стороной. Мы были благодарны судьбе уже за малейшее облегчение, за то, что какая-то новая неприятность могла случиться, но не случилась. Мы радовались, например, если вечером, перед сном ничто не помешало нам заняться уничтожением вшей. Конечно, само по себе это не такое уж удовольствие, тем более что раздеваться донага приходилось в нетопленом бараке, где с потолка (внутри помещения!) свисали сосульки. Но мы считали, что нам повезло, если в этот момент не начиналась воздушная тревога и не вводилось полное затемнение, из-за чего это прерванное занятие отнимало у нас полночи. Конечно, все это жалкие радости, это своего рода «негативное счастье», по Шопенгауэру, – отсутствие несчастья, – да и то, как уже говорилось, сугубо относительное. Позитивные, истинные радости, даже незначительные, выпадали на нашу долю

Я знал, что в любой другой команде я все равно скоро погибну. Так уж если умирать, пусть моя смерть имеет какой-то смысл. Мне представлялось, что для меня будет гораздо разумнее, если я успею хоть немного помочь моим товарищам как врач, чем буду медленно погибать, оставаясь здесь, как в высшей степени непродуктивный землекоп, каким я стал к этому времени. Так что для меня это был трезвый расчет, а не героическая жертва. Унтер-офицер санитарной службы предупредил, что оба врача, согласившиеся ехать в этот лагерь, до отправки могут не выходить на работы, а оставаться на «облегченном режиме». Вероятно, наш вид был таков, что в ином случае он мог бы иметь в сыпнотифозном лагере не двух новых врачей, а два лишних трупа.

Мы уже говорили о том обесценивании, которому – за редкими исключениями – подвергалось все, что не служило непосредственно сохранению жизни. И этот пересмотр вел к тому, что, в конце концов, человек переставал ценить самого себя, что в вихрь, ввергающий в пропасть все прежние ценности, втягивалась и личность. Под неким суггестивным воздействием той действительности, которая уже давно ничего не желает знать о ценности человеческой жизни, о значимости личности, которая превращает человека в безответный объект уничтожения (предварительно используя, впрочем, остатки его физических способностей), – под этим воздействием обесценивается, в конце концов, собственное Я.

Человек, не способный последним взлетом чувства собственного достоинства противопоставить себя действительности, вообще теряет в концлагере ощущение себя как субъекта, не говоря уже об ощущении себя как духовного существа с чувством внутренней свободы и личной ценности. Он начинает воспринимать себя скорее как частичку какой-то большой массы, его бытие опускается на уровень стадного существования. Ведь людей, независимо от их собственных мыслей и желаний, гонят то туда, то сюда, поодиночке или всех вместе, как стадо овец. Справа и слева, спереди и сзади тебя погоняет небольшая, но имеющая власть, вооруженная шайка садистов, которые пинками, ударами сапога, ружейными прикладами заставляют тебя двигаться то вперед, то назад.

Мы дошли до состояния стада овец, которые только и знают, что избегать нападения собак и, когда их на минутку оставят в покое, немного поесть. И подобно овцам, при виде опасности боязливо сби-

вающимся в кучу, каждый из нас стремился не оставаться с краю, попасть в середину своего ряда, в середину своей колонны, в голове и хвосте которой шли конвоиры. Кроме того, местечко в центре колонны обещало некоторую защиту от ветра. Так что, то состояние человека в лагере, которое можно назвать стремлением раствориться в общей массе, возникало не исключительно под воздействием среды, оно было и импульсом самосохранения. Стремление каждого к растворению в массе диктовалось одним из самых главных законов самосохранения в лагере: главное – не выделиться, не привлечь по какому-нибудь малейшему поводу внимание СС!

Однако бывают минуты, когда просто необходимо уединиться. Постоянная жизнь на людях, на виду у товарищей по несчастью, каждый день, каждый час, даже при выполнении каких-то мелких житейских процедур, начинает тяготить, рождает настоятельную потребность хоть немного побыть одному. Это просто какая-то тоска по одиночеству, по возможности остаться наедине с самим собой, со своими мыслями.

Только тот, кто сам пережил лагерь, может представить себе, сколь неуклонно эта лагерная действительность вела к обесцениванию отдельной человеческой жизни. Даже самый отупевший заключенный не мог не осознавать это пренебрежение к индивидууму, к человеческому существу в ситуации, когда из лагеря отправляли больных. Изможденные тела буквально сваливали на двухколесные тачки, и те, кто был не намного сильнее, должны были их катить, иногда многие километры, на ветру, в дождь, в метель – всегда. Если кто-то из назначенных на отправку был уже мертв, в общую кучу сваливали и его: число должно соответствовать списку!

Список – вот что важно, человек же важен лишь постольку, поскольку, мертвый или живой, он – номер. «Жизнь» этого «номера» ничего собой не представляет, и что стоит за этим номером – судьба, биография, имя – еще менее существенно.

Человек терял ощущение себя как субъекта не только потому, что полностью становился объектом произвола лагерной охраны, но и потому, что ощущал зависимость от чистых случайностей, становился игрушкой судьбы. Я всегда думал и утверждал, что человек начинает понимать, зачем то или иное случилось в его жизни, и что было для него к лучшему, лишь спустя некоторое время, через пять или десять лет. В лагере же это иногда становилось ясно через пять или десять минут.

Заключенный постоянно ощущал себя игрушкой судьбы, и это ощущение – готовность положиться на волю судьбы – в сочетании со все увеличивающейся апатией, овладевавшей человеком в лагере, лишало инициативы, заставляло уклоняться от собственных решений, бояться их. Конечно, в лагерной жизни неизбежны ситуации, когда надо мгновенно, за считанные секунды что-то решать, и часто цена этого решения – жизнь или смерть. Но в общем-то отсутствие самой возможности принятия собственных решений оказывалось для заключенного даже предпочтительным. Стремление к уходу от собственных решений становилось особенно очевидным, если внезапно вставала дилемма – пытаться или не пытаться бежать. В такие минуты – а речь могла идти только о минутах – заключенный испытывал поистине адские муки. Рискнуть? Не рисковать?

Как уже говорилось, человек в лагере настолько падает духом, им настолько овладевает апатия, что его душевная жизнь опускается на более примитивный уровень, превращая его в безвольную игрушку судьбы или объект произвола охранников, и это приводит, в конечном счете, к тому, что он начинает бояться принимать собственные решения, взять свою судьбу в свои руки. Эта апатия является не только механизмом душевной самозащиты. Она имеет и чисто телесные причины, так же как и повышенная раздражительность – одна из примечательных особенностей психики заключенного наряду с апатией. В ряду физиологических причин этого явления на первом месте стоят голод и недосыпание, которые, как всем известно, вызывают апатию и раздражительность и в нормальной жизни. В лагере же острейший дефицит сна был обусловлен еще и тем, что из-за невообразимой тесноты и отсутствия какой-либо гигиены бараки буквально кишели насекомыми.

Представленная здесь попытка психологического описания и психопатологического объяснения типичных черт характера, которые формировались у заключенного за годы пребывания в лагере, может создать впечатление, будто состояние человеческой души неумолимо и однозначно зависит от окружающих условий. Ведь, казалось бы, в лагерной жизни своеобразная социальная среда принудительно определяет поведение людей. Но против этого можно с полным правом выдвинуть возражения, задать вопрос: а как же тогда быть с человеческой свободой? Разве не существует духовной свободы, самоопределения, отношения к заданным внешним обсто-

ятельствам? Неужели человек действительно не более чем продукт многочисленных условий и воздействий, будь то биологические, психологические или социальные? Не более чем случайный результат своей телесной конституции, предрасположенностей своего характера и социальной ситуации? И в особенности: разве реакции заключенных действительно свидетельствуют о том, что люди не могли уклониться от воздействий той формы бытия, в которую были насильственно ввергнуты? Что человек вынужден был полностью подчиняться этим влияниям? Что «под давлением обстоятельств», господствовавших в лагере, он «не мог иначе»?

На эти вопросы есть ответы как фактические, так и принципиальные. Фактические основаны на моем опыте – ведь сама жизнь в лагере показала, что человек вполне «может иначе». Есть достаточно много примеров, часто поистине героических, которые показывают, что можно преодолевать апатию, обуздывать раздражение.

В конечном счете, выясняется: то, что происходит внутри человека, то, что лагерь из него якобы «делает», – результат внутреннего решения самого человека. В принципе от каждого человека зависит – что, даже под давлением таких страшных обстоятельств, произойдет в лагере с ним, с его духовной, внутренней сутью: превратится ли он в «типичного» лагерника или остается и здесь человеком, сохранит свое человеческое достоинство.

Достоевский как-то сказал: **я боюсь только одного – оказаться недостойным моих мучений**. Эти слова вспоминаешь, думая о тех мучениках, чье поведение в лагере, чье страдание и сама смерть стали свидетельством возможности до конца сохранить последнее – внутреннюю свободу. Они могли бы вполне сказать, что оказались «достойны своих мучений».

Они явили свидетельство того, что в страдании заключен подвиг, внутренняя сила. Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом. Ведь смысл имеет не только деятельная жизнь, дающая человеку возможность реализации ценностей творчества, и не только жизнь, полная переживаний, жизнь, дающая возможность реализовать себя в переживании прекрасного, в наслаждении искусством или природой. Сохраняет свой смысл и жизнь – как это было в концлагере, – которая не оставляет шанса для реализации ценностей в творчестве или переживании.

Остается последняя возможность наполнить жизнь смыслом: занять позицию по отношению к этой форме крайнего принудительного ограничения его бытия.

Созидательная жизнь, как и жизнь чувственная, для него давно закрыта. Но этим еще не все исчерпано.

Если жизнь вообще имеет смысл, то имеет смысл и страдание. Страдание является частью жизни, точно так же, как судьба и смерть. Страдание и смерть придают бытию цельность.

В том, как человек принимает для себя неизбежную судьбу и вместе с нею все страдания, которые она ему посылает, открывается, даже в самых тяжелых ситуациях и в последние минуты жизни, множество возможностей придать жизни смысл. Это зависит от того, сохранит ли человек силу духа, достоинство и самоотверженность или же в до предела заостренной борьбе за самосохранение утратит свою человечность и полностью превратится в стадное животное, о котором нам напоминает психология узников концлагеря; от того, осуществил человек или утратил те ценностные возможности, которые предоставили ему его ситуация страдания и его тяжелая судьба, от того, оказался ли он «достоин своих мучений» или нет.

Женщина знала, что ей предстоит умереть в ближайшие дни. Но, несмотря на это, она была душевно бодра. «Я благодарна судьбе за то, что она обошлась со мной так сурово, потому что в прежней своей жизни я была слишком избалована, а духовные мои притязания не были серьезны», – сказала она мне, и я запомнил это дословно. Перед самым своим концом она была очень сосредоточенной.

– «Это дерево – мой единственный друг в моем одиночестве», – прошептала она, показывая на окно барака. Там был каштан, он как раз недавно зацвел, и, наклонившись к нарам больной, можно было разглядеть через маленькое оконце одну зеленую ветку с двумя соцветиями-свечками.

– «Я часто разговариваю с этим деревом». – Эти ее слова меня смутили, я не знал, как их понять. Может быть, это уже бред, галлюцинации? Я спросил, отвечает ли ей дерево и что оно говорит, и услышал в ответ: «Оно мне сказало – я здесь, я здесь, я – здесь, я – жизнь, вечная жизнь».

Латинское слово «finis» имеет, как известно, два значения: конец и цель. Человек, который не в состоянии предвидеть конец

этого его временного существования, тем самым не может и направить жизнь к какой-то цели. Он уже не может, как это вообще свойственно человеку в нормальных условиях, ориентироваться на будущее, что нарушает общую структуру его внутренней жизни в целом, лишает опоры.

Внутренняя жизнь заключенного, не имеющего опоры на «цель в будущем» и потому опустившегося, приобретала характер какого-то ретроспективного существования.

Обесценивание реальности, сопутствующее «временному существованию» заключенных, лишало человека опоры, заставляя окончательно опуститься, пасть духом – потому что «все равно все впустую». Такие люди забывают, что самая тяжелая ситуация как раз и дает человеку возможность внутренне возвыситься над самим собой. Вместо того чтобы рассматривать внешние тяготы лагерной жизни как испытание своей духовной стойкости, они относились к своему настоящему бытию как к чему-то такому, от чего лучше всего отвернуться, и, замкнувшись, полностью погружались в свое прошлое. И жизнь их шла к упадку. Конечно, немногие способны среди ужасов концлагеря достичь внутренних высот. Но такие люди были. Им удавалось при внешнем крушении и даже в самой смерти достичь такой вершины, которая была для них недостижима раньше, в их повседневном существовании.

Человеку вообще свойственно ориентироваться на будущее, существовать в его свете, как бы sub specie aeternitatis (с точки зрения вечности), применяя латинское выражение. К этому просвету в будущем, к попытке заглянуть в будущее он прибегает в свои самые тяжелые минуты. Иногда это становится своего рода трюком, спасительной уловкой.

Вся сложность в том, что вопрос о смысле жизни должен быть поставлен иначе. Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас.

Говоря философски, тут необходим своего рода коперниканский переворот: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам – ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать – не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением.

Ведь жить – в конечном счете, значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа.

Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей и в разные мгновения жизни разные. Значит, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое – она конкретна, как и требования ее к нам в каждый момент тоже весьма конкретны.

Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима. Ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация в точности не повторяется – каждая призывает человека к иному образу действий

Конкретная ситуация требует от него то действовать и пытаться активно формировать свою судьбу, то воспользоваться шансом реализовать в переживании (например, наслаждении) ценностные возможности, то просто принять свою судьбу.

И каждая ситуация остается единственной, уникальной и в этой своей уникальности и конкретности допускает один ответ на вопрос – правильный. И коль скоро судьба возложила на человека страдания, он должен увидеть в этих страданиях, в способности перенести их свою неповторимую задачу.

Он должен осознать уникальность своего страдания – ведь во всей Вселенной нет ничего подобного; никто не может лишить его этих страданий, никто не может испытать их вместо него. Однако в том, как тот, кому дана эта судьба, вынесет свое страдание, заключается уникальная возможность неповторимого подвига.

Для нас вопрос о смысле жизни давно уже был далек от того распространенного наивного взгляда, который сводит его к реализации творчески поставленной цели. Нет, речь шла о жизни в ее цельности, включавшей в себя также и смерть, а под смыслом мы понимали не только «смысл жизни», но и смысл страдания и умирания. За этот смысл мы боролись! Страдание как подвиг.

После того как нам открылся смысл страданий, мы перестали преуменьшать, приукрашать их, то есть «вытеснять» их и скрывать их от себя, например, путем дешевого, навязчивого оптимизма. Смысл страдания открылся нам, оно стало задачей, покровы с него были сняты, и мы увидели, что страдание может стать нравствен-

ным трудом, подвигом в том смысле, какой прозвучал в восклицании Рильке: «Сколько надо еще перестрадать!». Рильке сказал здесь «перестрадать», подобно тому, как говорят: сколько дел надо еще переделать.

Да, нам пришлось много «перестрадать». Поэтому следовало смотреть в лицо страданиям, рискуя не выдержать, рискуя не сдержать слез. Да и не надо было стыдиться таких слез – они свидетельствовали о том, что у человека есть высшее мужество – мужество страдать. Впрочем, такое понимание было у немногих, большинство со смущением признавались в том, что «снова плакали». Один мой товарищ на вопрос, как ему удалось избавиться от голодных отеков, ответил: «Я их выплакал»…

Но я говорил не только о будущем, которое – к счастью – для нас погружено в неизвестность, не только о настоящем со всеми его страданиями, но и о прошлом со всеми его радостями, с его светом, мерцающим во тьме наших сегодняшних дней. Я цитировал слова поэта: «То, что ты переживаешь, не отнимут у тебя никакие силы в мире».

То, что мы осуществили в полноте нашей прошедшей жизни и ее опыта, – это наше внутреннее богатство, которое никто и ничто не может у нас отнять. Это относится не только к тому, что мы пережили, но и к тому, что мы сделали, ко всему тому возвышенному, о чем мы думали, к тому, что мы выстрадали, – все это мы сохраним в реальности раз и навсегда. И пусть это миновало – это сохранено для вечности! Ведь быть в прошлом – это тоже своего рода бытие, притом самое надежное.

А дальше я заговорил о самых разных возможностях наполнить свою жизнь смыслом. (Мои товарищи лежали тихо, не шевелясь, только изредка раздавались вздохи.) О том, что человеческая жизнь всегда и при любых обстоятельствах имеет смысл и что этот смысл охватывает также страдания, нужду и смерть. И я просил этих бедняг, внимательно слушавших меня в кромешной тьме барака, смотреть в лицо ужаснейшего положения – и все-таки не отчаиваться, все-таки сознавать, что даже при всей безнадежности нашей борьбы она все равно имеет свой смысл, несет в себе свое достоинство!

На каждого из нас, – говорил я, – в эти часы, которые, может быть, для многих уже становятся последними часами, кто-то смотрит сверху требовательным взглядом – друг или женщина, живой

или мертвый. Или – Бог. И он ждет от нас, что мы его не разочаруем, что мы не будем жалкими, что мы сумеем сохранить стойкость и в жизни, и в смерти…

И, наконец, я говорил о нашей жертве – что она в любом случае имеет смысл. Ведь суть жертвы в том, что в этом мире – мире успеха – она не приводит ни к какому результату, будь то жертва ради политической идеи или ради другого человека.

Религиозные люди легко поймут меня – и это я тоже сказал. Я поведал им историю моего товарища, который в самом начале лагерной жизни заключил «договор» с небесами: пусть любые его страдания и его смерть станут той ценой, которую он платит за то, чтобы смерть любимого человека стала легкой. И для него страдания и смерть перестали быть бессмысленными, они наполнились высоким смыслом. Да, он не хотел мучиться и умирать просто так. И мы этого тоже не хотим!

Внушить людям этот последний смысл нашего существования, здесь – в этом бараке и сейчас – в этой ситуации, – такова была цель моих стараний. И, кажется, я ее достиг. Внезапно под одной из балок вновь вспыхнула электрическая лампочка, и я увидел моих товарищей, собравшихся вокруг моих нар, – немощных, в жалких отрепьях. И я увидел на их глазах слезы…

Из всего этого мы можем заключить, что на свете есть две «расы» людей, только две! – люди порядочные и люди непорядочные. Обе эти «расы» распространены повсюду, и ни одна человеческая группа не состоит исключительно из порядочных или исключительно из непорядочных; в этом смысле ни одна группа не обладает «расовой чистотой!» То один, то другой достойный человек попадался даже среди лагерных охранников.

Лагерная жизнь дала возможность заглянуть в самые глубины человеческой души. И надо ли удивляться тому, что в глубинах этих обнаружилось все, что свойственно человеку. Человеческое – это сплав добра и зла. Рубеж, разделяющий добро и зло, проходит через все человеческое и достигает самых глубин человеческой души. Он различим даже в бездне концлагеря.

Прошедшие годы, пожалуй, отрезвили нас. Вместе с тем они показали нам и то, что с человеческим в человеке нельзя не считаться, они научили нас тому, что все зависит от человека. В памяти о концлагере сохранился человек. Я хочу здесь упомянуть лишь одного из

начальников того лагеря, в который я попал под конец и из которого был освобожден. Он был эсэсовцем. Когда лагерь был освобожден, стало известным то, о чем раньше знал лишь лагерный врач, сам из заключенных: этот человек из лагерного начальства выкладывал из своего кармана немалые деньги, чтобы доставать из аптеки в ближайшем населенном пункте медикаменты для заключенных! Староста же того же лагеря, сам тоже заключенный, был строже, чем все охранники-эсэсовцы, вместе взятые; он бил заключенных когда, где и как только мог, в то время как, например, начальник, про которого я говорил, насколько мне известно, ни разу не поднял руку на кого-нибудь из «своих» заключенных. В этом проявлялся человек. Человек сохранился. В огне страданий, в котором он плавился, обнажилась его суть.

Если мы спросим себя о самом главном опыте, который дали нам концентрационные лагеря, эта жизнь в бездне, то из всего пережитого нами можно выделить такую квинтэссенцию: мы узнали человека, как может быть не знало его ни одно из предшествующих поколений.

Что же такое человек? Это существо, постоянно принимающее решения, что оно такое. Это существо, которое изобрело газовые камеры, но это и существо, которое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и с молитвой на устах.»

На вопрос – Что же такое человек – Варлам Тихонович Шаламов ответил всей своей жизнью и творчеством.

Век XXI призван помочь нам всем обрести нравственную опору в трагическом опыте отцов.

Список источников

Отдельные издания произведений В.Т. Шаламова и публикации в периодической печати

1. Дорога и судьба: Кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1967. 126, [1] с.: ил.
2. Воскрешение лиственницы: Рассказы / [Послесл. Е. Сидорова]. М.: Худож. лит., 1989. 494, [1] с.
3. Левый берег: Рассказы. М.: Современник, 1989. 558, [1] с
4. Четверая Вологда: [Сборник] / [Сост., ввод. ст. и примеч. В. В. Есипов]. Вологда: Грифон, 1994. 189, [1] с.: ил.
5. Воспоминания / [Подгот. текста и примеч. И.П. Сиротинской]. М.: АСТ и др., 2001. 379, [2] с. (Мемуары).
6. Слишком книжное // Человек читающий: [Писатели XX в. О роли кн. в жизни человека и общества: Сборник]. М., 1989 (1990). С. 124–135.
7. Поэзия – всеобщий язык; Письма / [Подгот. к печати и примеч. Ю. А. Шрейдера] // Литературное обозрение. 1989. №1. С.100–104.
8. Двадцатые годы: Заметки студента МГУ / Предисл. И. Сиротинской // Записки очевидца: Воспоминания, дневники. М., 1991. С. 549–608.
9. Четвертая Вологда: [Автобиогр. повесть] / Публ. И. П. Сиротинской; Вступ. заметка и примеч. В. В. Есипова // Лад. 1991. №3. С. 49–61; №4. С. 50–63; № 5. С. 46–61; № 6. С. 52–63; № 7. С. 46–63; № 8. С. 56–63; № 9. С. 46–63; № 10. С. 2–10.
10. Критические заметки. Эссе. Воспоминания / Публ. И. Сиротинской // Октябрь. 1991. № 7. С. 169–185.
11. Воспоминания / Подгот. текста и публ. И. Сиротинской // Знамя. 1993. № 4. С. 114–170.

12. Из переписки [с бывшими узниками Колымы, 1954–1979 гг.] / Публ. и примеч. И. Сиротинской // Знамя. 1993. № 5. С. 110–160.
13. Блок; «Не суеверием весны…»; «Измерены звездные Леты…»; «Выкиньте все гипотезы…»; «Она ко мне приходит в гости…»: [Стихи] // Юность. 1974. № 11. С. 74.
14. «Рассказано людям немного…»; Прощание; «Мне снова жажда вяжет губы…»; «У деревьев нет уродов…»; «Кета родится в донных стойлах…»; Блок // Юность: Избранное. XX. 1955 – 1975. М., 1976. Т. 2. С. 332–334.
15. «Я выходил на чистый воздух…»; «Ощутил в душе и теле…»; «Я – северянин. Я ценю тепло…»; «По старому следу сегодня уеду…» // День поэзии, 1956–1981: Избранное. М., 1982. С. 258–259.
16. Камея; «Модница ты, модница…»; «Следов твоих ног на тропинке таежной…»: [Стихи]
17. Чудесное мгновенье: Любовная лирика рус. поэтов. М., 1988. Кн. 2. С. 301–303.
18. Последние стихи / Публ. А. Морозова // Литературное обозрение. 1989. №8. С. 14: фот. Содерж.: Из «Колымских тетрадей»; Из цикла «Неизвестный солдат».
19. «Поднимая прощальный сигнал…»: [Стихи] / Публ. И.П. Сиротинской; Предисл. И.П. Сиротинской, М. Никольсона // Советская библиография. 1990. № 6. С. 93–100**.** Содерж.: «Судьба у меня двойная…»; «Я ненавижу слово «исподволь»…»; «Отдавал предпочтенье Асееву…»; «Как таежник-эскимос…»; «Мало секунд у меня на веку...».
20. Камея // Гимн любви: Лирика русских поэтов. – М., 1991. Т. 1. С. 359.
21. «Меня застрелят на границе…»; «Говорят, мы мелко пашем…»; Суриков; «Боярыня Морозова»; «На этой горной высоте…» // Строфы века: Антология рус. поэзии / [Сост.] Е. Евтушенко. М., 1995. С. 479–480.
22. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / [Сост., предисл., примеч. И.П. Сиротинской]. М.: ЭКСМО, 2004. – 1066 с.
23. Собрание сочинений: В 6 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2005.
24. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. – М., 2005. – С. 117–119.

25. Михайлов О. Человек человеку… // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1989. Вып. 2. С. 148–167.
26. Сиротинская И. Об авторе // Шаламов В.Т. Левый берег: Рассказы. – М., 1989. С. 555–557.
27. Пастернак Б.Л. Переписка Бориса Пастернака. М.: Худож. лит., 1990. 575 с
28. Из содерж.: Б.Л. Пастернак и В.Т. Шаламов. С. 526–566.
29. Сучков Ф.Ф. Показания Шаламова // Сучков Ф.Ф. Бутылка в море. – М., 1991. С. 275–283.
30. То же // Хронограф'90: Ежегодник. – М., 1991. С. 223–229.
31. Шаламовский сборник: **Вып. 1** / [Сост. В.В. Есипов]. Вологда, 1994. 248 с.

    Содержание: Шаламов В.Т. Рассказы, не вошедшие в сборники / Предисл. И. Сиротинской. С. 5–16; Шаламов В.Т. Из воспоминаний. С. 17–62; Шаламов В.Т. Письма А. Солженицыну / Публ. и примеч. И. Сиротинской. С. 63–103; Шаламов В.Т. О письме в «Литературную газету». С. 104–106; Сиротинская И. Долгие-долгие годы бесед: [Воспоминания]. С. 109–146; Орехова-Добровольская Е. «За нами придут корабли...» [Воспоминание о В.Т. Шаламове]. С. 147–152; Сучков Ф. Его показания: [Воспоминания]. С. 153–161; Неклюдов С. Третья Москва: [Воспоминания сына второй жены В.Т. Шаламова]. С. 162–166; Сидоров Е. Бесстрашие мысли: [О колымской прозе В.Т. Шаламова]. – С. 169–173; Лакшин В. Не уставал вспоминать. С. 174–175; Золотоносов М. Последствия Шаламова: [О значении прозы В.Т. Шаламова]. С. 176–182; Есипов В. Традиции русского Сопротивления: [О творчестве В.Т. Шаламова]. С. 183–194; Шкловский Е. Жажда совершенной правды. С. 195–202; Шрейдер Ю. Искушение адом: [О прозе В.Т. Шаламова]. С. 203–207; Никольсон М. Открытие**,** которого он не знал. С. 211–215; Геллер М. Последняя надежда: [О «Колымских рассказах»]. С. 216–223; Синявский А. Срез материала: [О «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова]. С. 224–229; Берютти М. Крест его судьбы. С. 230–235; Харт У. Не верить в сказки: [О «Колымских рассказах»]. С. 236–240; Отклики в американской прессе на переводы рассказов Шаламова. С. 241–244; Сиротинская И., Есипов В. Из истории рода Шаламовых. С. 244–247.

32. Шаламовский сборник / [Сост. В. В. Есипов]. Вологда, 1997. **Вып. 2.**
Содержание: Шаламов В.Т. Что я видел и понял / Примеч. В. Есипова. С. 5–8: портр.; Шаламов В.Т. Из записных книжек: [1953–1979 гг.] / Публ., предисл. и примеч. И. Сиротинской. С. 9–72; Сиротинская И. В. Шаламов и А. Солженицын. С. 73–74; Мамучашвили Е. В больнице для заключенных / Записал В. Есипов. С. 78–87: фот.; Исаев И. Первые и последние встречи [с В. Шаламовым] / Публ. Т.И. Исаева. С. 89–97; Тарковский Андрей. «Мартиролог» (из дневника), 13 января 1986 г. / Публ. И. Сиротинская. С. 100; Некрасов Виктор. Сталинград и Колыма. С. 101–104; Михайлик Е. В контексте литературы и истории. С. 105–129; Волкова Е. Цельность и вариантивность книг циклов. С. 130–156; Апанович Ф. Филиппика против силы. С. 157–171; Есипов В. «Он тверже своего камня…». С. 172–180; Такаги М. Сохранить человеческое. С. 181–184; Клайн Л. Новое об отце Шаламова. С. 185–192: фото; Шаламов Т. Речь о. Тихона Шаламова на панихиде по М. Герценштейну / [Публ. Л.С. Панова; Примеч. В. Есипова]. С. 193–196; Чусова В. Шаламов в школе. С. 197–202; Шаламовские чтения–94. С. 203–206.
33. Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) // Мир русской культуры: Энциклопедия. – М., 1997. С. 109–110.
34. Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. – М., 1998. Вып. 7: Фонды поступившие в РГАЛИ в 1984-1992 гг. 519 с. В том числе о В. Т. Шаламове. С. 165, 206.
35. Шаламовский сборник / [Ред. и сост. В.В. Есипов]. Вологда, 2002. **Вып. 3.**
Содержание: Хроника. Памятник на Кунцевском восстановлен. С. 6; Письмо В. Шаламова по поводу книги Н. Ивановой-Романовой / Публ. И.П. Сиротинской. С. 7–10; Реабилитирован в 2000 году: (Из следственного дела Варлама Шаламова) / Публ. И.П. Сиротинской. С. 11–34; Дремов Ан. Рецензия на рукопись «Колымских рассказов» / Публ. И.П. Сиротинской. С. 35–38; Волков О. Наша боль и вина. С. 39–43; Поздняев М. «И вспомнил Варлама Шаламова я …»: Стихотворение. С. 44–45; Захарова Е. Последние дни Шаламова: [Воспоминания]. С. 46–55; Сиротинская И. В. Шаламов: взгляд в будущее. С. 56–60; Шрейдер Ю. Духовная тайна Шаламова; Петроченков В. Шаламов и

мировая культура. С. 92–100; Михайлик Е. Кот, бегущий между Солженицыным и Шаламовым. С. 101–114; Волкова Е. Повторы в произведениях Шаламова как порождение новых смыслов. С. 115–128; Апанович Ф. Сошествие во ад: (Образ Троицы в «Колымских рассказах»); Берютти М. Утверждение истины. С. 144–154; Клайн Л. Овладение техникой (о ранней прозе В. Шаламова). С. 155–159; Головизнин М. В. Шаламов и внутрипартийная борьба в 1920-х годах. С. 160–168; Есипов В. «Развеять этот туман» (поздняя проза В. Шаламова: мотивации и проблематика). С. 169–188; Кузьминых А. Россия и лагерный мир глазами иностранцев. С. 189–205; Переписка Ф. Лоскутова и Л. Заварзиной. С. 206–212; А.С. Яроцкий и его «Золотая Колыма». С. 213–224; По местам предков писателя. С. 225–227; Шаламов на сцене: Первые опыты. С. 228–229.

36. Некрасова И.В. Судьба и творчество Варлама Шаламова. – Самара: Изд-во СГПУ, 2003. –204 с.
37. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. – М., 2006. – 200 с.
38. Материалы конференции, посвященной столетию со дня рождения Варлама Шаламова / Сост. Сиротинская И.П. – М., 2007. – 334 с.
39. Есипов В.В. Варлам Шаламов и его современники. – Вологда: «Книжное наследие», 2007. – 270 с.
40. Михайлов О. По самой сути бытия // Литературная газета. 1968. 31 янв. С. 4. Рецензия на кн.: «Дорога и судьба». – М., 1967.
41. Михайлова И. Варлам Шаламов. Дорога и судьба. – М., 1967.: [Рецензия] // Звезда. 1968. № 3. С. 220.
42. Красухин Г. Человек и природа // Сибирские огни. 1969. № 1. С. 181–183**.** Рецензия на кн. «Шелест листьев». – М., 1964.
43. Шрейдер Ю.А. Ему удалось не сломаться // Советская библиография. 1988. № 3. С. 61–70: портр.
44. Очерет Л. Так долго не приходили: [По материалам воспоминаний Ф.Ф. Сучкова, в том числе о В. Шаламове] // В мире книг. 1988. № 8. С. 15–18.
45. Сучков Ф. [О В. Шаламове] // Смена. 1988. № 22. С. 10–11: фот.
46. Шрейдер Ю. Предопределенная судьба // Литературное обозрение. 1989. № 1. С. 57–60. О стихах и прозе В.Т. Шаламова.
47. Сучков Ф. Показания Шаламова: Рассказывает скульптор Федот Сучков // Неделя. 1989. № 5. С. 22: фот. (Мемуары).

48. Захарова Е. Уход: Последние дни Варлама Шаламова // Вологодский комсомолец. 1989. 16 апр.
49. Якович Е. Демидов и Шаламов // Литературная газета. 1990. 11 апр. (№ 15). С. 7: фот.
50. Информация о Шаламовских чтениях и вечере, посвященном В.Т. Шаламову в ЦДЛ // Литературная газета. 1990. 11 апр. (№ 15). С. 7.
51. Есипов В. Из рода Шаламовых // Красный Север. 1991. 7 февр. О родственниках В. Шаламова, в том числе о деде писателя Н.И. Шаламове, священнике Вотчинского прихода в 1867–1899 гг.
52. Заозеров. В. Варлам Шаламов: «Стихи – это боль и защита от боли» // Вологда. 1991. 3 июля: фото.
53. Федорова Н. Исполнить предназначенное судьбой // Красный Север. 1991. 4 июля.
54. Михайлов О. В круге последнем: [О писателе В.Т. Шаламове] // Российские вести. 1993. 30 окт. С. 2; 6 нояб. С. 2.
55. Вороно М. Дом Шаламова // Свеча. 1994. № 1 (5). С. 3.
56. Есипов В. Воспоминания о лете 1991 // Свеча. 1994. № 1 (5). С. 4. О первых Шаламовских чтениях в Вологде летом 1991 года.
57. Полищук Е.С. Человек и Бог в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова // Журнал Московской патриархии. 1994. № 2. С. 107–120. Примеч.: с. 120.
58. Чтобы умом понять Россию, собрались в Вологде ведущие ученые и писатели // Русский Север. 1994. 30 июня.
59. Сиротинская И. Из истории рода [Шаламовых] // Лад. 1994. № 6. С. 3–9.
60. Воронская Г. Воспоминания о В.Т. Шаламове // Лад. 1994. № 6. С. 9–15.
61. Шаламовские чтения в Вологде // Литературная газета. 1994. № 29 (20 июля). С. 3.
62. Чухонцев О. Никогда не будьте вторым!: Беседа с поэтом О. Чухонцевым / Беседу зап. А. Сальников // Лад. 1994. № 9. С. 4–12.
63. Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. № 12. С. 226–229.
64. Вороно М. Сенсация в доме Шаламова / Записал В. Аринин // Русский Север. 1996. 16 янв. С. 1. О фонде музея Шаламова и о приобретении музеем части личного архива писателя.

65. Сопина Т. Шаламов нас объединил // Вологодские новости. 1996. № 26 (27 июня–3 июля). С. 11.
66. Сопина Т. Пространство Шаламова // Вологодские новости. 1997. № 26 (26 июня–2 июля).
67. Виталий Шенталинский. Литературная газета. 1999, от 23. 06.
68. Еженедельная газета «Слово», № 10, 14 марта 2003. IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Республика, 1997. – С. 3–4.
69. Реабилитирован в 2000: Из следственного дела Варлама Шаламова / Публ. и примеч. С. Поцелуева // Знамя. 2001. № 6. С. 134–151.
70. Петраченков. В. Уроки Варлама Шаламова. Новый журнал 2006.№245.
71. Сергей Солоух Время Шаламова«Октябрь» 2006, № 3.
72. К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: [материалы междунар. конф., Москва, 18–19 июня 2007 г.] / Ист.-просветит., правозащит.-благотвор. о-во «Моск. Мемориал», Б-ка-Фонд «Рус. Зарубежье»; [сост. И.П. Сиротинская]. – М.: [б. и.], 2007. – 331 с.
73. Российская Газета.18.06.2007 |
74. Наша газета /2003 г. / № 10 (67).
75. Есипов В.В. Негромкое столетие Варлама Шаламова // Знамя, 2008, № 2. – С. 221–224.

Интернет-источники

76. http://forum.lgz.ru/viewtopic.php?t=16033&sid=53cd09687c9edcda597ddfd70a9bbfd3
77. http://sp.voskres.ru/publicistics/lobanov12.htm
78. http://www.e-lib.info/book.php?id=1120013286&p=23
79. www.kolyma.ru/magadan/history/magadan_1929_1940.shtml
80. http://www.kropka.ru/refs/44/9280/1.html
81. http://www.mn.ru/print.php?2007–21–29
82. www.gif.ru/themes/society/master-06/norshtein/ • 31
83. http://www.gif.ru/themes/society/master
84. /http://www.yavlinsky.ru/culture/index.phtml?id=1006
85. http://www.mil.ru/articles/article9759.shtml
86. http://www.uaportal.com/news/Culture/news_18962.html

87. http://www.proza.ru/2004/06/20-53
88. www.akhmatova.org/articles/lisichkina_stepanov.htm 09.12.2006
89. Стихи.ру,
90. Проза.ру,
91. Классика.ру,
92. Литклуб,
93. Литпортал
94. www.booksite.ru/varlam/index.htm

К главе 2.

95. ЦГАЛИ., ф. 2596., оп. 3. ед. хр. 130. л. 65–66, 77, 89–91, 124, 126, 155
96. Наше наследие. – 1988. – № 3. – С. 54.
97. Звезда. – 1965. – № 2.
98. Лит. обозрение. – 1989. – № 1. – С. 100–103.
99. Лит. Россия. – 1987. – 3 июля.
100. В. Шаламов. Несколько моих жизней. – В кн. Шаламов. Стихотворения. – М., 1988.
101. Собрание С.Б. Шоломовой.
102. Юность. – 1987. – № 11. – С. 43.
103. В. Шаламов. Стихотворения. – М., 1988.
104. Юность. – 1987. – № 12. – С. 32.
105. В. Шаламов. Стихотворения. – С. 4.
106. Книжное обозрение. – 1988. – № 47. – С. 6.
107. На севере дальнем. Магадан. Литературно-художественный альманах. – 1989. № 1. – Б. Лесняк. В.Т. Шаламов. – С. 169.
108. Наше наследие. – 1988. – № 3. – С. 74.
109. В. Шаламов. Левый берег. – М., 1989. – С. 29.
110. Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 46, 59, 61, 63
111. На севере дальнем. – Магадан, 1988. № 2. – С. 14.
112. А. Блок. Собр. соч. в 8 т. – М., 1963. – Т. 7. – С. 481.
113. Волга. – 1989. – № 7. – С. 65.
114. В. Шаламов. Левый берег. – С. 89, 312, 395
115. Ленинградский литератор. – 1990. – 10 января. – С. 6.
116. Москва. – 1988. – № 9. – С. 133.
117. Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 59.
118. Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. №. V. 1970. – Т. 1. – С. 403.

119. На севере дальнем. – 1988. – № 2. – С. 73.
120. Юность. – 1988. – № 10. – С. 62.
121. Встречи с прошлым. – М., 1988. – Вып. 6. – С. 293.
122. Советская библиография. – 1988. – № 3. – С. 71.
123. А. Блок. – Т. 3. – С. 628.
124. А. Блок. Записные книжки. – М., 1965. – С. 474.
125. Сб. Семиотика и информатика Винити. – М., 1976. – Вып. 7. – С. 128–145, 147.
126. Юность. – 1988. – № 3. – С. 62–63.
127. Сибирские огни. – 1988. – №-3. – С. 163–172.
128. ЦГАЛИ., ф. 2596., оп. 3., ед. хр. 183., л. 1, – С. 31, 57

К главе 3.

129. Личное собрание Е.К. Штурм.
130. К. Паустовский. Собр. соч. в 6 т. – М., 1957. – Т. 2. – С. 691. Здесь и далее указывается том и страница.
131. К. Паустовский. Поэтическое излучение. – М., 1976. – С. 398
132. К. Паустовский. Повесть о жизни. – М., 1966. – Кн. 1. – С. 595.
133. К. Паустовский. Золотая роза. – М., 1983. – С. 238, 242, 244, 254, 412
134. Вопросы литературы. – 1961. – № 1. – С. 167.
135. К. Паустовский. Поэтическое излучение. – С. 385.
136. К. Паустовский. Близкие и далекие. – М., 1967. – С. 310.
137. К. Паустовский. Повесть о жизни. – М., 1966. – Кн. 2. – С. 149, 172, 176, 182, 187, 574.
138. Октябрь. – 1982. – № 8. – С. 128–168.
139. Литература и жизнь. – 1960. – 27 апреля.
140. Э. Багрицкий. Известия. – Одесса, 1922. – 13 августа.
141. Новый мир. – 1939. – № 2. – С. 258.
142. К. Паустовский. Наедине с осенью. – М., 1967. – С. 145.
143. К. Паустовский. Собр. соч. в 9 т. – М., 1986. – Т. 9. – С. 352. Здесь и далее письма цит. по данному тому.
144. К. Паустовский. Собр. соч. в 6 т. – М., т. 2. – С. 656.
145. Нева. – 1956. – № 1. – С. 163.
146. Дружба народов. – 1956. – № 4. – С. 158, 167, 168
147. К. Паустовский. Собр. соч. в 6 т. – Т. 2. – С. 652.
148. К. Паустовский. Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. – С. 329, 332, 344, 355, 392, 393, 395, 403.

149. Лит. Россия. – 1967. – 26 мая.
150. Тарусские страницы. – Калуга, 1961. – С. 37, 40.
151. Л.П. Кременцов. Паустовский. Очерк жизни и творчества. – Ростов на Дону, 1975. –С. 38.
152. Вечерний Ленинград. – 1990. 29 ноября.
153. Звезда. – 1960. – № 1. – С. 189–198.
154. Лит. Россия. – 1969. – 7 ноября. – С. 10.
155. А. Измайлов. К. Паустовский в Ленинграде. – Сб. «Белые ночи». – Л., 1975. – С. 196.
156. О. Белов. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. Алянского. – Л., 1979. – С. 98.
157. Личное собрание Е.А. Лыжиной.
158. За кадры советской культуры. – Л., 1960. – 10 декабря.
159. Известия. – 1960. – 30 декабря.
160. Воспоминания о К. Паустовском. – М., 1975. – С. 38, 174.
161. В. Каверин. Вечерний день. Письма, встречи, портреты. – М., 1982. – С. 234.
162. Воспоминания о К. Паустовском. – М., 1983. – С. 251, 408, 409, 412.
163. К. Паустовский. Собр. соч. в 8 т. – М., 1982. Т. 2. – С. 667.
164. ЦГАЛИ., ф. 2119., оп. 1., ед. хр. 568., л. 10. – С. 342, 346.
165. А. Гладков. Поздние вечера. – М., 1986. – С. 318, 320.
166. Блоковский сборник. – Тарту, 1986. – Вып. 7. – С. 98.
167. Е. Книпович. Об Александре Блоке. – М., 1987. – С. 9, 388–399
168. К. Паустовский. Рассказы. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. – М., 1972. – С. 293.

К главе 4.

169. Борис Слуцкий, «Собрание сочинений в трех томах». Москва: 1991. Здесь т. 3, С. 191.
170. Борис Слуцкий в диалоге с современниками. «Крещатик». 2008, № 41.
171. Борис Слуцкий. Неоконченные споры. М., Изд. «Советский писатель», 1978.
172. Слуцкий. Б. «Огниво высекает огонь». «Литературная газета» № 5. X.1961 г.
173. С. Поцелуев «из Архивов». Из донесения 23 декабря 1957. – В кн.: Шаламовский сборник. № 3. 2002. С. 26.

174. Есипов В. «Варлам Шаламов и его современники». – Вологда. Книжное наследие. 2007. С. 26.
175. Знамя, 1988 год. № 1.
176. Инобытие поэта. «Новый Мир», 1994, № 3.
177. Вопросы литературы. 2003, № 1.
178. Новый мир, 1999. № 4, С. 166–168.
179. Краткая Еврейская Электронная энциклопедия. Т. 8, кол. 51–53. Сайт ЕВРЕИ РОССИИ (СССР) > Вклад евреев в культуру, науку, экономику
180. «Слово\Word» 2009, № 61
181. Суламифь Лихтарёва (Питтсбург). 7 мая 2002 г. О Борисе Слуцком – друге и поэте. – Журнал «Вестник». № 11(296). 29 мая 2002 г. *www.vestnik.com*

Интернет–источники

182. http://www.vestnik.com/issues/2002/0529/win/slutsky.htm
183. http://www.yavlinsky.ru/culture/friends/index.phtml?id=2200
184. VIVOS VOCO: Б. Слуцкий, «Неоконченные споры»
185. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU7_W.HTM
186. www.litera.ru
187. www.lechaim.ru (всего 2)
188. http://www.jewniverse.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=883
189. http://www.sem40.ru/culture/books/16209/
190. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/3/slucky.html
191. http://baginsky.8k.com/parodiii.htm
192. www.novayagazeta.ru/data/2001/42/06.html
193 http://www.poezia.ru/salon.php?sid=34559
194. http://www.stihi.ru/poems/2003
195. http://litera.ru/stixiya/authors/sluckij.html
196. http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU1_W.HTM– «Тарусские страницы» – 1961
197. http://skill21.narod.ru/1/2-8.htm – Антологтя рус. поэзии
198. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/3/slucky.html
299. http://magazines.russ.ru/arion/1997/3/stihi.html
200. http://www.rvb.ru/np/publication/02comm/01/08slutzky.htm
201. http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU3_W.HTM

202. http://www.vestnik.com/issues/1999/0525/win/banch.htm
203. http://www.ijc.ru/sluzky.html

К главам 5–6.

204. Шаламов В. Колымские тетради. – М., 1994. – 287 с.
205. Шоломова С. «ПЕПЕЛ, СТУЧАЩИЙ В ЛЮДСКИЕ СЕРДЦА…» (Харьковские герои Варлама Шаламова). – Круг. Гуманитарная газета. –Х., 1995. №3.
206. Шоломова С. ЖИТИЕ ГЕОРГИЯ ДЕМИДОВА (из цикла «Харьковские герои Варлама Шаламова»). – Круг. Гуманитарная газета. – Х., 1995. № 5–6.
207. Шоломова С. О Георгии Демидове. – Мемориал-аспект: Инф. Бюллетень об-ва «Мемориал». – М., 1995. № 13, июнь.
208. Демидов Г. Писатель – В кн.: Возвращение. Вып. 21. – М., 1991. С. 130–143.
209. Демидов Г. Чудная планета. –- М., 2008. – 358 с.
210. Франкл Виктор. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. Москва: Смысл, 2004. 176 с.
211. Отдел редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко. Архивный фонд Г.Г. Демидова. Ф. 36 (Р-531 – Р-534).
212. Отдел редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко. Архивный фонд «Памяти В.Т. Шаламова». Ф. 35.

К главе 7.

213. «Памятная книга Харьковской губернии на 1864 г». (Сост. Я. Голяховский).
214. «Петербургский юрист». – СПб., 2006. № 11.
215. Архитекторы: справочник «Единый художественный рейтинг». Интернет-источник.
216. «Русский биографический словарь». Под редакцией Половцева.
217. «Зодчий». – СПб., 1880.
218. Кудашева Б.М. «По каналу Грибоедова». Путеводитель. – СПб., 1997.
219. Барановский. Вып. II. С. 376.

220. Русский биографический словарь. Под ред. Южакова, т. (Чаадаев – Швитков). С. 489.
221. Юбилейный Сборник Института гражданских инженеров 1842–1892 гг. – СПб., 1892. С. 376.
222. Зодчий 1875 г., № 1, 1880, № 5–6;\ Листок архитектурного журн. «Зодчий», 1876. № 1.

О родных В. Шаламова.

223. Сиротинская И. Из истории рода // Лад. – 1994. – № 1.
224. Шаламов В. Четвертая Вологда. – Вологда. Изд-во Грифон. 1994. – 192 с.

Интернет–источники

225. http://www.mrezha.ru/vera/7/12.htm, 2003 г.
226. http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ans/nm/?ufc8KWeCQ*
227. http://www.emc.komi.c
228. http://www.pmem.ru/index.php?mode=rpm&exmod=rpm/12/sheets/shee
229. http://www.orbis.spb.ru/topohron/personal/1012291.htm
230. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/1
231. http://www.encspb.ru/persarticle.php?kod=2803936739
232. http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=135648
233. http://www.orbis.spb.ru/topohron/personal/1012291.htm
234. http://www.citywalls.ru/photo6348-0.html
235. http://text.ruslib.com/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt_Piece40.12
236. http://www.emc.komi.c
237. http://www.pmem.ru/index.php?mode=rpm&exmod=rpm/12/sheets/sheet025
238. Сайт: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет.

К главе 8.

239. Юдина М.В. Статьи, воспоминания, материалы. – М., 1978.
240. Юдина М.В. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. – М., 1999.
241. Юдина М.В. Вы спасетесь через музыку. Литературное наследие. – М., 2005. – 411 с.

242. Юдина М.В. Высокий стойкий дух. Переписка (1918–1945). – М., 2006. – 655 с.
243. Юдина М.В. Обреченная абстракции, символике и бесплотности музыки. Переписка (1946–1955). – М., 2008. – 591 с.
244. Юдина М.В. Жизнь полна смысла. Переписка (1956–1959). – М., 2008. – 600 с.
245. «Записки отдела рукописей ГБЛ. Записки РОЛБ». – М., 1973. Т. 34.
246. «Записки РОЛБ». Ф. 527, к. 20, ед. хр. 52.
247. Михайлов О. «По самой сути бытия». Литературная газета. 1968, от 31 января.
248. Красухин Г. Человек и природа. «Сибирские Огни». 1969. № 1.
249. «Звезда». 1965. № 2.
250. Новый Мир. 1997. № 6.
251. Сб.: «Катакомбы XX века». – М., 2001.
252. Еженедельная газета «Слово». 2003, 14 марта. № 10.
253. Шаламов В. Стихотворения. – М., 1988. – 254 с.
254. Шаламов В. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. – М., 2004. – 1072 с.
255. Шаламов В. Автобиографическая проза. – В кн.: Собрание сочинений в 6-ти томах. – Т. 4. – М., 2005. – 636 с.
256. Шаламов В. Все или ничего. Эссе и заметки. Записные книжки. – В кн.: Собрание сочинений в 6-ти томах. – Т. 5. – М., 2005. – 383 с.
257. Сиротинская И. Мой друг Варлам Шаламов. – М., 2006. – 199 с.
258. Есипов В. Варлам Шаламов и его современники. – Вологда. 2007. – 270 с.

Интернет–источники

259. http://www.yavlinsky.ru/culture/index.phtml?id=1006
260. http://alexandrmen.ru/pan.html
261. www.akhmatova.org/articles/lisichkina_stepanov.htm 09.12.2006 г.
262. http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/shalamov/zapkn_54–79.htm
263. ru.wikipedia.org/.
264. www.dom-knigi.ru/book.asp?.
265. www.sprinter.ru/.../authors/?author

266. shalamov.ru/library/24/44.html
267. my-shop.ru/shop/.../473664.html
268. www.encspb.ru/article.php?kod
269. www.patriarchia.ru/.../99149.html
270. www.krotov.info/.../yudina.
271. html pianistyudina.narod.ru/mem1_febrary.htm
272. http://www.petergen.com/bovkalo/nsb.htm
273. www.nlr.ru/ar/staff/ljubins.
274. www.krugosvet.ru/.../YUDINA_MARIYA_VENIAMINOVNA.
html

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Глава 1. Хрупкие ростки памяти 8

Встреча с Федотом Федотовичем Сучковым 10
Биографическая справка о Ф. Сучкове 11
Посещение кладбища 13
Первые впечатления 14
Первое посещение Вологды 15
Важная подробность 16
Знакомство с Сашей Свиридовой 18
О Михаиле Сопине 23
О Чухонцеве 28
Штрихи к портрету Олега Чухонцева 29
Фрагмент речи при вручении премии
24 мая 2007 года 30
Июньские дни в Вологде 32
О Лазаревском кладбище 33
Отклик в печати на Шаламовские чтения–94 33
И. П. Сиротинская
о Международных Шаламовских чтениях 40
О Елене Мамучиашвили 42
Лето 1996 года. О памятнике «Маска скорби» 48
2000 год 48
2004–2006 годы 50
О священнике Александре Куликове 61
Всего один эпизод его биографии 62
О последнем мученическом
витке жизни В. Шаламова 63
Еще одно свидетельство 63

Свидетельство Татьяны Леоновой 69
Последняя мечта или диалог с психиатром 78
Один миг 79
Последние подробности 80
О Саше Морозове 81
Свидетельство Александра Морозова 81
Роковая экспертиза 84
О похоронах 87
Свидетельствует Федот Сучков 88
Начало знакомства 88
Последняя встреча 88
Проводы в последний путь 88
Позднее свидетельство 90
И еще одно свидетельство 91
Размышления о смерти 94
О страхах 95
2006 год 96
2007 год 97
Поездка в Москву или путевые заметки 98
О конференции 99
О Марине Николаевне Воронó 100
Первые впечатления от конференции 102
О своем выступлении 106
Обрывки отдельных мыслей и слов, поразивших
меня, и которые я успела занести в блокнот 110
Из интервью И.П. Сиротинской газете
«Московский комсомолец» 115
После конференции 115
Отклики на конференцию 116
О Марии Бояровой 121
Эхо юбилея 126
Освящение памятного креста 129
В Вологде отмечают 100 лет
со дня рождения Варлама Шаламова 130

Глава 2. Варлам Шаламов и Александр Блок 133

Глава 3. «Да не судимы будем…» 172

Глава 4. На пересечении поэтических судеб (Варлам Шаламов и Борис Слуцкий 182

«… А ведь он от младенчества харьковчанин» 183
Роковой эпизод в биографии 188

Глава 5. На пересечении трудных дорог на Колыме 194

Еще раз о религиозности Шаламова 199
Послесловие 201

Глава 6. Житие Георгия Демидова 203

Варлам Шаламов. «Что я видел и понял в лагере». 207
Свидетельство И.П. Сиротинской 208
Шаламов о своих рассказах 209
О Г. Демидове рассказывают документы 209
Приложение 210
Еще одна солагерница Шаламова 222

Глава 7. Неожиданные краеведческие страницы 224

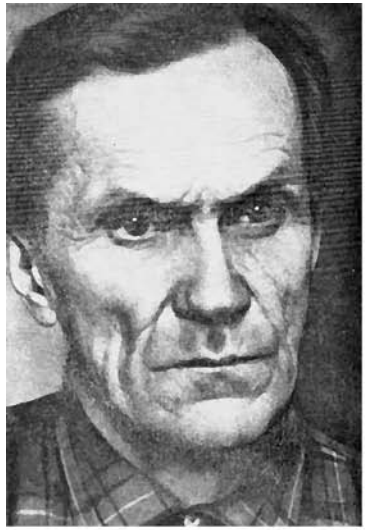
Однофамилец или дальний родственник? 226
О родовых корнях Варлама Тихоновича Шаламова 231
Прапрадед писателя 232
Прадед 232
Дед 232
Отец . . . 235
Трагическая судьба дяди Прокопия 236

Глава 8. Сердечный отклик 242

О книге «Дорога и судьба» 242
«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…» 243
Удивительное самораскрытие 250
Сердечный отклик 251
Вся ее жизнь была как «луч иного бытия» 253
Заветный автограф 264

Глава 9. Приглашение к размышлению 266
Малая поэтическая антология
Варлама Шаламова 267
Откровения Варлама Шаламова 281
Из письма В. Шаламова Пастернаку 285
Истины Александра Блока 286
Константин Паустовский о заветном 291
Стихи Бориса Слуцкого 293
М.В. Юдина. В начале пути.
Невельский дневник (1916–1918) 297
Прозрения Виктора Франкла 300

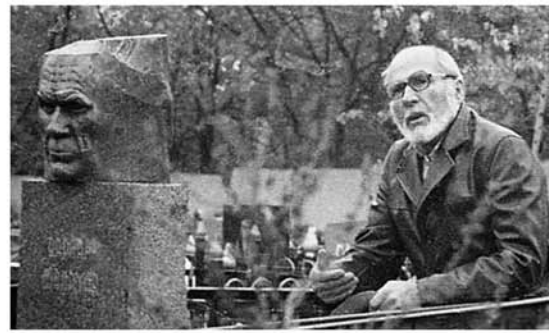
Список источников 317



Варлам Тихонович
Шаламов

Скульптурный портрет В. Шаламова
работы Ф. Сучкова

Ф. Ф. Сучков
перед арестом



Могила Шаламова. Рядом автор скульптурного
портрета писатель Федот Сучков

И. П. Сиротинская на могиле Шаламова

И. П. Сиротинская

В стенах дома, где прошло детство писателя, теперь находится музей

Вологодская София

Настенная икона

Церковь на берегу Кубенского озера.
Фото Майкла Никольсона (Англия)

Спасо-Прилуцкий монастырь

Александра Свиридова – автор сценария и сорежиссер фильма «Варлам Шаламов. Несколько моих жизней»

Михаил Сопин
в разные годы
жизни

Книга
Михаила Сопина

Во втором ряду стоят слева направо: Роже Вильтц (Франция), Марк Кораллов, Ира Некрасова, Майкл Никольсон (Англия), переводчица, Олег Чухонцев. В первом ряду – Таня Исаева, Минако (Япония), подруга Роже, гость из Франции.
Сидят: Софья Шоломова и Софи Бенеш, переводчица из Франции.

Олег Чухонцев
читает стихи

М. С. Лебедева (Иваново) и С. Шоломова
в беседе о Карсавине

Слева направо: В. Есипов, И. Сиротинская,
С. Шоломова

Марина
Николаевна
Вороно́

Софья Шоломова и Лора Кляйн

На конференции, посвященной
100-летию со дня рождения
В. Т. Шаламова

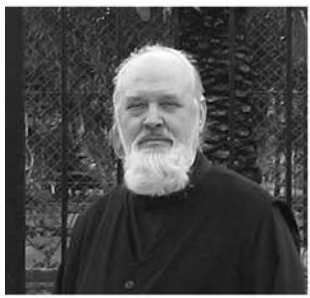
И. П. Сиротинская

Выступление М. Швидкого

Г. Померанц и З. Миркина

Выступление С. Шоломовой

На могиле Варлама Шаламова



Портрет писателя Варлама Шаламова.
1966 г. (Дерево.) Скульптор –
Сучков Федот Федотович

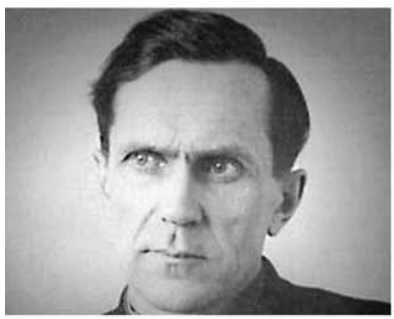
Протоиерей
Александр Куликов

Варлам Шаламов
в Вишерском лагере

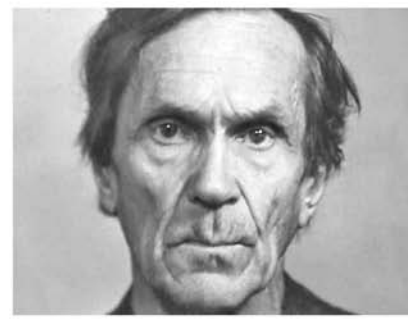
Поселок Аляскитовый.
Здесь добывали вольфрам

В больнице для заключенных, 1948 год.
Второй справа в верхнем ряду – В. Т. Шаламов, старший фельдшер хирургического отделения, заключенный. В нижнем ряду вторая слева – хирург-ординатор Е. А. Мамучашвили.

Варлам Тихонович
Шаламов. 1952 год.
Посёлок Кюбеме.
Колыма.



Варлам Шаламов



Последнее фото В. Т. Шаламова

Александр Блок в разные годы жизни

Варлам Шаламов

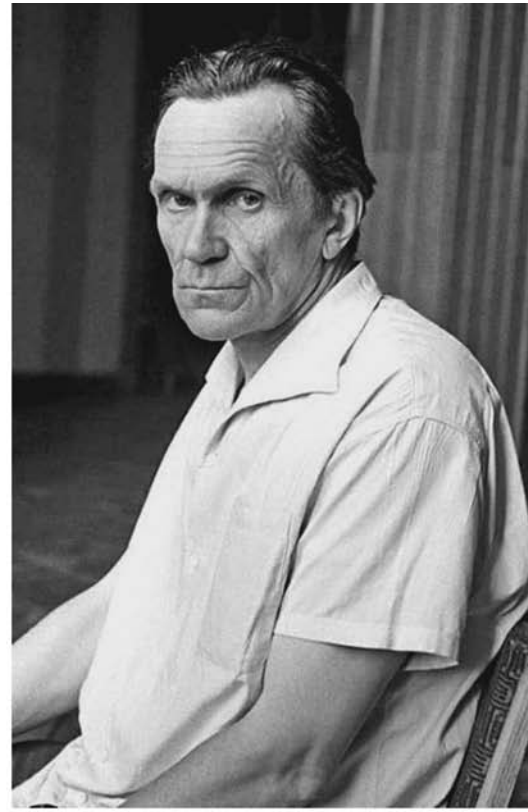
Дом Паустовского в Тарусе

К. Г. Паустовский

Константин Паустовский

Могила К.Г. Паустовского в Тарусе

Борис Слуцкий



Варлам Шаламов

Мария Вениаминовна Юдина

Книга М. В. Юдиной

Фотографии Ольги Степановны Семеняк

Семейное фото

Перед поступлением в харьковский медицинский институт

Фото из Магадана

Фотография магаданского периода

После возвращения

Георгий Демидов
перед арестом

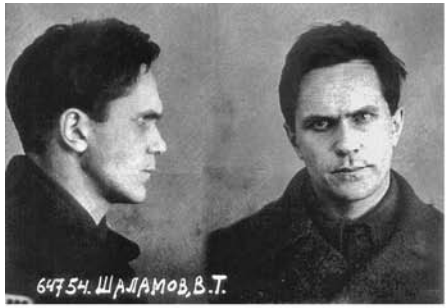
В лагерном бараке

Могила
неизвестного
зэка

Георгий Демидов создает
свою летопись Колымы

Крест над
безымянными
могилами жертв
ГУЛАГА

«Они не могли забыть воспоминания о лагере»



В. Т. Шаламов

Книга В. Т. Шаламова «Вишера»

На Колыме

Сборник стихов В. Шаламова «Дорога и судьба»

Работа А. Шервинской к книге «Дорога и судьба»

На могиле В. Т. Шаламова

Варлам Тихонович Шаламов – першокласний прозаїк і поет, один з найвідоміших, поряд з Олександром Солженіциним, письменник радянського ГУЛАГу, автор відомих «Колимських оповідань». У його долі завжди була присутня і, як незрима нитка, зв'язувала воєдино всі етапи його життя, висока поезія. Ця «нитка» виявилася напрочуд міцною, а його доля – найвищою мірою повчальною. Він не просто вижив у ГУЛАГу, що саме по собі слід вважати дивом, не тільки не зламався, але і зміг в повний голос розповісти приголомшуючу правду про життя в нелюдських умовах.

Літературно-художнє видання

ШОЛОМОВА
Софія Богданівна

СЕРДЕЧНИЙ ВІДГУК

Етюди про Варлама Шаламова

(російською мовою)

ISBN 617-7266-37-1

9 786177 266371

Відповідальний за випуск *Є. Ю. Захаров*
Редактор *І. Б. Захарова*
Коректори: *І. Б. Захарова, І. Ю. Рапп*
Комп'ютерна верстка *Ю. А. Жданов*

Підписано до друку 17.07.2015
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Папір офсетний. Гарнітура Times
Умов. друк. арк. 19,53. Облік.-вид. арк. 16,90
Наклад 1000 прим. Зам. № КС-08/15

ГО «ХАРКІВСЬКА ПРАВОЗАХИСНА ГРУПА»
61002, Харків, а/с 10430
http://khpg.org
http://library.khpg.org

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.